

*Свидетели
эпохи*

ХАДЛСТОН
УИЛЬЯМСОН

■
*Прощание
с Доном*

Гражданская война в России в
дневниках британского офицера

1919 – 1920

Annotation

Роль Англии во внутренних делах России, история так называемой интервенции и трагедия раздираемого Гражданской войной населения – вот основной предмет повествования Хадлстона Уильямсона. Записи велись по горячим следам событий. Автор рисует яркие запоминающиеся портреты Корнилова и Деникина, делает впечатляющие панорамные зарисовки фронтов и эпизодов важнейших сражений, дает характеристику организации и боевого духа Российской армии и отдельных ее представителей.

Хадлстон Уильямсон

**Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках
британского офицера. 1919 – 1920**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хадлстон Ноэль Хедворт Уильямсон родился 27 декабря 1886 г. Он был сыном капитана Сесила Хедворта Уильямсона из Касл-Дугласа в Керкубришире. Учился в Итоне и Королевской Военной академии в Вулидже. В 1907 г. поступил на службу в Королевскую артиллерию и служил в Индии и во Франции всю Первую мировую войну с 1914 по 1918 г. Награжден Военным крестом и Бельгийским Военным крестом, был ранен и трижды упоминался в официальных донесениях. Он отправился в Россию, когда там все еще шла Гражданская война, последовавшая за революцией.

Британское вмешательство в дело, являвшееся чисто национальной ссорой, требует некоторого разъяснения. Она началась с большевистского революционного переворота 1917 г., свергнувшего царя и практически прекратившего участие России в Первой мировой войне, а завершилась поражением антикоммунистических лидеров – адмирала Колчака в Сибири в 1919 г. и генерала Врангеля в Крыму в конце 1920 г., и причины ее были в большой степени случайными.

Когда русская армия устранилась от войны, жившие в России чехи, которые еще в 1914 г. высказали пожелание вместе с Россией освободить собственную страну от господства союзника Германии – Австрии, решили отправиться в путь через Сибирь до Владивостока по железной дороге, а затем по морю, чтобы соединиться с союзниками во Франции. К тому времени полки 1914 г. превратились в армейские корпуса, и, хотя им и полагалось сдать оружие, многие из них фактически сохранили его в целях собственной безопасности, и разгорелись бои между ними и большевиками. Активно действуя, чехи захватили все важные города на Транссибирской магистрали до самого Иркутска, а затем оккупировали Владивосток и города на Амуре.

Тут же, видя их успех, амбициозные или заблуждающиеся люди в различных районах России стали создавать правительства в знак сопротивления большевикам и некоторое время смогли управлять крупными регионами страны, а также предпринимать нерешительные попытки победить Красную армию, которая к тому времени была по-новому организована блестящим и кровожадным юристом Львом Троцким. Спорадические стычки перешли в тотальную Гражданскую войну, и до того, как она закончилась, высадились британские, французские, американские и японские войска; в Одессе произошло чуть ли не восстание французских частей; русские солдаты убивали британских офицеров в их постелях, и тысячи бездомных беженцев устремились на юг или в пустыню Центральной Азии, чтобы спастись от наступающих красных армий или умереть на обочинах дорог и в глиняных лачугах среди киргизских степей либо на бесплодных равнинах у китайской границы.

В Сибири и Южной России неуклюжие молодые крестьяне в британских хаки неумело сражались против своих соотечественников, при первой возможности толпами дезертировали к большевикам, а тысячи беженцев месяцами жили в поездах в неопишуемой грязи и нищете. Это был рассказ о трагедии, страданиях и тщетности, когда рука об руку шли неумение, предательство и трусость.

И все-таки в июне 1919 г., казалось, все предсказывало победу. На юге генерал Деникин оккупировал треть России и почти дошел до Москвы, на северо-западе генерал Юденич был уже на подступах к Санкт-Петербургу, а на востоке адмирал Колчак почти достиг Волги. И все же антибольшевистские силы довели ситуацию до того, что все победы утекли сквозь пальцы.

Интервенцию союзников сурово осуждали с обоих полюсов общественного мнения. С милитаристской точки зрения было послано слишком мало войск, чтобы они смогли принести хоть какую-то пользу, а также ни одно из антибольшевистских правительств не предприняло каких-либо согласованных действий, чтобы отобрать власть у советских лидеров. Противоположное мнение осуждало

этот эпизод как неоправданную авантюру, которая лишь увеличила трудности российского населения и не имела иной цели, кроме как сменить у власти ненавистных Романовых.

Договор в Брест-Литовске, в результате которого русские вышли из войны весной 1918 г., позволил германским войскам вторгнуться в Финляндию, Литву, на Дон и Украину. Внешне дело выглядело так, будто они пришли, чтобы помочь слабому советскому правительству поддерживать порядок, но фактически они находились там, чтобы добыть как можно больше продовольствия для того, чтобы преодолеть союзную блокаду, которая ставила своей целью посредством голода заставить Германию покориться. Кроме того, немцы хотели завладеть огромными запасами военных материалов, посланных Антантой России во время войны, а теперь лежащих в железнодорожных вагонах в Архангельске, Мурманске и Владивостоке. Конечно, для союзников было жизненно важно не дать немцам обрести какую-либо выгоду от крушения России, и в марте 1918 г. британские военно-морские силы произвели высадку десанта в Мурманске для охраны этих складов, хотя в тот момент не было и мысли об участии в российских делах. Однако, воодушевляемые успехами чехов и встревоженные растущей дружбой между немцами и большевиками, союзники, которых в значительной степени убедил Уинстон Черчилль, в то время военный министр, высадили войска; а растущий хаос, наглость все еще непобежденных немцев вместе с жестокостью и конфискациями, осуществляемыми большевиками, начали производить ободряющее действие на быстро появившиеся контрреволюционные правительства. Еще более их подбодрило то, что стали приезжать союзные военные миссии – они имели целью помочь обучить войска и восстановить стабильное правительство в стране, которая стремительно сползала к анархии.

Британские офицеры вроде Уильямсона вскоре оказались заняты распределением оружия, упряжи, военной формы и т. п., а также обучением русских добровольцев. Все эти колесики организации были приведены в действие до перемирия, которым завершилась война с Германией, а когда оно наступило, уже было невозможно, да и не благоразумно остановить машину одним махом. И после долгих колебаний и лицемерной болтовни на конференции по перемирию было решено сохранить эти миссии для облегчения страданий русского народа. Конечно, настоящая правда была в том, что все боялись коммунистической угрозы и надеялись свергнуть Советы, и французский государственный деятель Клемансо фактически выразил свое убеждение в идее создания «санитарного кордона», как это видел Уинстон Черчилль, между Россией и остальным миром. Однако поддержка в любых размерах в чисто внутреннем конфликте не подлежала обсуждению, и все, что было сделано, делалось лишь наполовину, и с монотонной регулярностью оказывалась поддержка не тем людям. И в результате осенью 1919 г. белые, или антикоммунистические, армии начали рушиться в этом переплетении разрухи, железные дороги, по которым они отступали, для поредевших полков и тысяч и тысяч беженцев, их сопровождавших, становились *via dolorosa* (дорогой страданий и скорби. – Примеч. пер.).

Тем не менее весной 1919 г., когда Уильямсон впервые оказался причастен к этой истории, шансы на падение правительства Советов и уничтожение навсегда угрозы коммунизма, который уже начал распространяться на запад в сокрушенную Германию и даже во Францию, государственным деятелям Антанты казались многообещающими, и молодые люди вроде Уильямсона отправлялись в Россию, полагая, что занимаются мудрым и почетным делом. Им было суждено пережить прискорбное заблуждение. Они взялись за почти невозможное предприятие. Царская империя столь долго гнила от коррупции, и слишком много людей, с которыми им пришлось работать, стали продуктом этой системы. В то время как, несомненно, было много храбрых и достойных уважения людей, гораздо больше было ленивых, безразличных, фанатичных, корыстолюбивых и даже трусливых. Дневник Уильямсона описывает, как возвышенные надежды, с которыми он отправился в Россию в 1919 г., закончились в 1920-м разочарованием и катастрофой.

Пролог

Осенью 1915 г., когда я был капитаном и командовал полевой батареей в Круа-Барб во Франции, меня по телефону предупредили о том, что ко мне должны прибыть два высокопоставленных русских артиллерийских офицера, которых вместе с переводчиком скоро доставят на автомашине на мою боевую позицию. Мне надлежало сопровождать их при осмотре моих орудий, ознакомить с моим наблюдательным пунктом и устроить демонстрацию огневой мощи гаубиц калибра 4,5 дюйма, которыми в то время британское правительство в значительных количествах снабжало Российскую армию.

«Постарайтесь, чтобы им понравилось пребывание, – было сказано мне. – Но никоим образом нельзя допустить, чтобы их там убило или ранило!»

У меня было достаточно времени, чтобы предупредить своих младших офицеров и орудийные расчеты, перед тем как подъехала машина и из нее вышли полковники российской императорской артиллерии Виноградов и Геркович вместе с переводчиком Борисом Анрепом – хорошо известным лондонским художником.

После соответствующего количества поклонов, улыбок и рукопожатий я обнаружил, что оба полковника говорят по-французски, так что я смог подключиться к разговору и обмену личными комплиментами и фотографированию.

А тем временем мои артиллеристы уставились на ряды медалей, блистающие стальные ножны для клинков и шпоры – ведь ничто из этого перечня отнюдь не способствовало передвижению ползком по траншеям, – а обладателям этих аксессуаров неизбежно предстояло именно так добираться до моего наблюдательного пункта. Но когда Виноградов попросил баночку с землей с одного из окопов, где располагались орудия, которую он обещал высыпать на русском орудийном окопе как символ доброй воли между союзниками вообще и артиллеристами в частности, энтузиазму не было границ, и специально для него была устроена демонстрация артиллерийской выучки и артиллерийской наводки.

Посещение НП началось не без серьезных опасений с моей стороны, поскольку полковники в своих зеленых шинелях до пят и в полных воинских доспехах не очень-то были настроены на то, чтобы перемещаться по деревянному тротуару, настланному вдоль залитого водой хода сообщения, который был для нас естественным путем для подхода к НП. Начав путешествие, в котором я имел честь сопровождать их, по верху траншеи, мы вскоре были вынуждены спрыгнуть в полузатопленные снарядные воронки, поскольку начался неизбежный прицельный огонь германской полевой пушки.

После визита вежливости к командиру батальона на оборонительном рубеже мы в конце концов достигли своей цели несколькими выстрелами для уточнения места германского опорного пункта, а за этим сделали еще один-два выстрела по заранее зарегистрированным целям. Конечно, это действие вызвало ответный огонь немцев по траншеям нашего прикрытия – для которого мы ни в коей мере не испытывали избытка своей пехоты, – а потом опять по моей орудийной позиции. Опять поклоны, салюты и рукопожатия – и полковники Виноградов и Геркович навсегда исчезли из моей жизни.

Несмотря на удовлетворение, которое они продемонстрировали, я не был уверен в том, что визит оказался успешным. Их комментарии не очень многое разъясняли, поскольку русские почти не выходили за рамки сравнения наших методов – конечно, с невероятной вежливостью, но все-таки снисходительно неблагосклонно – с теми, что сами использовали в Русско-японской войне 1905 г. и на ранних этапах 1914 г. Насколько я помню, ни в одной из этих кампаний русские не достигли сколько-нибудь значительных военных успехов. Тем не менее я был рад своим гостям, несмотря на то что в качестве рекламы восхваляемого русского парового катка они были не столь впечатляющи.

Три года спустя, в декабре 1918 г., я был очень молодым майором, засидевшимся в небольшом бельгийском городке и наблюдавшим за расчленением армейских частей и лихорадочной демобилизации. И тут новости из внешнего мира стали вновь обретать свою обычную значимость; и, что еще примечательней, новости из России, нашего давнего союзника, стали захватывающе интересны.

На Западном фронте наша война уже закончилась, но теперь, казалось, вдали, в Юго-Западной России, на северном побережье Черного моря, велась страшная борьба за выживание немногими остатками императорской Российской армии, которая, находясь под командой Ренненкамппа и Самсонова, в 1914 г. была загнана глубоко в Восточную Пруссию и ценой колоссальных жертв ослабила германское давление на Западе, когда немцы гнали британцев назад к портам на Ла-Манше. Сейчас, как рассказывали, эти разбросанные части, верные своему убиенному царю и союзникам, которые вступили в войну от их имени, и тем своим товарищам и их семьям, что могли бы избежать первоначальной резни революции, находились в бедственном положении.

Как бы там ни было, думалось мне, но в тот момент они олицетворяли собой бастион на пути быстро нарастающей волны коммунизма, которая уже обрушивалась из Восточной Европы на Запад. Страх его (коммунизма. – Примеч. пер.) уже широко распространился, потому что из-за усталости от войны, неприязни к дисциплине и искусной коммунистической пропаганды, которая вызывала отклик в каждой стране, эта угроза стала вполне реальной.

Я думал о тех двух русских полковниках, побывавших на моей оружейной позиции в 1915 г. Где они теперь? Может, их уже зверски убили революционеры? Я думал об их загубленном царе, который был внешне так похож на нашего собственного короля Георга. А поскольку вести о коммунистических зверствах шли широким потоком, я думал о великой армии и великой нации, подвергшихся процессу жуткого распада, зависящих от милости революционной толпы, которая не щадила ни женщин, ни детей в своем бешеном стремлении к воплощению так называемой свободы.

Там, в русских степях, отчаянно нуждались в помощи. И нуждались именно сейчас; я впервые услышал, что набирают офицеров-добровольцев, которые нужны для работы в британской миссии для оказания помощи антибольшевистским армиям в распоряжении военным снаряжением и использовании его и тех запасов, которые британское правительство решило отправить в Россию. И перед этим призывом я устоять не смог.

Я предложил себя, будучи охвачен духом поиска приключений и поддержания традиционной этики касты, к которой я принадлежал. У меня было не больше времени на мятежных солдат и матросов, которые издевались над своими офицерами и устраивали побоища, чем на политических авантюристов из преступных классов, убивших своего царя и его беспомощную семью. Я вышел из тех слоев общества, чьи привилегии в то время были очень весомыми, и рассматривал русскую революцию не столько как борьбу рабочих за то, чтобы поправить многое, что было неправильно, сколько как борьбу злых людей, стремившихся покончить с обществом, которому я принадлежал. Российское общество вполне могло заблуждаться и зачастую было коррумпированным, а революция вполне могла положить конец конкретному типу человека моего класса, но, как и многие другие, я считал себя преданным делу крестового похода ради сохранения того, что считал положительным. Мы не были очень умными, эрудированными и, возможно, бывали порой не правы и приписывали идеальные черты некоторым вещам, того, может быть, не заслуживавшим. Но этот идеализм руководил нашими действиями, и мы по-прежнему были горды им, потому что такие поступки были характерны для поколения, к которому мы принадлежали. Та же самая моральная сила посылала тысячи молодых людей в вербовочные пункты в 1914 г. и вела их на смерть на Сомме и у Пасхендале ради идеи, в которую они верили.

Хотя это ощущение уже исчезло, в те дни оно было искренним, и я просто не мог тратить времени на

ожидание.

Мне дали недельный отпуск, и я отправился прямиком в Военное министерство, где меня зарегистрировали для отправки в миссию. Потом опять в Бельгию на пару дней, чтобы попрощаться с последним из расформированных штабов моей дивизии, затем неделя – с матерью в Уилтшире, пара вечеринок в Лондоне с друзьями, которые думали, что я совсем сошел с ума. И вот 12 апреля 1919 г. я расстался на причале в Саутгемптоне с некоторыми из этих самых товарищей.

Что представляла собой эта дурацкая одиссея, в которую я ринулся по своей воле? Был ли я сумасшедшим, как уверяли мои друзья? Тогда я совсем не считал себя безумцем.

Глава 1

Саутгемптон был забит высокотрубными судами и войсками, возвращающимися из Франции по демобилизации. Они просто мечтали сбросить военную форму и избавиться от армейской дисциплины, но я вместе с другими офицерами, откомандированными в качестве инструкторов в белогвардейские войска на Кавказе и в Крыму, направлялся еще на одну войну.

В группу кроме меня входили Линг – физически крепкий, краснолицый артиллерист, Пейн из Королевских ВВС, а также Стентон из 7-го полка гвардейских драгун.

Путь наш лежал через Гавр, Модан и Турин, и после трех с половиной очень утомительных дней, проведенных во втором классе итальянского воинского эшелона, мы прибыли в Таранто. Там мы простояли достаточно долго для того, чтобы запастись небольшим резервом консервированных продуктов и летнего военного обмундирования, которое, как мы начали понимать, могло нам понадобиться, а также для того, чтобы к нам подключились шесть сержантов из Королевской полевой артиллерии, а потом мы поднялись на борт корабля Elkantara. На вторую ночь мы прошли Коринфский пролив, а на следующий день сошли на берег в Афинах. Однако у нас хватило времени лишь на то, чтобы взглянуть на Акрополь и Парфенон до того, как в спешке ринуться назад на корабль, но и за это короткое время нам удалось оказаться замешанными в огромной уличной драке, в которой также участвовали два трамвайных вагона, несколько полицейских и толпа из минимум двухсот человек всех мыслимых национальностей. Она началась из-за количества пассажиров, допускаемых на борт судна, но в результате была лишь одна жертва – водитель одного из трамваев, которого ударили ножом в шею.

Также в Афинах мы впервые увидели беженцев, которые уже покинули Южную Россию перед наступлением большевиков.

Они представляли все классы общества, но больше всего было бывших царских офицеров, дворян и зажиточных торговцев, которых революция лишила собственности. Похоже, никто из них не испытывал неудобств, потому что они смогли убраться из России вовремя, но на свое положение они жаловались во весь голос. Они ввели нас в курс событий, происходящих в России, где генерал Корнилов, этот первый настоящий командующий Белой армией, занял активную позицию в борьбе против большевиков.

Невысокого роста, худощавый, Корнилов был выходцем из бедной казачьей семьи, и его монгольские корни проявлялись в мускулистой маленькой фигуре, черной эспаньолке и раскосых глазах и к тому же тонких ногах, искривленных годами, проведенными в седле. В обществе его считали грубым и резким, но армия его любила за простоту манер. Хотя какой-то соперничавший с ним генерал и описал его как личность с «львиным сердцем и бараньей головой», он все же был в состоянии воодушевить свою армию личным примером. И он достиг высочайшего ранга в императорской Российской армии в то время, когда такое было нелегко сделать, не имея благородного происхождения либо влияния, и также отличился как в Русско-японской, так и в Европейской войнах.

Попав в плен к австрийцам, он переоделся в австрийского солдата и бежал, а когда революция низложила царя, новые руководители выбрали его для командования мятежным гарнизоном в Петрограде – бывшем Санкт-Петербурге. Однако он разошелся во взглядах со своими политическими хозяевами на то, как они руководили армией, и вернулся на фронт. В результате неудавшейся попытки заставить правительство восстановить в армии хоть какую-то дисциплину и навести порядок в стране над ним нависла угроза тюремного заключения. И, однако, опять он ускользнул вместе со своей дивизией и, приказав своим воинам рассеяться, бежал через всю Россию на Дон с небольшой группой сторонников. Легко одетые люди замерзали в пути, у лошадей изнашивались подковы, отряд подстерегали пулеметные

засады, и в конце концов Корнилов, переодетый крестьянином, добрался один.

Он тут же подключился к попытке генерала Алексеева, бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего Российской армией, сформировать – из сбежавших от большевиков офицеров и казаков – новую армию для борьбы с немцами и красными. И в феврале 1918 г. он смог выступить в поход из Ростова во главе отряда из 5000 человек, положивших начало Добровольческой армии, к которой нам предстояло присоединиться.

Бойцов этого отряда сопровождали жены, семьи, больные и раненые, и после потери Екатеринодара они брели по степям Кубани в форме, превратившейся в лохмотья, все запасы медикаментов и хирургических инструментов были практически израсходованы, их единственным оружием и боеприпасами было то, что им удалось захватить у большевиков. Русские дамы, прежде привыкшие к комфорту и роскоши светской жизни Москвы и Петербурга, сопровождали войска в качестве медсестер, а то даже сражались бок о бок с мужчинами. Для офицеров попасть в плен значило смерть под пытками, а женщин ожидало то же самое и еще более страшное. В большевистских войсках было много китайских трудовых корпусов, использовавшихся во время войны на тыловых работах, а сейчас мобилизованных и вооруженных Троцким, и всякого пленного, которого надо было подвергнуть особым пыткам, большевистские комиссары передавали им. Китайцы за свою жестокость были достойны своей репутации.

Ряды корниловского отряда косили мартовские ветры, жгучий холод, переправы вброд через ледяные реки и вынужденные переходы в метель.

– В оставшуюся часть зимы, – продолжал рассказчик, – во всех деревнях свирепствовал тиф, и донские казаки поддались коварной большевистской пропаганде. Но доброармейцы не впадали в отчаяние.

И тут на нас устремился косой взгляд.

– Они, понимаете, надеялись на помощь Британии и Франции. Но никакая помощь не пришла.

И опять взгляд – на этот раз слегка высокомерный.

– Но эта маленькая армия держалась, и те русские, которых вы видите, с наградами в виде короны из шипов, пронзенной кинжалом, висящей на красно-сине-белой ленте царской России, – это мужчины и женщины, которые воевали до конца в этой суровой Кубанской кампании.

Однако к настоящему времени и Алексева, и Корнилова уже не было в живых.

– Алексей умер от тифа, – сказали нам, – а Корнилов – от ран, полученных при разрыве снаряда под Екатеринодаром в апреле 1918 г. Теперь командование легло на плечи генерала Антона Деникина.

Но тут случилось чудо, и с казаками Дона, Кубани и Терека на своей стороне Добровольческая армия Деникина обеспечила себе короткую передышку, а большевистские силы были отрезаны от берегов Черного моря, Донецкого угольного бассейна, зерна Дона и Кубани, а также кавказской нефти. К несчастью, искусная пропаганда, утверждавшая, что белые сражались только за восстановление помещиков и нового царского режима, возымела свое действие на донских казаков и даже оказала влияние на французские войска в Одессе, и Одесса была потеряна, когда французский командующий стал действовать слишком поспешно и приказал начать эвакуацию. Гражданское население, зная, что красные войдут в город сразу же, как только французы его покинут, было охвачено паникой, и эвакуация велась в полном беспорядке, многие тысячи людей заволокли причалы, стремясь попасть на борт французских крейсеров, при этом многие кончали с собой во время ожидания. Это было позорное событие, негативно повлиявшее на боевой дух белых, особенно потому, что теперь люди считали, что оставление французами Севастополя – лишь дело времени.

В результате Крым, за исключением Керченского полуострова, охранявшегося орудиями британского

Черноморского флота, был потерян. Весь Дон к северу от Новочеркасска находился в руках красных. Пал Царицын, и большевистские силы приближались к тихорецкому узлу, который находился на прямой линии связи между Добровольческой армией вместе с донскими казаками в районе Ростова и штабом и остатками деникинской армии в районе Екатеринодара – Новороссийска.

– Каждый корабль, покидавший порты Черного моря, был забит беженцами – в основном женщинами, больными и ранеными офицерами, отставными генералами и государственными деятелями. Похоже, большевики их ненавидели больше всего.

– А как те, кто не смог выбраться?

Он пожал плечами:

– Остававшиеся в руках Деникина деревни были выше пределов переполнены беженцами, а поскольку цена денежных рублевых ассигнаций упала, для них очень острой стала проблема найти достаточно денег хотя бы для того, чтобы купить даже хлеб.

И вновь наступление большевиков потеряло силу, и, пока они продвигались по территории Кубани, все возрастающее число кубанских казаков, возмущенных бесчинствами, творимыми красными войсками в их станицах, стало сплываться вокруг Деникина. Было предпринято последнее отчаянное контр наступление в направлении р. Маныч и Царицына, и группа из 8000 кубанских казаков под командой генерала Петра Николаевича Врангеля и ведомая генералами Шкуро и Улагаем отбросила большевистскую кавалерию назад, на северный берег Дона, окружила Царицын и соединилась с правым флангом войск донских казаков.

Армия вновь была спасена, и на этот раз появилась новая надежда на будущее, потому что действительно шла долгожданная помощь из Британии. На причалах Новороссийска один за другим корабли сгружали орудия и боеприпасы, военную форму и медикаменты. Орудия Векерса и ручные пулеметы Льюиса уже поступали разобранными на две-три части с полками на фронте, и вместе с ними прибывали британские офицеры, занявшиеся обучением устройству этой военной техники, ведя из них огонь по большевикам и вкладывая душу в остатки Добровольческой армии.

Мы слушали все это с большим интересом. Но это была история, а мы были солдатами и шли воевать, и нас интересовали красные армии.

– Как они выглядят? – спросили мы. – Есть ли в них хоть что-то положительное?

– Иногда да, – был ответ. – Троцкий – опасный человек и на удивление хорошо знающий дело.

– А Деникин?

– Честный солдат и стойкий либерал с буржуазным прошлым. Сын скромного офицера и совсем не друг Романовых. Врангель происходит из германо-скандинавской семьи, которая дала десятки солдат. Он всегда отличался умом и до поступления на службу в армию получил образование горного инженера. Шкуро немножко бандит.

Похоже, беженцы восприняли победу белых как само собой разумеющееся, а среди британцев было очень много возбужденных разговоров о ситуации в Южной России.

– Там, должно быть, интересно, – решили мы.

– Судя по всему, там уйма работы, – сказал кто-то.

Все это выглядело волнующе, а мы были достаточно молоды, чтобы надеяться, как мы надеялись в 1914 г., что Гражданская война не закончится до того, как мы туда приедем.

Следующим портом были Салоники, где нам пришлось на неделю сойти на берег, но нас комфортабельно устроили в великолепном доме отдыха, ранее являвшемся турецким консульством. Здесь к нам присоединился Гарольд Куртни Армстронг из 67-го пенджабского полка, который направлялся в Константинополь по делам разведывательного ведомства. В Куте он был среди осажденных вместе с генералом Таунсендом и, выдержав экзамен на выполнение обязанностей британско-турецкого переводчика, очень широко использовался на разведывательной работе. После взятия Куга он был интернирован в Малую Азию, но сумел устроить себе побег и стал подстрекать коренных жителей на совершение набегов на вражеские линии связи. Из-за чьего-то предательства его вновь схватили и интернировали, но на этот раз в другой лагерь, ближе к Черному морю, где он столкнулся с начальником тюрьмы, отличавшимся очень дурным характером. Однако, обладая даром убеждения и знанием языка, он до такой степени вошел в доверие к остальным туркам, с которыми контактировал, что, когда пороки начальника стали настолько резко выраженными, что обратили на себя внимание властей, Армстронга использовали для обвинения начальника, и последний был за свои зверства осужден на семь лет заключения. Он продолжал проявлять очень большой интерес к туркам и после войны написал авторитетную биографию Кемалю Ататюрка.

Мы с Армстронгом в Салониках встречали многих турков из всех слоев общества, и, хотя они жили под постоянным страхом резни от рук греков как возмездия за времена господства Османской империи, они казались учтивыми, благородными и образованными.

В течение недели, проведенной нами в Салониках, мы сумели одолжить машину и на ней отправились за город. К сожалению, единственный мост через невероятно раздувшийся поток был смыт, и нам пришлось довольствоваться обзором издали, поскольку не было возможности найти машину для переправы.

В то время центр страны был наводнен комитаджами – солдатами балканской нерегулярной армии, которые были немногим лучше бандитов, – в случае чрезвычайного положения они превращались в партизан или группы сопротивления. После болгарского отступления в конце войны они собрали урожай винтовок, боеприпасов и даже пулеметов и часто постреливали по гостям своей страны, хотя никогда не предпринимали организованных акций. У нас, однако, встреч с ними не было, хотя, пока мы обедали, появился какой-то очень живописный и свирепого вида македонец на белой лошадке и устался на нас. У него был крайне агрессивный вид, но в конце концов он приблизился к нам в принятой в этой стране манере – с головным убором в руке, выпрашивая подаяние.

Два дня спустя пришел приказ подняться на корабль Seangbee, который перенесет нас еще на несколько этапов вперед в нашем путешествии до Константинополя. Перед посадкой в нашем распоряжении в Офицерском клубе оказалась некоторая интересная информация. Между собой беседовали два человека, бывшие командирами батарей в полевой артиллерии, и они должны были вот-вот передать полный комплект оборудования своих подразделений. Один из них жаловался на большое количество запасных частей, которых нам не будет хватать, и боялся, что его заставят нести за это ответственность.

– Почему бы тебе не сходить на деникинскую свалку? – спросил другой офицер и после того, как от него добились объяснений, рассказал, что парк военных материалов, предназначенных для Деникина, – это просто отличный охотничий заказник для любого офицера, нуждающегося в комплектации вооружения своей части перед передачей. Очевидно, там не было никакой охраны, и любой командир батареи мог найти там все, что его душе угодно, стоит только попросить.

Линг взглянул на меня.

– Считаю, нам надо что-то делать, – решил он. – Иначе нам будет куда тяжелее передать эти штуки Деникину. Давай-ка договоримся со штабом и попросим надежную охрану.

Хотя эта акция не прибавила нам популярности, я уверен, от этого наша последующая работа стала намного проще.

При отплытии из Салоников мы не досчитались одного из нашей группы – капитана Стентона из 7-го драгунского полка, который появился на причале, когда корабль был уже в 10 метрах от него, и, сохраняя невозмутимость до безразличия в испытанной кавалерийской манере, остался на месте. Но к нам присоединился ряд офицеров и других военнослужащих 47-й эскадрильи Королевских ВВС, которым предстояло подключиться к авиационной части миссии.

В Константинополе мы бросили якорь примерно в 11 часов утра, и нам сообщили, что отплытие назначено на вечер того же дня. К счастью, у меня была почта для генерал-майора сэра Тома Бриджеса, главы британской миссии в Константинополе, а потому я смог отправиться на берег на катере офицера береговой службы. Я встретил генерал-майора Онслоу, под чьим командованием служил в 1910 г. в Ирландии, и попытался выудить от него и его штаба хоть какую-то информацию о силах Деникина.

– Деникин? – услышал я в ответ. – Это те еще типы!

– И что вы можете мне рассказать о них? – спросил я.

– Не так уж много. Не очень похоже на родословную нашей страны.

– Почему?

– Вам надо их увидеть!

Налицо было явное безразличие, а то и сопротивление любому действию, которое могло быть предпринято британской миссией на юге России. Никто ничего не знал, никто, казалось, не хотел ничего понимать, и никто ни о чем не заботился. Тем не менее я добился, чтобы мне переслали несколько учебных пособий, справочников и другую литературу, которая никому уже не была нужна, но мне, я знал, она понадобится, когда я начну артиллерийское обучение русских офицеров.

Из-за изрядного количества турецких мин, все еще плававших у побережья Черного моря, нам потребовалось два дня неспешного пути, пока мы добрались до Варны. Это здесь, в Варне, в 1854 г. британские полки, направлявшиеся на войну в Крым, впервые столкнулись с холерой, которая, превратившись в эпидемию, потом опустошала их ряды, но в 1919 г. это был чистый и опрятный морской порт. Французские и британские войска там исполняли оккупационные функции, но единственными носившими оружие людьми были сами болгары, которым союзники поручили самим поддерживать порядок в городе.

Из Варны мы направились через Черное море в субтропический Батум и прибыли туда рано утром, оказавшись, как это часто бывает, окутанными пеленой тумана, да к тому же в неподвижном воздухе стоял тяжелый запах нефти с нефтеперегонных заводов. Тут нам пришлось найти приют в офицерской гостинице для путешественников, чтобы дожидаться момента, когда будет следующий пароход, который возьмет нас в Новороссийск.

Последнюю неделю апреля 1919 г. ситуация в Батуме была крайне сложной. Все союзники обладали здесь внушительными войсковыми отрядами для охраны порта и для того, чтобы не дать, насколько возможно, многочисленным местным фракциям хватать друг друга за горло. Его огромное значение заключалось в его расположении на западной оконечности нефтяной трассы из Баку, а население Батума носило чрезвычайно смешанный характер, при этом доминировали грузины, татары и армяне.

Там также было много военнопленных офицеров из турецких армий Кавказского фронта, которые заполняли две лучшие гостиницы и, похоже, жили в заметном комфорте и свободно. Штаб британских войск, занимавших территории к югу от Кавказских гор, находился в Тифлисе, столице Грузии, и его функции по поддержанию общественного порядка в городе исполнялись без труда, потому что из-за своих собственных семейных конфликтов местные жители понимали, что сами поддерживать порядок они не в состоянии, и были крайне благодарны британцам за то, что те взяли на себя эту работу. Тем не менее после наступления темноты по соседству с причалами часто раздавались выстрелы, и это было не самое безопасное место для прогулок.

Нам не очень нравилась офицерская гостиница, поэтому мы договорились, что останемся в своих каютах на Seangbee и будем закупать продукты на берегу, а поскольку за английский фунт сейчас давали 80 рублей по сравнению с 10 рублями до войны, то можно было жить весьма недурно. Однако в течение последних двух лет город был охвачен периодическими эпидемиями тифа, и все еще сохранялись значительные очаги болезни. Ею действительно заразились два или три британских офицера, а люди на базарах и в бедных районах жутко от нее страдали. После наступления темноты появились две повозки, их кучера что-то пробормотали, и если бы их спросили, зачем они здесь, ответ был бы: «За мертвецами».

Шел проливной дождь, и висел туман, что не улучшало нашего настроения, потому что мы без успеха стремились разузнать, что происходит внутри России. Среди нас мало кто говорил по-русски, а те, кто мог читать на этом языке, пользовались огромным спросом для перевода газет.

Зайдя в гостиницу, мы встретили турецкого военного преступника Нури-бея, брата пресловутого Энвер-паши, которого обвиняли в организации резни тысяч армян. Он находился под стражей, состоявшей из одного британского офицера и нескольких пенджабцев, но ему была предоставлена значительная свобода. У него была приятная внешность, он великолепно говорил по-английски и сдружился со многими британскими офицерами, на которых очень любил рисовать скетчи. Год спустя он сбежал во время прогулки, когда его охраняли лишь один британский офицер и два индийских солдата. Он присоединился к Мустафе Кемалю – впоследствии Кемалю Ататюрку, – возглавлявшему турецкое национальное движение в Малой Азии, и развлекался тем, что рассылал напыщенные послания, в которых обещал новую резню.

У нас было вполне достаточно времени, чтобы увидеть в Батуме столько, сколько нам хотелось, пока из Константинополя не пришел сторожевой корабль его величества Chalkis с приказом забрать весь британский персонал, ожидающий переброски в Новороссийск. На борту мы встретили еще одного офицера из Константинополя, направлявшегося в военную миссию. Капитан Лэмкирк, кавалер орденов «За боевые заслуги» и Военного креста, был британским офицером русского происхождения, прослужившим в российской авиации сухопутных войск и в пехоте, за отвагу дважды награжденным Георгиевским крестом. Он поступил на британскую службу в то время, когда генерал Данстервиль – прообраз киплингского Сталки – и генерал Баратов действовали рука об руку в Северо-Западной Персии, и сопровождал экспедицию в Красноводск для оказания помощи некоторым меньшевистским – или правым, то есть антибольшевистским, – элементам в их отпоре красным, пришедшим с Урала. Теперь его откомандировали в британскую военную миссию для разведывательной работы, поскольку он был блестящим русским лингвистом, хотя его двойственные корни и делали его весьма сомнительной личностью.

После двух дней пути по крайне бурному морю мы пришли в Новороссийск и были высажены на берег больше со скоростью, чем с комфортом, и столкнулись с проблемой поиска жилья в городе, в котором как будто никого не было. При наличии всех войск, которые там были, комнаты и дома сдавались в аренду и субаренду, а потом и в суб-субаренду, пока уже никто не понимал, кто там живет, и было практически невозможно отыскать квартиру.

Весенняя оттепель была позади, а жаркое солнце и резкие, иссушающие летние ветра еще впереди, так что было все еще холодно и неуютно. Город, серый под луковичными куполами церквей, казалось, целиком состоял из слякоти. Местами на обочине дорог засасывающей грязи было по щиколотку, а доски и камни, уложенные для пешеходов, уже исчезли из вида. Казалось, грязь была повсюду: на стенах, на колесах транспорта, на ботинках и на одежде, мешая движению и замедляя работу. Город как будто купался в ней, особенно потому, что, похоже, здесь было необыкновенно мало дорог, покрытых щебнем. Одна-две широкие мощеные улицы, застроенные запущенного вида общественными зданиями из камня, и несколько крупных жилых домов, вероятно, и составляли весь центр города. Все остальные улицы были заполнены глубоким слоем грязи, и повозки в ней тонули по самую ось. Несколько раз мы видели несчастных пассажиров, которых переносили до деревянных тротуаров. Учитывая, что большевики, как говорили, не так далеко отсюда, торговля, казалось, практически прекратилась. Ни у кого не было иной мысли, кроме того, что происходит там, в России.

Улицы были полны оставшихся без копейки беженцев и неопишемого вида нищих. Город превратился в очаг преступности, а так как бумажные деньги Белой армии практически утратили свою цену, в городе всюду шла спекуляция иностранной валютой. Здесь наблюдалась такая же пестрая коллекция рас, как и в Батуме, – русские в британских хаки, бывшие царские офицеры в серых шинелях, окантованных алым шелком, с эполетами, похожими на большие соски, на плечах, только что прибывшие и пробующие сделать здесь первые робкие шаги сквозь клубок бюрократии заграничные коммерсанты, ливанские торговцы, донские казаки в меховых шапках, женщины сомнительной репутации, евреи в поношенных сюртуках, дьявольского вида балканские авантюристы, длинноносые турки, спекулянты и милиционеры и, наконец, еще и немецкие и австрийские военнопленные, ожидавшие репатриации.

Очень многие русские, находившиеся в Новороссийске и на курортах юга, бежали из северных городов вроде Петрограда и Москвы, и когда-то зажиточные люди теперь жили в ужасающих условиях, набивались в маленькие комнаты, загроможденные их имуществом и пахнущие креозотом, которым они пользовались, чтобы отпугнуть «животный мир». Они помещали ножки кроватей и стульев в кастрюли с этим веществом, пытаясь помешать вшам проникнуть в их одежду и на кожу. Правда, это было не так легко. В то время по всей Южной России везде была такая теснота, и было нетрудно подхватить всякую мыслимую болезнь – от оспы и дифтерии до тифа и холеры.

Хотя в тот момент большевиков на самом деле нигде поблизости не было, народ все-таки находился в крайне нервном состоянии. Многие пережили ужасы революции и в своих родных городах и поселках видели улицы, с утра до ночи запруженные солдатами, которые прохаживались, украсившись красными ленточками и нагло глядя на своих офицеров, при этом даже не пытаясь отдать честь, оскорбляя женщин, находящихся при офицерах, и бродя шумными бандами, по пути нагло расталкивая прохожих. Они видели бесконечные митинги, которые устраивались повсюду – в школах верховой езды, казармах и в школах, – и печать, переполненную лозунгами. На каждом перекрестке они слышали ораторов, возбуждающих народ против них, и ради безопасности они устремились в города Черного моря. Но станции тоже были забиты пьяными солдатами, марширующими под красными флагами, кричащими, хохочущими и задирающими машинистов, и людям приходилось терпеть солдат, когда те поднимались в вагоны и оскорбляли женщин.

Когда идущая вслед за ними на юг Красная армия достигла Кавказа, этих людей подвергали мучениям всеми мыслимыми способами, но настоящий террор начался тогда, когда стали подходить белые. Тут большевики расстреливали людей сотнями, и почти каждый из встреченных нами потерял мужа, брата, сына или отца, а большинство лишилось всего на свете. Огромные массы все еще жили в ужасе от того, что красные вернутся.

Британские офицеры, которых мы здесь встретили, жили в самых ужасных условиях, без переводчиков, транспорта или ординарцев, и не было в наличии никаких британских войск для охраны грузов, предназначенных для Деникина. А материалы прибывали ежедневно и размещались на пристани как попало. Офицеры при содействии нескольких сержантов, приехавших сюда для работы инструкторами, выполняли обязанности кладовщиков, сторожей и носильщиков, сообщали нам самые обескураживающие новости.

– Всякий, кто туда попадет, наверняка подхватит тиф, – вот один из их комментариев. – А если у тебя тиф, то наверняка умрешь!

– На многие войска у Деникина нельзя положиться, – это другой комментарий. – А если очутишься среди казаков, то они в любой момент могут превратиться в большевиков и перерезать тебе горло.

Да, приятная перспектива!

Мы представились начальнику порта и попросили немедленно отправить нас в Екатеринодар.

– Простите, – был ответ, – но никаких распоряжений в отношении вас не поступало. Конечно, – добавил он, – вы, если пожелаете, всегда можете оставаться в Новороссийске. Тут вам найдется куча работы.

Но мы сюда приехали не для этого и добивались своего все более настойчиво, пока наше требование отправить нас на север не было удовлетворено, и после весьма неряшливой еды в ресторане «Элефант», которая, правда, включала в себя изобилие водки и икры, мы уселись в поезд, отправляющийся вечером.

В вагоне не было никаких удобств, и он выглядел таким старым, как будто его смастерили где-то в середине прошлого столетия. Все в нем – его латунные детали, окна – было устаревшим и старомодным, а так же было полным-полно народу, как и во всех российских вагонах. Все купе были забиты, чемоданы, корзины и узлы с вещами были растолканы по всем углам, даже размещены на крыше и на буферах.

Вместе с нами в одно купе втиснулась группа русских генералов, которые прибыли с нами на Chalcis, и мы делились с ними ужином из консервов, которыми нам помогла солдатская столовая, а мы привезли это из Салоникиков.

Путешествие было долгим, и всякий раз, когда поезд останавливался на станции, чтобы заправиться топливом и водой, возникала организованная гонка пассажиров третьего класса к водопроводному крану, чтобы запастись водой для мытья, питья или чая. Остальные пассажиры спускались на перрон, чтобы размять ноги, а британцы, все еще находясь в плену незнания обстановки, проталкивались сквозь людей, покупавших жареную дичь и овощи у крестьян, к телеграфному пункту, пытаясь отправить домой письма с наклеенными на них неправдоподобными марками.

В Екатеринодар (назван в честь Екатерины Великой) мы приехали где-то после полуночи. Нас встретил грузовик, и на нем нас отвезли в расположение штаба миссии, размещавшегося в огромном пустом здании женской гимназии. Казалось, никто нас не ждал и не думал, что от нашего приезда будет какая-то польза, и нам пришлось затратить некоторое время на поиски ночлега. В конце концов мы рассредоточились по разным дортуарам при единственной деревянной кровати и армейском одеяле в качестве предмета комфорта. В доме были тараканы, не было никакой мебели, водоснабжения, а также прислуги, и на следующее утро нам пришлось самим носить ведра с водой по комнатам, чистить сапоги и пуговицы, бриться с холодной водой. И все это – в окружении хора стонов и жалоб ото всех ранее прибывших на бесполезность миссии и все, что с ней связано.

Мы понадеялись было, что после завтрака будет лучше, но когда увидели пищу, которую нам предстояло есть, она нас не очень развеселила. Единственная имевшаяся в распоряжении еда была

приготовлена в исключительно грязном ресторане примерно в 400 метрах от здания штаба, отделявшемся обширным пространством грязи, и еда эта состояла из холодного, с примесью песка омлета. Кофе, разливавшийся из большого потрескавшегося кофейника в любой попавшийся стакан, вне зависимости от того, сколько из него уже было выпито, был холодным. Скатерть была запятнанная и грязная, и мы ощущали, что на нас смотрели почти с полной апатией, если не с подозрением, офицеры, не пытавшиеся даже провести нас по миссии или познакомиться с нашим новым окружением.

После завтрака мы с Лингом доложили о себе старшему артиллерийскому офицеру миссии – подполковнику Россу Хадсону, надеясь получить от него приказ немедленно приступить к работе, но он отбыл на фронт, и нам было сказано, что придется подождать его возвращения. Нас также расспросил генерал-лейтенант сэр Чарльз Бриггс – глава миссии, пообещавший позаботиться о том, чтобы другие офицеры не страдали от задержек, неудобств и обструкции, с которыми пришлось столкнуться нам.

Бриггс был типичным старомодным кавалерийским генералом, и поговаривали, что он не испытывает склонности к своей работе. Нам взаправду рассказывали, что он повсюду разъезжает на длиннохвостой лошади с двумя борзыми, издеваясь над русскими, и он не произвел на нас впечатления человека, способного отдать команду, которую мы считали важной и срочной.

Так как в нашем распоряжении оказалось несколько свободных дней, мы принялись осматривать Екатеринодар. Он являлся центром одного из главных сельскохозяйственных и зерновых регионов России и был окружен полями богатого чернозема. Это был самый центр антибольшевистского сопротивления, и мы старались собрать все новости, какие могли, и усвоить местные привычки и обычаи. В то время там находился штаб Деникина и приданная ему британская миссия, а кроме того, этот город являлся столицей Кубани. Как и Новороссийск, он был полон людей в военной форме, но лишен свободного жилья. Окружающую местность населяли почти полностью кубанские казаки, которые до того времени очень преданно поддерживали Деникина, потому что были против большевизма в принципе и надеялись, что в награду за их службу Деникин подарит им автономию.

В течение последних двенадцати месяцев это место было сценой непрерывных боев, и их признаки все еще проступали в обожженных, испещренных следами от пуль зданиях и – в окружающей сельской местности – покинутых, наполовину сгоревших деревнях, разгромленных железнодорожных станциях, иногда забрызганных высохшей кровью, где иногда можно было разглядеть двуглавого орла императорской России. Задымленные дома с крышами из жести или черепицы были украшены резными деревянными украшениями, заметными то здесь, то там, где пламя коснулось их. Ставни скрипели под ветром, а ворота произвольно дребезжали, показывая, как небольшая армия добровольцев, состоявшая в основном из офицерских батальонов, сформированных генералом Алексеевым в Новочеркасске в начале революции, отчаянно сражалась за свое существование.

К сожалению, штаб проявлял кастовую нетерпимость по отношению к казакам. Деникинский девиз – Россия единая и неделимая – был всего лишь расплывчатой риторической фразой, но любой, кто придерживался иного мнения, клеймился как изменник. Каждого, кто служил под украинским флагом, называли сепаратистом и рассматривали чуть ли не как предателя. И сюда входило много офицеров-добровольцев, которых совсем не интересовала политика и которые просто хотели сражаться с большевиками.

Когда мы приехали, Деникин – внешне крепкий, симпатичный мужчина с седеющей бородой и усами – группировал и реорганизовывал свои войска с целью перенести боевые действия на вражескую территорию. Белые надеялись дойти до Москвы и Петрограда с помощью одновременного наступления с юга, востока и северо-запада. На правом фланге, начинавшемся от Каспийского моря, находилась Кавказская армия, состоявшая в основном из кавалерии, сформированной из кубанских и терских казаков,

которыми командовали главным образом офицеры бывшей императорской кавалерии. Под командой барона генерала Врангеля находилось около 10 000 человек. На Донском фронте, что примерно в 60 милях к западу от Царицына, была армия донских казаков, набранная целиком в районе Дона, но в ней также служило много офицеров бывшей империи. Войска были преимущественно конные, но из-за нехватки лошадей многие казачьи полки были спешены и носили название «пластунских», что означало казака, потерявшего своего коня и вынужденного воевать пешим, пока не сможет добыть себе нового коня. Этим войск было около 20 000, и ими командовал генерал Сидорин, сибирский казак и бывший офицер авиации сухопутных войск.

Далее от Донской армии на запад располагалась собственно Добровольческая армия, насчитывавшая около 10 000 человек, один корпус которой, базировавшийся в Ростове и находившийся под командой генерала Май-Маевского, удерживал фронт по берегу Азовского моря, возле Таганрога. Далее слева был еще один корпус, продвигавшийся на север через Крым и стремившийся соединиться с Май-Маевским перед проведением генерального наступления на Харьков. Наконец, в Сибири адмирал Колчак занимался организацией наступления через Урал и за Волгу, целясь прямо на Москву, в то время как генерал Юденич пытался достичь Петрограда со стороны Балтики.

Все южные силы были известны под названием Вооруженных сил Юга России, хотя мощь полков всегда вызывала сомнения, поскольку рекрутов можно было набрать только в деревнях, через которые шло наступление. Это были преимущественно неуклюжие деревенские парни с тенденцией на марше прикреплять полевые цветы к своим винтовкам и разевать рты при виде незнакомых кирпичных зданий. Было известно, что некоторые из них даже тряслись от страха при виде поезда. Сражались они хорошо, но когда их деревни освобождались, они имели привычку дезертировать, чтобы опять заняться земледелием.

Их офицеры являли собой редкую по виду толпу, одетую в какую-то смесь униформ, иногда их знаки отличия были нарисованы на эполетах синим карандашом. Некоторые из них носили шпоры с колесиками величиной в половину английской кроны, которые позвякивали, как шарики в банке, и большей частью эти люди вообще понятия не имели о том, что происходило вокруг. Если и знали, то давали лишь туманные ответы, а когда проявишь настойчивость, прятались за языковым барьером. В основном это были добросердечные и щедрые до абсурда люди, но, кроме страшных клятв отомстить большевикам, пользы от них было немного. Они были ленивы, невежественны и часто трусливы, главным образом потому, что знали, что у их солдат не хватает смелости воевать против своих соотечественников, и потому, что уже видели, как свои солдаты дезертируют и поднимают мятежи. И офицеры находились – и справедливо – под впечатлением, что это легко может произойти вновь.

Никто в штабе миссии не был о них высокого мнения, и даже не делалось попыток организовать какую-то систему снабжения подкреплений через военные склады.

– Единственные части с трехдюймовыми полевыми орудиями, – рассказывали нам, – это те, кому повезло захватить эти пушки у большевиков. Более того, запасы боеприпасов почти закончились, но так как они делаются вручную школьниками, они все равно не взрываются, а артиллерийский огонь практически ничтожен.

Все выглядело так, что тут для нас найдется много дел, и с этого времени мы замечали еще более неприятные признаки того, как русские пренебрегали основными требованиями войны, когда конвои с ранеными проходили через город от станции; подводы, в которые были впряжены малорослые лошади или верблюды, двигались черепашьям шагом. Солнце безжалостно жгло несчастных, лежавших на подводах, у которых не было ни крыш, ни пружин, а несмазанные оси пронзительно скрипели. Люди стонали под зноем. Несколько дней у них во рту не было ни капли воды, и вид их совсем не снимал напряжения с жителей Екатеринодара, хотя боевой дух немедленно поднялся в результате нашего

появления на сцене. Нам были предоставлены все возможные средства для передвижения, и мы испытали на себе гостеприимство, которым русские знамениты во всем мире. В самом деле, было трогательно видеть людей, которые, столь тяжело пострадав и потеряв почти все, сейчас старались оказать нам честь, соперничая при этом друг с другом. Уже была забыта волна горечи и разочарования, охватившая их из-за запоздалого прибытия поставок союзников.

– Британцы пришли! – раздавался крик. – Теперь все будет хорошо!

Глава 2

После трех дней нашего ожидания полковник Росс возвратился в Екатеринодар и разъяснил нам, как предполагалось проводить передачу батарей русским войскам. Надлежало создать две школы, одну в Армавире для обучения офицеров Кавказской и Добровольческой армий, а еще одну – в Новочеркасске для обучения офицеров Донской армии. Линг был назначен начальником первой, а я был назначен во вторую.

Три британских офицера, капитаны Найт, Линтон и Абрахамс, уже начали артиллерийские занятия в Новочеркасске на частично снаряженной батарее 18-фунтовых орудий, которая была послана в Донскую армию, и мне было приказано немедленно явиться к командующему артиллерией Донской армии генералу Горелову и организовать учебные классы, по характеру подобные тем, что мы вели в наших артиллерийских школах во Франции. Другие британские офицеры в Новочеркасске учили обращению с пушками Викерса и Льюиса.

Я попросил просветить меня в отношении политической ситуации и линии поведения, которую следовало принять британским офицерам.

«Политика! – Апатичные и лишенные иллюзий офицеры, прибывшие раньше нас, к которым я обращался с вопросом, выглядели шокированными. – Старина, ни в коем случае британский офицер не должен обсуждать политику с русскими! И ради бога, старайся не оказаться втянутым в критику французов. После одесских событий они весьма непопулярны у сторонников Деникина».

Меня также предупредили о некоей личности по имени Алексис Аладьин, который, хотя и говорил безукоризненно по-английски и вел себя в подчеркнуто проанглийской манере, имел репутацию крайне левого.

«У него были теснейшие отношения с немцами, когда те находились в Новочеркасске, – было сказано мне. – Это интриган высшего класса».

Эти предупреждения не оказали на меня большого воздействия. Я знал, что многие из моих информаторов добровольно поехали в Россию, чтобы не оказаться выброшенными из армии в ходе сокращений, которые происходили дома после войны с немцами. Их линия поведения всегда заключалась в следующем: «Избегай этих проклятых русских любой ценой!», «Не делай этого!», «Не делай того!», «Не впутывайся ни во что и любой ценой держись подальше от города! Если там нет тифа, то есть оспа!»

Так как в целом многие из них сильно пьянствовали и без колебаний пользовались своим положением, я рассматривал их советы как бесполезные. Я чувствовал, что как только моя маленькая группа по-настоящему свяжется с казаками, эти советы станут совершенно невыполнимыми, а посему умнее будет действовать путем проб и ошибок.

Перед тем как уехать из города, мне понадобилось выбрать британского переводчика из тех, что имелись в штабе. Так как я очень сдружился с капитаном Ангусом Кемпбеллом, я выбрал его. Являясь наследником герцога Аргайлского, он был известен как капитан Данстафнидж и был шотландским помещиком. Относясь по состоянию здоровья к категории СЗ, он в 1914 г. узнал, что все его друзья находятся во Франции в Королевской конной гвардии, и вознамерился присоединиться к ним. Так как по состоянию здоровья ему этого не разрешили, он сам купил себе военную форму. И, хотя он никогда не числился на военной службе, его использовали как курьера для доставки депеш для конной гвардии на дружеских основаниях до тех пор, пока во время боя в сумерках он не врезался на своем мотоцикле в мертвую лошадь и не попал в плен к немцам. Весь период плена он всегда был вместе с русскими и выучил

их язык, и теперь, как и многие другие, ощутил внутренний зов, потребность оказать помощь тем, кто все еще сражался за принципы, которые позвали нас на эту войну. Как и я сам, он считал себя причастным к крестовому походу против коммунистов. Он был отличным, увлеченным тружеником, хотя иногда был так охвачен маниакальным восхищением Россией, что терял голову, и так громко симпатизировал всему, что когда-либо сделали русские, что некоторые лица в штабе смотрели на него с огромным подозрением. Тем не менее он выполнял огромную работу. Он был другом последнего британского посла в царской России сэра Джорджа Бьюкенена и впоследствии пользовался своим влиянием на леди Бьюкенен в деле посылки некоторых вещей из Англии беженцам. На меня его позиция оказывала очень большое влияние.

Он также очень старался помочь мне, и мы выехали в Новочеркасск следующей ночью, приехав в Ростов на следующее утро грязными и неряшливыми. В городе жизнь бурлила. Он стал временной столицей Южной России, и даже городские на станции все еще носили старую царскую форму.

Мы позавтракали в городе, а в полдень сели на другой поезд, идущий в Новочеркасск, куда добрались до наступления вечера. Это был большой провинциальный город, где обосновалось руководство донскими казаками. В нем находились резиденция казачьего атамана, Дом собраний, где собирался Казачий круг – или парламент, а также очень красивый собор, чьи пять куполов можно было увидеть с расстояния нескольких миль из-за местоположения собора и того факта, что купола были целиком покрыты золотом и отражали солнце, как зеркало. Там также находились казармы, а напротив собора стояла бронзовая статуя Ермака, знаменитого донского атамана, который водил свои армии в бой. В городе было полным-полно русских офицеров, которые каким-то чудом избежали гибели от рук большевиков. Всем им пришлось пережить тюремное заключение или иные мучения, и многие добрались до города пешком, преследуемые на всем пути, как животные.

Оставив свой груз под охраной русской военной полиции, мы спустились по крутому холму к городу и пришли к гостинице «Центральная», которая была отведена для постоя сотрудников британской миссии. Улицы были полны людей, и, хотя тут были только три армейские автомашины, а бензина почти не достать, было довольно много колясок на конной тяге и экипажей с изнуренными лошадьми. Когда мы останавливались, чтобы просмотреть объявления (большими буквами на кириллице), сообщавшие о большевистских зверствах, на нашу необычную униформу глазели с любопытством. На некоторых объявлениях были фотографии, и я чувствовал, судя по размеру букв, что вместо того, чтобы вдохновлять народ на твердое сопротивление красному вторжению, эти сообщения скорее напугают людей и укрепят в мысли о необходимости бегства.

Однако эти сообщения все более подстегивали мою решимость приступить к работе, и на следующее утро я стал знакомиться с русскими офицерами, с которыми мне предстояло работать. Помимо артиллеристов – Найта, Линтона и Абрахамса, – здесь было уже несколько британских пехотных офицеров, используемых для осуществления общей связи и обучения стрельбе из пушек Векерса и Льюиса, и уже начались занятия в Донском военном училище. К сожалению, работа тормозилась из-за некомплектности снаряжения, поступающего из Новороссийска, – возможно, это были остатки «деникинской свалки», – а также потому, что, как мы слышали, огромные груды материалов гнили на причалах без внимания и ухода и являлись объектом добычи каждого мелкого вора в городе. Кое-что из одежды уже проторило себе дорогу на местный рынок, и британский солдат в поисках сувенира для посылки домой среди деревянных инкрустированных шкатулок, кожаных изделий, картинных рамок, металлических штучек и вышивки вполне мог наткнуться и на некоторые предметы британского военного снаряжения.

Языковой вопрос был сложным. Никто из инструкторов не говорил по-русски, но в городе велись поиски англоговорящих русских офицеров, которых придавали нам в качестве переводчиков, и был еще некий англичанин – Норман Лак, который вместе с женой и семьей обосновался в Новочеркасске после

того, как его выкинули из Петрограда во время революции. Свободно говоривший по-русски, Лак имел бизнес с фирмой торговцев чаем, а его жена была гувернанткой в одной из княжеских семей, и они примкнули к потоку беженцев, устремившихся на юг в казачьи края, где им была обещана безопасность. Мне исключительно повезло в том, что он оказался моим помощником.

Однако я держал при себе и Ангуса Кемпбелла в качестве своего личного помощника, и с его знанием русских обычаев и предрассудков он мог подсказать мне, что делать и говорить в нужное время, а также научить почтительному отношению к мелочам этикета, которым русские придают большое значение.

Среди приданных нам или работавших с нами русских офицеров был один, сразу же бросившийся в глаза своей незаурядностью. Это был граф дю Чайла, который с важным видом, имея при себе приветственные адреса, подписанные некоторыми из самых высокопоставленных генералов Донской армии, посетил меня в первый день моего пребывания в городе. Хотя он не говорил по-английски, мы непринужденно беседовали на французском, и я сделал вывод, что это был некто вроде главного наблюдателя, адъютанта, политического агента – по моему разумению, – возможно, что и шпион, приставленный штабом Донской армии для того, чтобы следить в основном за действиями британских офицеров, и моими в частности.

Заметно полный, с гладким, круглым лицом и коротко остриженной головой, он сочетал в себе напускное дружелюбие с энергией, которая, хоть и не бросалась в глаза, заметно выделяла его из среды его русских собратьев-офицеров. Его настоящая должность формулировалась как «глава политического департамента разведывательной службы Генерального штаба», но, похоже, он пользовался доверием всех местных начальников служб – как гражданских, так и военных, и, поскольку его идеи в отношении системы, которой мы должны придерживаться в своей работе, в то время, казалось, очень близко совпадали с моими, я ему доверял больше, чем следовало, а поэтому посеял семя больших проблем на будущее. Так как он, похоже, был чуть ли не близким другом главнокомандующего генерала Сидорина и генерала-квартирмейстера Хислова, он явно был личностью, без чьей протекции ничего серьезного не добьешься.

Поинтересовавшись, какое время будет удобно мне для нанесения моего первого визита к различным лицам в донской столице, я в сопровождении Кемпбелла начал с командующего артиллерией генерала Горелова. Он произвел на меня впечатление очень приятного человека, но ему совершенно не хватало энергии, и он глубоко интересовался излишними мелочами, но не имел желания обсуждать или предлагать какие-либо решения в плане общей политики.

– Могу ли я ознакомиться с перечнем русских батарей, находящихся под вашим командованием? – спросил я. – Или со схемой, показывающей, какие из них надлежит перевооружить 18-фунтовыми орудиями?

Он только пожал плечами. Для него существовала лишь одна тема.

– Мало того что казакам не хватает орудий, – произнес он, – так еще больше им недостает боеприпасов. Фактически, – продолжал он, – у меня есть всего лишь около двухсот выстрелов в день на всю армию, а поскольку к британским орудиям полным-полно снарядов, то надо их немедленно отправить на фронт.

То, что необученный персонал выведет пушки из строя, для него не имело никакого значения.

– Мои генералы на фронте говорят, что теперь пехоте вообще приходится атаковать без какой-либо артиллерийской поддержки, и пехота идет в атаку с большой неохотой, – заявил он. – Пришлите нам британские пушки с их снарядами, чтобы, по крайней мере, наша пехота могла их видеть и слышать шум снарядов, пролетающих над ее головой.

– А как быть хоть с каким-то систематическим обучением персонала артиллерийских батарей? –

настаивал я.

Никакой реакции.

– Из-за острой потребности в артиллеристах на фронте, – заявил Горелов, – они должны проходить свое обучение там.

Наконец, он свел меня с генералом Грековым, который командовал училищами для пехотных, кавалерийских и артиллерийских офицеров. В артиллерийском училище я встретил Найта, Линтона и Абрахамса, по горло занятых работой по разъяснению пяти или шести русским офицерам и примерно десятку солдат устройства механизма орудий и того, как проверять прицелы и определять состояние пружин. Прибыло только восемь 18-фунтовых пушек, и мои надежды на проведение демонстрационной части, как это делается на наших собственных батареях, находящихся на складах в Англии, были немедленно перечеркнуты.

«Эти орудия через неделю отправятся на фронт с повстанческой артиллерийской бригадой, – сказали мне. – Она будет придана корпусу добровольцев-студентов. Это одна из лучших частей Донской армии».

То, что орудиям не хватало прицелов, гаечных ключей и буферных рессор, а также то, что артиллеристы еще не пристреливали их в боевых условиях, похоже, вовсе никого не обескураживало. Однако британским инструкторам помогали русские офицеры-инструкторы – очень быстро собирали механизм, были увлеченными людьми, с которыми легко работать. К сожалению, этот метод обучения бросался в глаза большим количеством пропусков занятий, и любое оправдание, представляемое курсантом в случае отсутствия, считалось достаточно весомым, чтобы избавить его от порицания.

«Я поздно лег спать», «Приехала моя сестра», «Был день рождения кузины». Все считалось уважительным.

К этому времени я начал понимать кое-что из задачи, которая стояла перед нами, и, не желая вмешиваться в и так слишком короткую схему обучения, которую организовал Найт, я оставил ему заниматься этим делом, а сам вернулся в гостиницу, намереваясь договориться на послеобеденное время о еще нескольких встречах. Но опять столкнулся с проблемой.

«После обеда! – Это произносилось с ужасом. – Рабочий день русского штаба не включает интервал между концом дня и обедом».

Мне фактически вежливо сообщили, что многих людей, которых я намеревался посетить, в тот день после обеда даже не будет на своих рабочих местах – это буквально означало, что они будут спать. В дальнейшем горький опыт научил меня, что, если только я фактически не припру к стене любого русского офицера, с которым хотел бы встретиться в определенное время сразу после обеда, одна надежда вообще увидеть его – это промежуток между 10 часами и полуднем.

Тем не менее мы, похоже, делали некоторый прогресс, потому что было намечено провести занятия по стрельбе в трех милях за городом в степи, и я был намерен присутствовать на них. Шел проливной дождь, но все мы выехали в одной из трех автомашин Донской армии – старинных американских «паккардов» и «фордов» без запасных шин, потому что таковых не было во всей России, – и чуть не засели намертво в грязи, которая покрыла все дороги.

За попытками вытащить машины наблюдали местные женщины, стиравшие белье или купавшиеся у дороги в маленьком ручье, который местами расширился, образуя мелкие заводи. Как только русский офицер сел в машину, ничто не может побудить его для облегчения проезда выйти из машины, и женщины наслаждались тем, как мы пытались заставить тяжело груженные автомашины выбраться из ям. Они хохотали при виде того, как вращающиеся в грязи колеса выбрасывают волны грязной воды на

упирающихся изо всех сил солдат, которые подталкивали машины сзади.

Так или иначе, мы в конце концов доехали, эскортируемые с обеих сторон парой казаков, которые, имея задание присматривать за нами, поскакали вперед, чтобы предупредить батарею о нашем приближении. Для нас было устроено настоящее шоу. Пушки были выстроены на платформах на хорошей высоте, а цели, представляющие собой орудия в бою и группы пехоты, были размещены в степи на удалении примерно 4000 – 4500 ярдов.

Войска были выстроены в парадном строю, и, когда мы подъехали, было много рукопожатий, а потом солдат отдал рапорт младшему офицеру, твердо держа руку в приветствии во все время доклада. Младший офицер отдал рапорт старшему, а старший – еще более старшему и т. д. Еще больше рук взметнулось в приветствии – воистину тут был настоящий шквал рук во всех направлениях, поскольку все офицеры, сопровождавшие старшего офицера, всегда отвечали на все приветствия, на которые отвечал он, – потом военачальник стал обходить войска.

Когда он приблизился, последовала команда «Смирно!», и генерал остановился, жесткий, прямой, бородатый с грудью, усеянной медалями.

– Здравствуйте, солдаты! – энергично произнес он.

Солдаты во все горло проорали:

– Здравия желаем, ваше превосходительство! Рады стараться !

Генерал улыбнулся и отдал им честь. Он имел право на титул «превосходительство», и все офицеры, гордившиеся сохранением обычаев старой армии, настаивали на этом.

Учебные стрельбы проходили при серьезных трудностях, потому что наряду с дождем и многочисленными зрителями, отказывавшимися отойти как от огневых позиций, так и от наблюдательного поста, самый лучший переводчик в мире не мог держать нас в курсе всего, что происходит.

Многие русские считали, что вполне в состоянии вести борьбу без того, что они называли вмешательством с нашей стороны. За очень немногими исключениями, младшие офицеры страстно желали узнать наше мнение и получить совет, и многие старшие офицеры также внимательно прислушивались к подробному обсуждению опыта, полученного на Западном фронте, но когда дело доходило до внедрения новинок или планов, имеющих реальную практическую ценность, старое отсутствие приспособляемости и консерватизм, столь присущие русской натуре, всегда побеждали. Опять и опять мне приходилось воздерживаться от дальнейших предложений, когда слышал такие замечания, как «Ах, но мы по нашему опыту Японской войны...» или «Если бы вы видели русскую армию в 1914 г., когда мы всегда делали то, что вы сейчас предлагаете!» Их некомпетентность и невежество были потрясающими. И даже тогда, когда два британских офицера инструктировали их, один из ленивых курсантов радостно восклицал: «Разве это не восхитительно – видеть, как британцы делают всю эту работу?»

При отъезде из штаба миссии мы получили совершенно определенные указания: «Не вмешиваться и не задевать чувств русских», так что было очень нелегко преодолеть возникавшие трудности. А их было полным-полно!

Русские, похоже, скорее догадывались об угле прицеливания, чем вычисляли его, и, естественно, их ошибки осложнялись нашими различными системами коррекции для фиксирования соответствующей высоты разрыва снаряда. Помимо этого, у их орудий траектория полета снаряда была более пологая, чем у наших, а их система маслonaполненных пружинных тормозов отката была много проще, так что они постоянно жаловались, что техника, которую мы используем, уж слишком сложна для того, чтобы ее могли понять люди, обученные в спешном порядке. Также им нравилось стрелять с обоих концов пристрелочной

вилки с секундными интервалами, что, по нашему мнению, при эффективном расположении было тратой боеприпасов и для офицера-корректировщика скорее вело к увеличению трудностей, чем к их уменьшению.

К нашему огромному удивлению, они также запрашивали телескопические прицелы (от которых британцы во Франции давно отказались) для размещения на открытой позиции, а поскольку наши орудия были много тяжелее, чем их, русские лошади, размером чуть больше пони, с огромным трудом тянули пушки, когда проходимость была тяжелой. Наша упряжь также была слишком велика для них и требовала больших трудов для подгонки; и при их привычке к старомодной упряжи наши современные нагрудные хомуты были для них совершенной загадкой, так что нам приходилось долгое время все это собирать самим.

Тем не менее наконец орудия были готовы к бою, заряжены и хоть как-то расставлены и стали стрелять в направлении цели. Все русские были так довольны, что могут расстрелять внушительное количество снарядов, что настояли на том, чтоб им дали возможность усердно пострелять залпами шрапнелью при нулевых и коротких запалах. Им хотелось продемонстрировать восхищенным солдатам, как много шума и дыма можно произвести нашими большими 18-фунтовыми снарядами по сравнению с ничтожными подкалиберными снарядами их собственных пушек, из которых примерно 60 процентов вообще не взрывалось.

Однако гаубица калибра 4,5 не представляла проблем вообще, потому что она была проста и элементарна в обращении, насколько может быть орудие, и еще потому, что в 1916 г. мы уже снабдили ими многие батареи старой Российской армии. Нашлось несколько офицеров, пользовавшихся ими раньше, а в Новочеркасске была одна из тех самых гаубиц, и мы использовали ее для учебных занятий в училище, причем на ней, на блоке казенника, произведенном в Ковентри в 1916 г., был аккуратно нанесен рисунок скрещенных российского и британского флагов.

Командир батареи гаубиц калибра 4,5 произвел на меня впечатление очень квалифицированного человека, и действительно, когда батарея прибыла на фронт, ее тут же бросили в бой, а примерно через две недели она покрыла себя славой в боях у железнодорожного узла Миллерово.

Примерно в час дня, наделав порядочно шума и дыма, после периодических небольших совещаний, обычно сопряженных с мучительными головоломками для британских инструкторов, батарея была отпущена приказом вернуться в казармы. Генерала Горелова, Найта, Линтона и меня пригласили на обед в столовую бригады в маленькой деревне Утенок, сливавшейся с пригородами Новочеркасска. Нас отлично накормили и познакомили с сестрами милосердия, прикрепленными к бригаде, которые, похоже, сочетали в себе помощников по столовой, курьеров, медиков, поставщиков провизии, жен, подруг, любовниц и главных утешительниц для господ офицеров и солдат этой бригады, за которыми они всегда шли в бой.

Я потом встречался со многими сестрами, приданными ко всевозможным частям на фронте, и хотя временами на этой должности и наблюдались злоупотребления, в большинстве случаев эти женщины подавали пример, которому офицерам было бы неплохо следовать, пример преданности долгу и трудной работе. Они переносили огромнейшие трудности, им всегда недоставало теплой одежды и обычных жизненных удобств, и, за немногими исключениями, они были призваны чисто для работы и помощи, а не для развлечения офицеров. Многие из них на самом деле были аристократического происхождения, и им пришлось носить грубую одежду и не иметь ничего того, чем обычно обладают утонченные женщины, так что они никогда не могли полностью проявить свои способности и часто выглядели как крестьянки.

Однако было ли это на батареях или в полках, или в госпитальных поездках, или в маленьких деревенских организациях по эвакуации больных и раненых в немногие существующие госпитали, нас всегда поражала стойкость, с которой русские женщины из всех классов общества делали все, чтобы

помочь антибольшевистским силам. Наверно, никогда не будет известно, сколько их умерло от тифа, попало в плен или было убито большевиками. Офицеры всегда обращались с ними с исключительной вежливостью, а солдаты испытывали к ним просто собачью преданность.

Практика, позволявшая им сопровождать в походе боевые части, определенно давала некоторым исключительно привлекательным дамам возможность быть в зоне боев вместе со своими мужьями, но, из каких бы социальных слоев они ни происходили, это никогда не мешало работе, для которой они там находились. Лишь в более высоких структурах и некоторых технических службах, проводивших большую часть времени в поездах на линиях сообщения, возникали кривотолки в их отношении.

Многие из штабов держали при себе слишком много женщин, и, пока те помогали в уходе за ранеными, если начинались проблемы, генералы старались держать свои поезда как можно дальше от источников опасности и перемещались, не останавливаясь и словно позабыв о своих войсках.

Глава 3

Так как было похоже на то, что мне суждено работать исключительно с донскими казаками, я решил, что мне следует побольше узнать о них, и взял себе за правило ознакомиться с их историей.

Как я узнал, именно во время татарского нашествия на Дон русские впервые решили колонизовать этот дикий и варварский тракт вдоль реки. Первыми туда стали прибывать недовольные или ссыльные русские, для кого жизнь в Москве при Иване Грозном и других царях XVI и XVII веков стала невозможной, а когда к концу XVII столетия царь Алексей Михайлович превратил крестьян в рабов, еще больше людей стало уходить на юг. За ними последовали жертвы религиозных притеснений и люди, желавшие отомстить татарам или намеревавшиеся спасти пленников. Так возникло разнородное сборище людей, основавших первое военное сообщество на Дону.

Называемые казаками от татарского слова «хозак», означающего седло, они становились исключительно легкими кавалеристами, когда им приходилось отказываться от кольчуги во время долгих походов в кампаниях против азиатов. Они объединялись в лагеря, именуемые «станицами», и выбирали своего собственного вождя, называя его «ватманом» – от этого и произошло современное название «атаман». Земледелие было запрещено, и они жили охотой, рыбной ловлей и добычей от набегов.

Вскоре они разделились на казаков верхнего и нижнего Дона, и из-за различия в условиях, в которых жили эти две части казацкого общества, их характеристики стали сильно отличаться. Те, кто жил на верхнем Дону, были преимущественно русскими, светловолосыми, скорее ленивыми и лишенными духа предпринимательства и воинственности. А из казаков нижнего Дона, постоянно воевавших и смешивавшихся с татарами и черкесами на Кавказе и на территории, ныне именуемой Кубанью, сформировался этнический тип, для которого характерен смуглый цвет кожи, стройность фигуры, черные волосы и гораздо более активный и драчливый нрав.

В XVI веке круг, или совет, избирал атамана, отправлял в походы и решал другие важные вопросы, и он же заложил основы парламента донских казаков. Первый случай, когда казачьи войска стали частью Российской армии, имел место в 1550 г. во время похода Ивана Грозного на Казань, и с тех пор роль казаков стала сродни «пограничной охране» империи, и они были основным военным сообществом, к которому государь всегда обращался за дополнительными войсками во время чрезвычайного положения в стране.

Казачьи кавалерийские дивизии принимали участие во всех боях, начиная с XVII века и до революции 1917 г., в которых воевала Российская армия. Временами они чуть ли не схватывались со своими хозяевами в Москве по некоторым вопросам конституционного права, но их положение было настолько прочным, а их ценность так велика, что к ним никогда не приставали, и казаки обычно пользовались привилегиями, тем самым создавая народный дух независимости и любви к свободе.

В 1801 г. под началом графа Орлова был мобилизован 41 кавалерийский полк, а начиная с 1810 г. казаки под командой атамана Платова воевали с Наполеоном, и их заслуги были признаны в привилегиях, дарованных им Александром I, которыми гарантировалась неприкосновенность их институтов. Крымская война призвала многочисленные казачьи полки, и снаружи музея в Новочеркасске стоят два орудия, отвоеванные у англичан под Балаклавой. Однако, когда в 1914 г. роль кавалерии очень изменилась из-за окопного характера военных действий, они не особо доброжелательно отнеслись к новому порядку вещей, и из-за больших потерь как в людях, так и в лошадях в 1916 и 1917 гг. многих казаков призвали в части для службы на турецкой границе и для сотрудничества с британцами в Месопотамии. А оставшихся использовали как вестовых, для дорожной охраны и для службы в полиции.

После революции казаки, хотя и будучи демократически настроенными, с недоверием и презрением отнеслись к Советам и Лигам солдат и рабочих, которые вмешивались в военные операции, арестовывали и понижали в звании своих офицеров и уничтожали всякую дисциплину в армии, и во время попытки Корнилова восстановить закон и порядок в августе 1917 г. они единодушно его поддержали.

Когда авантюра Корнилова провалилась, казаки, устав как от Временного правительства, так и от большевистских экстремистов, вернулись на свои земли, ничего не требуя, кроме того, чтобы их оставили в покое, чтобы они могли решить задачу своего собственного спасения. Но очень скоро из-за репрессий в северных городах в их края стали прибывать в больших количествах представители аристократии и бывшие офицеры императорской армии, надеявшиеся найти убежище от все возрастающей злобы большевиков.

В мае 1917 г. генерал Каледин, командовавший ранее 8-й армией на Юго-Западном фронте, был избран атаманом Донского круга, а в августе того же года издал декларацию, в которой провозглашалось намерение казаков вести войну вместе с союзниками и восстановить дисциплину на фронте, а также предлагалось убежище на Дону всем, кто пострадал от большевиков.

«Мы никого не отдадим Советам», – заявил он, и жалкая струйка людей с севера превратилась в потоп. Бывшие офицеры, адвокаты, артисты, профессора и интеллигенция двинулись на юг, и скоро города у Черного моря были полны ими. Некоторых завербовали в антибольшевистские войска. А некоторые были просто обузой.

В ноябре 1917 г. Москва объявила войну Каледину и донским казакам, а против его правительства вспыхнуло восстание, особенно мощное в Ростове. Новочеркасск, однако, остался ему верным, а поскольку многие из донских полков были все еще далеко и не могли возвратиться в свои края, надо было собирать добровольческие полки. В этом деле в лидерах оказались студенты, и на Ростов пошел маленький отряд. Он был отбит, но вторая атака, которую возглавил сам Каледин, была успешной, и Ростов был взят.

Тем не менее в этот период большевистская агитация подорвала дисциплину в казачьих войсках, и в продолжении борьбы можно было положиться лишь на волонтеров.

В январе 1918 г. под контролем Алексеева возникла Добровольческая армия, и скоро она в числе своих командиров имела многих из тех генералов, что прежде были беженцами, включая и Деникина. Однако к концу января частям Добровольческой армии, которая все еще была невероятно малой, пришлось опять оставить Ростов на произвол судьбы и отойти на Кубань.

Каледин не смог перенести захвата столицы и 29 января 1918 г. застрелился. Новочеркасск пал 12 февраля, и все, что оставалось от Донской армии, то есть примерно 2000 человек, сдаче в плен предпочли бегство в степи под командой генерала Попова. Через день после их ухода один изменник – казачий офицер – вошел в город во главе большевистской кавалерии и убил нового атамана, главу круга и брата нового атамана.

Казаки скоро начали понимать, во что их впутали, и в августе 1918 г. красных снова выбросили из Новочеркаска и некоторых районов Дона. Был избран новый атаман – генерал Краснов, блестящий кавалерийский генерал, и под его началом казаки отбросили большевиков.

И тут на сцене появилась новая мощная и влиятельная сила. Украинцы, поддерживаемые германскими оккупационными войсками, находившимися там со времен Брест-Литовского договора, предъявили права собственности на некоторые части донской территории, и донским казакам пришлось подчиниться, потому что только от немцев они могли получать боеприпасы и пушки, которые были им так нужны в войне против большевиков. В августе 1918 г. занять поле боя была готова небольшая умелая казачья регулярная армия.

Но пришла зима, и вновь казаки стали прислушиваться к большевистской пропаганде. Снова красные

вклинились в отдаленные казачьи районы и стали продвигаться на Новочеркасск, однако использование небольшой, но квалифицированной новой армии спасло ситуацию. Тем не менее после перемирия на Западном фронте немцы вывели свои войска с Дона и Украины, очистив побережье не только для большевиков, но и для групп, состоявших из асоциальных элементов, превратившихся в бандитов.

Эти люди, не будучи лояльными ни белым, ни красным, жили в лесах или в поездах и воевали с красными, белыми и украинцами без разбора, обычно нападая по ночам, подъезжая близко к поездам и посылая в небо, чтобы осветить себе арену действий, цветные осветительные ракеты, захваченные в налетах на склады.

Чтобы справиться с положением, часть Добровольческой армии под командой генерала Май-Маевского в качестве базы использовала Ростов. Еще одна армия под германским контролем и на немецкие деньги наступала из Киева до тех пор, пока ей не удалось очистить от красных значительную территорию вокруг Воронежа. К несчастью, ею командовали самые страшные, вульгарные представители старого режима, и они лишь заменили тиранию и плохое управление большевиков на ту же систему под другим именем. Очень скоро местные симпатии настолько к ней охладели, что эта армия развалилась, а осколки ее влились в части Донской и Добровольческой армий.

В декабре Краснов, ныне атаман Войска Донского, согласился на передачу объединенного командования всеми антибольшевистскими силами в руки Деникину, и в феврале 1919 г. генерал Африкан Петрович Богаевский, всю Кубанскую кампанию воевавший под началом Корнилова и бывший очень популярным на Дону, стал атаманом, а генерал Сидорин – главнокомандующим.

В декабре 1918 г. появились первые признаки интереса, проявляемого союзниками к войне в Южной России, когда прибыла миссия во главе с генералом Пулом, а в апреле появилась британская миссия под руководством генерала Бриггса, включавшая среди своих офицеров и меня.

После выяснения кое-каких сведений о казаках моей первой обязанностью в Новочеркасске, как мне казалось, было обратиться к атаману Богаевскому. На следующий после приезда день я вместе с Ангусом Кемпбеллом вознамерился это осуществить. Нас встретил у дверей очень энергичный часовой Атаманского гвардейского полка, на голове которого была синяя казацкая шапка, а одет он был в обычную русскую серо-зеленую рубашку и синие бриджи с лампасами трехдюймовой ширины. В руке он держал кавалерийскую саблю, кривую, как серп, и явно острую, как бритва. Со своей саблей и бородатым лицом он выглядел весьма пугающе.

Адъютант проводил нас к канцлеру двора, а тот, в свою очередь, передал нас личному секретарю, пока, в конце концов, мы не вошли в маленькую гостиную, в которой атаман принимал своих гостей.

Богаевский был круглолицым человеком с небольшими усиками и очень дружеской улыбкой. Только оправившись от приступа тифа, которым заразился во время поездки на фронт, он был очень слаб, но сердечно нас приветствовал, – к моему большому удивлению, на французском, так что я мог вести беседу без помощи переводчика.

– Мы очень рады тому, что вы здесь, – произнес он. – Наша борьба станет намного легче теперь, когда прибыли вы.

Визит был коротким и формальным, но я тут же ощутил большую симпатию к нему. Несмотря на высокий ранг, бросалась в глаза его естественность и скромность.

Следующими после атамана лицами были главнокомандующий Сидорин и его начальник артиллерии Горелов, которого я себе представлял более внушительным, чем он оказался на самом деле, но теснейшие, водонепроницаемые отсеки, которые вечно вредили работе британского персонала во Франции, не выдерживали сравнения с теми, где трудился русский штаб. Помимо Горелова, Сидорина сопровождали

его начальник штаба поляк генерал Кельчевский и его генерал-квартирмейстер Хислов. Эти четверо руководили всей деятельностью Донской армии. Атамана полагалось держать в курсе всех акций, но вскоре я пришел к выводу, что могущественный Сидорин делал все, что хотел, и советовался с более беззаботным Богаевским, когда ему это было удобно – что случалось не так часто. Тогда это не казалось необычным, потому что почти в каждом городе имелось свое командование и практически самостоятельные армии, некоторыми командовали генералы, а некоторыми – полковники. Никто из них, вероятно, не подчинялся никому свыше.

Сибиряк Сидорин был авиатором и штабным офицером Российской армии, и ему еще не исполнилось сорока. Это был крупный человек с коротко стриженной головой, шрамами на лице и грубыми чертами. Он был неразговорчив, но когда заговаривал, то делал это хриплым и властным голосом. В моменты спокойствия выражение его лица было скорее жестоким и зловещим, но когда он был доволен или приятно удивлен, оно загоралось необычной, мальчишеской улыбкой, и он тихо смеялся странно приятным и вызывающим доверие смехом, отчего трудно было испытывать неприязнь к нему. При нашей первой встрече он сдержанно приветствовал меня и начал ту же самую тему, что и все другие русские командиры.

– Британские орудия надо немедленно отправлять на фронт, – заявил он. – Уже нет времени для систематических тренировок.

Он хотел больше пушек и как можно быстрее, так что не мог бы я попросить миссию прислать их? Он был разочарован размером доли запасов, выделенной его армии, и попросил меня довести это до сведения штаба миссии.

Потом генерал Кельчевский сделал для меня краткий обзор ситуации на фронте и попросил меня зайти к нему еще раз после того, как я ознакомлюсь с работой училища, чтобы поделиться с ним своими мыслями о положении дел.

Всей моей деятельности в России суждено было быть тесно связанной с Сидориным и его штабом, и, хотя внешне наши отношения всегда были самыми сердечными, официально я скоро обнаружил, что при получении от них какой бы то ни было информации сталкиваюсь с величайшими трудностями. С начала и до конца было так, что Сидорин не обращал ни малейшего внимания на британского офицера, кроме разве что приглашений на обед, и только в крайних случаях обращался к нам за советом или помощью, когда дело касалось британских материалов, которые получали казаки. Поэтому возникла необходимость заставлять обращать на себя внимание, а иногда даже требовать внимания, когда я видел, что наше оборудование подвергается дурному обращению в руках его чересчур уверенных, но неквалифицированных офицеров.

Тем не менее было не принято для младшего британского офицера совать свой нос в сложную машину казачьей армии, и казаки, возможно, знали, что многие в штабе миссии не считают необходимым ни при каких обстоятельствах, чтобы я интересовался чем-то, выходящим за круг моих обязанностей инструктора.

Действительно, многие британские офицеры – как старшие, так и младшие, – похоже, проявляли небольшой интерес к тому, что происходило вне их среды, и были бесстыдно пренебрежительны ко всему, что делали русские, игнорируя возникавшие многочисленные возможности для оказания содействия. Они, видимо, были уже убеждены, что поддерживают проигранное дело. Из-за этого я не всегда мог действовать с уверенностью получить поддержку своих вышестоящих начальников, а ситуация не становилась легче от того, что Лэмкирк, этот русскоговорящий офицер, бежавший вместе с русскими, был старым другом Сидорина и сознательно отстранялся от дел, чтобы создать для нас проблемы.

Ситуация оставляла странную пустоту в общении и не способствовала плодотворной связи, и скоро я понял, что дела пойдут труднее, чем я когда-то воображал, вызвавшись добровольцем в Россию.

Однако, став известным армейскому штабу, Кемпбелл очень мудро предложил посетить епископа Новочеркаска, и тогда через день-два я зашел к нему. Это был почтенного вида человек в высоком шелковом головном уборе, с ниспадающими волосами и черной длинной бородой. На шее красивая цепь с драгоценными камнями и крестом. Он рассказал нам, как большевики оскверняли церкви во время оккупации города. Они воровали и крушили ценности, а алтари использовали для пьяных сборищ. Самому ему грозили смертью и подвергали всевозможным оскорблениям. Он дал мне икону Святого Сергия, благословение труду союзников и приглашение посетить собор и присутствовать на любой службе, какой пожелаю. На прощание он поцеловал меня. Я был потрясен, но потом узнал, что люди, которые следили за нами и оценивали каждый наш шаг, очень благоприятно оценили это посещение.

Свой последний визит вежливости я нанес генералу Попову – премьер-министру Донского круга. Попов был большим другом генерала Теренса Кейса из миссии, который, в свою очередь, был братом адмирала сэра Роджера Кейса – ученого, являвшего к тому же прекрасный образец офицера индийской армии, переведенного в политический департамент.

Блестящий лингвист с опытом самой волнующей политической и военной деятельности по всей Северной Индии, Персии, Аравии и России – где он пребывал всю революцию в самых загадочных ипостасях, – Кейс тут же очаровал меня так, что породил во мне нечто вроде преклонения перед героем, которое вообще-то полагается позабыть по окончании школы или после первого года полковой службы. К сожалению, по каким-то причинам, которые я не стал выяснять, он не испытывал любви к донским казакам и обвинял их в германофильстве, сепаратизме и даже в симпатиях к большевикам и плохих боевых качествах. Хотя раз или два я оказывался у него на плохом счету за свою открытую защиту казачества, мы все равно оставались добрыми друзьями. Но ни один из нас не сумел переубедить другого, и я часто испытывал стыд за то, что избрал линию поведения, находившуюся в прямой оппозиции к самому блестящему и самому опытному из всех британских офицеров, служивших в Южной России. Возможно, он сознательно волюнил меня либо, возможно, держал в своей душе нечто такое, что мне знать не следовало, но он наверняка продолжал мыслить тем же образом еще долгое время после того, как покинул Россию. Это была потрясающая личность, которую русские очень высоко ценили. Абсолютно необычными были его симпатии к ним, потому что большинство офицеров, служивших в индийской армии, были антагонистами по той простой причине, что поколениями Россия считалась угрозой британцам на Востоке. Однако Кейс служил в качестве офицера связи в Российской армии в Румынии, и его слово каждым русским высокого офицерского ранга воспринималось как «британский закон», и он был повсеместно популярен. Постоянно находясь на фронте, он возвращался в штаб в Ростове только налетами.

Теперь, когда я заложил фундамент для своей работы, я воспользовался первой же возможностью принять одно из частных приглашений, которые получал. Обычно британские офицеры часто посещали одну семью по фамилии Абрамовы. Это были состоятельные банкиры. Мадам Абрамова немного говорила по-французски, а муж ее – только по-русски, но две их юные дочери прекрасно изъяснялись по-английски. На одной из вечеринок я встретил Мусю и Алекса Смагиных.

Алекс – мелкий аристократ, был полковником уланского полка императрицы. Это был добродушный, улыбчивый, дородный, краснолицый человек сорока пяти лет, полный добрых намерений, но ленивый, слишком любящий вино и фактически не что иное, как жизнерадостное ничтожество. Жена его Муся, однако, была совсем иного типа человеком. Среднего роста, с каштановыми волосами и огромными глазами, она была моложе Алекса, красива, имела хорошую фигуру и красивые изящные руки и, прежде

всего, была потрясающей личностью. Она безупречно говорила по-английски, еще маленькой девочкой училась в Англии и в Смольном институте – ведущем учебном заведении для русских девочек в Петрограде. Она также говорила на японском, которому выучилась, работая медсестрой на Востоке во время Русско-японской войны.

Как и многие другие представители своего общества, они с Алексом решили уехать из Петрограда под влиянием калединского обещания безопасности и осенью 1917 г., перескакивая с поезда на поезд, направились на юг. Алекс, прежде преуспевающий офицер в первом классе полка, теперь зависел от маленького жалованья, которое получал за свою должность при штабе Богаевского, но этого им хватало на то, чтобы покупать продукты, и в этом отношении они, возможно, были счастливее, чем многие другие люди. Однако они распродали почти все свое имущество и сейчас жили в очень маленьком домике с приходящей прислугой. Мне суждено было тесно подружиться с ними.

В тот самый вечер собралась большая компания, она включала графа Безобразова, старого офицера конной гвардии, его супругу, одну из красивейших женщин российского придворного общества, а также жену атамана госпожу Богаевскую и ее дочь от первого брака; госпожу Пашкову, пользовавшуюся лорнетом и идеальной английской подчеркнутой медлительностью речи; сына ее Алекса – еще одного офицера конной гвардии, учившегося в Кембридже, а ныне – одного из наших офицеров связи; Елену Абрамову – никакого отношения к другим Абрамовым (однофамилица); Алексиса Аладьина – представителя Трудовой партии в Первой думе, о котором меня заранее предупредили в штабе; чиновников из Донского правительства, а также Рештовского – штабного офицера и его красавицу супругу, женщину с белоснежными волосами и девичьими чертами лица, неброско, но элегантно одетую в черное, казалось, что она будто сошла с какой-то французской картины XVIII века. Она свободно говорила по-французски, и мне повезло, что я оказался рядом с ней за ужином.

Первые представления, связанные с рукопожатиями со всеми присутствовавшими в комнате, были скорее тревожными, а так как я все еще не был достаточно знаком с «регламентом» русских ужинов, опасения что-то сделать или съесть не то полностью испортили первые минуты общения. Госпожа Рештовская, однако, быстро сняла с меня напряжение, и я скоро болтал на своем ужасном французском. Урожденная Романовская, госпожа Рештовская жила главным образом в Москве и, чтобы спастись от неминуемой смерти, была вынуждена бежать в казачьи края.

Мне удалось побеседовать со всеми другими гостями, говорившими по-английски или по-французски, и особенно с этим подозрительным Аладьиным. Очевидно, ему не хотелось покидать безопасное русло несущественной болтовни, но он был волевой, сильной личностью, хотя и склонен так растянуто и многословно обсуждать один и тот же вопрос, что сама проблема неизменно терялась из виду. Возможно, делалось это намеренно, но и тогда, и впоследствии я в разговорах с ним избрал метод ведения дискуссии конкретно по обсуждаемому вопросу, потому что понимал, что это пропадающее дело, если позволить вовлечь себя в словесное фехтование с человеком его способностей. Мы стали хорошими друзьями, и я высоко ценил его, никогда не допуская ни малейшей душевной близости. Он всегда исповедовал сильнейшие англофильские симпатии и был связан со всякими благотворительными организациями, действовавшими на благо солдат или беженцев, но благодаря личной дружбе с атаманом, генералами Донской армии и фактически со всеми примечательными лицами он часто выступал в роли посредника между властями и инакомыслящими политическими организациями.

Он был на плохом счету в штабе миссии по причине своей связи с Первой думой и с германскими оккупационными войсками, с которыми, как мне говорили, был в очень дружеских отношениях. Кейс был особенно враждебно настроен по отношению к нему, и его отношение всегда можно было сформулировать так: «Держись от него подальше. Это одна из тех еще прогерманских свиней!»

Разговор носил ностальгический характер, и женщины вздыхали по красивым одеждам, которые теперь не только не достать, но они вообще за пределами финансовых возможностей. Возможно, Муся Смагина имела чуть больше, чем хотела изобразить, и хотя она и ее подруги иногда пытались заштопать одежду, у них это не всегда хорошо получалось. В прежние времена они всегда пользовались для этого услугами швей, но сейчас уже не могли себе этого позволить, поскольку им пришлось продать почти все, что имели, чтобы хотя бы прокормиться.

Все, однако, были удивительно оживленными, но иногда вдруг в разговоре возникали странные паузы, поспешно заполняемые мимолетной улыбкой, которая демонстрировала, как резко для большинства из гостей изменились обстоятельства. Их мысли были полны надежд и страхов, но все отчаянно старались не досаждать этим окружающим, а поэтому всегда тему для разговора меняли тостом «На Москву!» или «Быть в Москве к Рождеству!».

Большинство вечеринок представляли собой только чаепитие или ужины, где находился любитель-гитарист, который перемежал беседу аккордом и несколькими строчками из некоторых наиболее популярных русских цыганских или народных песен.

«Очи черные», которые мы все знали, были самыми популярными, как и «Песня о Стеньке Разине», симпатичная баллада, ставшая у британцев особенно известной. В ней рассказывается о делах известного донского казака XVII века, который захватил в набеge красивую персидскую княжну. Очарованный ею, он обнаружил, что позабыл о своей банде разбойников, поэтому, чтобы не упасть в глазах верных людей, он бросил свою любимую в Дон, где она и утонула.

Время от времени эти вечеринки проводились в небольших симпатичных ресторанах, украшенных гобеленами и коврами и, учитывая, что дело происходило в Новочеркасске, удивительным количеством разнородных изделий из серебра и платины. Там всегда было очень много офицеров с женщинами, причем большинство из них были старшими офицерами, у которых не было нехватки в свободном времени. Иногда танцевали мазурку или контрданс, но, хотя эти танцы были весьма привлекательными, мне они не очень по нраву. Тем не менее время от времени я танцевал польку или венский вальс, и мои партнерши всегда выказывали удовлетворение, хотя я был уверен, что должен научить кого-нибудь танцевать тустеп.

Чтобы рассчитаться за угощение, надо было отдать целые катушки бумажных денег, большая часть которых была в значительной степени обесценена. Тут были рубли Керенского, рубли Романова и деникинские рубли, и все это напечатано различными правительствами, но в большинстве своем эти ассигнации были столь обесцененными, что становилось сложно разменять их, и люди уже стали предпочитать этому бартер.

Ужин стоил примерно 160 рублей, но, если до войны рубль шел по курсу 10 к 1 английскому фунту, то с тех пор курс подскакивал до 40, а потом до 80 и, наконец, до 165, требовалась огромная куча, чтобы уплатить по счету, особенно если устраивалась вечеринка. В этих ресторанах напитки были чуть крепче чая из самовара, и ностальгия вместе с крымским вином продолжали работать друг на друга по порочному кругу, так что тосты – причем всегда включавшие «На Москву!» – выпивались все быстрее и быстрее, а музыка от брэнчащих балалаек и украшенных лентами аккордеонов становилась все громче и назойливей. И неизменно более молодые участники вечеринки в конце концов теряли контроль над собой.

Как-то в одном из небольших ресторанчиков, опекаемых обществом беженцев, тосты, которые провозглашались за царя, за британцев, за Деникина и прочих, становились все шумней и истеричней, пока один из ораторов, перебравший «Абрау-Дюрсо» – царского шампанского, не рухнул на стол, посреди шквала аплодисментов с грохотом сбрасывая на пол посуду и стекло.

Никто и пальцем не пошевелил, когда он медленно сполз со стула и исчез из вида.

Моя соседка по дому княгиня Чебышева радостно улыбалась.

– Как восхитительно, – гордо произнесла она, – видеть, как кто-то так блистательно напился, что не может подняться. Это ради такого доброго дела!

Глава 4

Со дня моего приезда я всегда ощущал всемирно известное русское гостеприимство. В этой стране существует традиция, согласно которой если гостя перед отъездом не напоили вином, то, значит, его приняли с недостаточным почетом, и я определенно покидал многие приемы еле держась на ногах.

«Как жаль, что правительство дома не в состоянии понять, – говорил Кейс, – как часто я напиваюсь, чтобы хоть что-то вообще получилось».

На каждой вечеринке, которую я посещал, я всегда чувствовал, что за мной ухаживает самый лучший хозяин в мире, который из кожи вон лезет, чтобы оказать мне честь. В этом русские превзошли всех, они даже на мелководье постараются утонуть, чтобы доставить вам удовольствие. Всегда предлагалось самое лучшее, и мне пришлось проявлять огромный такт. Как и Кейс, я понял, что, если я не готов пить столько же, сколько и мои компаньоны, я вряд ли заслужу у них уважение или добьюсь нужного сотрудничества в работе, а потому взял за правило стараться изо всех сил на первой встрече вести себя так, как требуют обычаи, а потом, доказав свои способности, находить оправдания в последующих случаях. А иначе я мог вообще никогда не приходить в себя.

Кроме частных вечеринок нас также приглашали на немыслимое количество официальных банкетов, первый и самый впечатляющий из которых был устроен для нас атаманом и штабом Донской армии в зале атаманского дворца, буквально рядом с комнатой, где застрелился Каледин.

Охрана была взята из казачьего полка личной охраны усопшего царя, остатки которой были влиты в Донскую казачью армию, и, когда мы появились, какое-то время продолжали подвезжать экипажи. Гости в ослепительных мундирах, усеянных наградами и блистающих драгоценностями, эполетами, бриллиантовыми эфесами сабель и начищенными до блеска сапогами, когда мы вошли в зал, с любопытством уставились на наши однообразные цвета хаки куртки и отсутствие какой-либо рисовки с нашей стороны. На банкете присутствовало примерно сто пятьдесят генералов, штабных и полковых офицеров, некоторые из них были выходцами из самых высоких кругов московского и петроградского общества; члены Думы; правительственные чиновники и высокие церковные особы с самим епископом православной церкви – тоже в полном облачении! – чтобы произнести благословение.

Первые полчаса или около этого ушли на поедание «закусок» – что было едой само по себе, – стоя вокруг большого стола в отдельной комнате. В эту комнату были допущены только самые важные гости, и на каждое дружеское приветствие полагалось отвечать вездесущей рюмкой водки. На столе была икра всех сортов, редиска и масло, горячие ломтики нежной баранины с капустой и морковью, почки, блины и горячая картошка, политая белым соусом.

Весь вступительный период рядом со мной постоянно находился граф дю Чайла, познакомивший меня сначала с одним, а потом и другим увешанным наградами генералом или полковником с орденами во всю грудь и лязгающей саблей. Я думал, что не пройду через это, но наконец атаман подал всем сигнал перейти, и мы потянулись в банкетный зал, где на двух столах, протянувшихся во всю длину комнаты, был накрыт обед. Я оказался по левую руку от атамана, который сидел во главе одного из столов, справа от него находился Сидорин, а по мою левую руку сидел Ангус Кемпбелл на случай, если понадобится что-нибудь переводить. Других британских офицеров рассадили по всему залу, и у каждого под рукой имелся переводчик. В конце зала для хорошего исполнения молитвы располагался казачий хор из собора, состоявший примерно из шестидесяти мужчин и женщин в длинных синих стихарях с серебряными кушаками и каймой. Без какого-либо оркестрового сопровождения они исполнили старинные русские народные песни, казачьи мелодии и мотивы народных танцев, которые они пели с потрясающей энергией

и при изумительном чувстве ритма.

Мысль о необходимости отвечать на официальные тосты при таких впечатляющих обстоятельствах совершенно портила мне аппетит, и я с трудом улавливал вкус еды, которую стали подносить. Потом я вспомнил, что никто не поймет ни слова из того, что я произнесу, пока это не будет переведено Кемпбеллом, и мне показалось, что из нас двоих у него – самая худшая работа. Атаман начал вступительное слово с приветствия и закончил тостом за здоровье короля Георга и британской миссии. Этот тост был встречен бурным энтузиазмом, и при этом в знак уважения извлекались сабли, и ими салютовали, а также было очень много одобрительных возгласов и аплодисментов, длившихся в течение нескольких минут. Я с волнением поднялся со своего места для ответного тоста, стоя в этом огромном зале дворца казачьего атамана со стенами, увешанными портретами предыдущих донских атаманов, и этой величественной хрустальной, ослепительно сияющей люстрой. Обведя взором длинный стол, я увидел всевозможные мундиры, генералов штаба, казаков с Кавказа и Терека, бывших императорских офицеров-кавалергардов, офицеров фронтовых полков, священников, британцев в их куртках-хаки и в самом дальнем конце – хор в сине-серебряных одеждах.

Все взгляды были устремлены на меня, и что за странной показалась мне эта череда голов, когда я взглянул на нее! Коротко подстриженные волосы, увенчивающие лица с черными и коричневыми бородами, выражающими нечто вроде симпатизирующего терпения к выходкам нескольких полных энтузиазма представителей Британии, которые в самом деле полагали, что смогут реорганизовать и перевооружить Вооруженные Силы Юга России за какие-то несколько недель. Большинство этих людей при старом режиме находились на больших командных и официальных постах и не были казаками, и среди них всех все еще жило ощущение – многие были офицерами уланского полка императрицы или кавалергардов, – что казаки были ниже их по достоинствам, пограничная охрана империи, которая призвана делать грязную работу для столицы. Первоначально эти офицеры лишь присоединились к донским крестьянам из-за ненависти к красным либо из-за того, что они устраивали против большевиков в Москве или Санкт-Петербурге, и все еще существовал какой-то элемент снобизма. Скромный командир батареи вроде меня обычно не удостоивался ими особого почета.

Мне подумалось, что Ангус Кемпбелл чувствует себя еще более нервно, чем я, так как он говорил весьма тихо, его перевод, возможно, вообще не был слышен. Я не касался вопросов монархии или политики и того, что Донская армия отрезана от Вооруженных Сил Юга России, но наши совместные с Кемпбеллом усилия были восприняты с радостным оживлением и новыми тостами за здоровье. Исполнили британский национальный гимн, гимн донских казаков и конечно же «Долог путь до Типперери», а за этим последовали речи епископа, генерала Коновалова, первоклассного кавалерийского генерала из 2-й дивизии, и других, которые желали сказать что-то доброе о нас. Между речами хор пел русские песни.

К тому времени многие гости стали весьма шумными, и примерно к полуночи некоторых из самых безрассудных гуляк с трудом отправили по домам, а дальние столы убрали, чтобы освободить половину зала. Некоторые из девушек хора сняли свои стихари и, подбадриваемые остальными, продемонстрировали образцы русского танца, а четыре солдата из Кавказского кавалерийского полка станцевали знаменитую лезгинку, кавказский национальный танец. Это были бородатые головорезы в длиннополых красно-коричневых шинелях или черкесках с золотыми газырями на груди, инкрустированными саблями и кинжалами, и в высоких сапогах с плоскими каблуками. Они танцевали под аккордеоны, скрипки и балалайки, и, когда ритм музыки становился все быстрее и быстрее, они проделывали экстраординарные трюки со своими острыми, как бритва, кинжалами, когда схватывались друг с другом, держа кинжалы в зубах, или балансировали ими, держа сзади на шее, а присутствовавшие зрители отбивали такт, хлопали и пели.

Музыка завершилась бурными тостами «Рождество в Москве!», все стучали кулаками по столу и одобрительно шумели, и я выбрался оттуда, когда уже рассвело.

К моей радости, до моего жилья было каких-то 200 метров.

Вскоре после этого мне пришлось присутствовать на банкете, устроенном Дворянским собранием в Новочеркасске, за которым последовал ужин, данный атаманом в честь Кейса, который заехал в Ростов на несколько дней, чтобы посмотреть, как у нас идут дела.

– Иногда, – сказал он, – я задумываюсь, для чего мы здесь – для того, чтобы есть или чтобы пробиваться к Москве.

Мероприятие проходило в доме профессора Иловайского, одного из наших переводчиков, и явно главной целью было произвести на британцев впечатление о значимости и рвении аристократов-землевладельцев, которые с интересом следили за разработкой законов о земле в отношении экспроприации и раздела их владений между крестьянами.

Этот вопрос о земле всегда был камнем преткновения между Деникиным и основной массой его сторонников – особенно казаков, которые стремились к контролю над крупными пространствами сельской местности, которая раньше принадлежала классу землевладельцев. Возможно, на самом деле, что бескомпромиссное отношение деникинского правительства к этой проблеме стоило ему потери немалой поддержки, и, когда следующей весной он уступил крестьянам в этом вопросе, было уже слишком поздно, и ущерб уже был нанесен. Нечего и говорить, что Дворянское собрание было твердым сторонником сохранения земли в руках ее прежних хозяев, и они делали все возможное, чтобы помешать Деникину провести любой закон, ведущий к ее экспроприации. Они полагали, что, заполучив на свою сторону британских офицеров, их дело обретет поддержку и британской миссии.

На этой вечеринке я встретился с некоторыми новыми друзьями, среди них была княгиня Волконская, написавшая несколько статей для лондонских газет под псевдонимом Русский патриот и вместе со своими двумя дочерьми жившая беженкой в Новочеркасске. Ее сын был убит на германском фронте, а она, как и все другие, потеряла все, что у нее было. Она сейчас распродавала одну за другой свои драгоценности, чтобы достать продукты, а дочери старались заработать хоть сколько-нибудь денег машинописью везде, где можно было получить эту работу. Княгиня была одним из самых ожесточенных антибольшевистских ораторов и писателей, каких мне доводилось встречать, но ее мнение о красных было всегда настолько впечатляющим, что не уменьшало литературных заслуг ее статей.

Были предложены традиционные тосты, произнесены небольшие речи, но Кейс, отлично осознавая, что мы находимся в логове монархистов, особенно старался не проявлять никаких признаков симпатий к этому конкретному чувству. По этому пункту он всегда давал мне самые настойчивые приказы, хотя мне часто было очень трудно выполнять эти инструкции, не испытывая чувства предательства по отношению к своему королю.

Этот вечер был неудачным из-за излишества одного из наших переводчиков, князя Лихтембергского, царского кузена и офицера казачьего гвардейского полка. Ему было только двадцать три, и он был одним из первых офицеров, приданных нашей миссии. Он достойно сражался на германском фронте, но, как и многие злополучные Романовы, проявил фанатичную привязанность к религии и прошел различные уровни проверки готовности для высокого поста в церкви. Это был бледный юноша с диковатым взглядом со страстной увлеченностью музыкой (он прекрасно играл на фортепьяно). Он также умело выполнял функции звонаря в соборе и занимался этим во время многих из важнейших церковных служб, когда там могли обойтись и без него – и часто, когда не могли, так что, если в нем была срочная необходимость, у нас

вошло в привычку прислушиваться, звонят ли колокола. Как-то я пошел с ним посмотреть на его работу, и это было просто экстраординарное зрелище – видеть полное поглощение, с каким он управлялся с двумя наборами колоколов с помощью рук, а еще одним или двумя большими колоколами с помощью ноги. Самый большой из них был так велик, что для того, чтобы раскатать его язык при перезвоне в два удара в минуту, требовались усилия зрелого мужчины.

Эти монашеские стремления, однако, не помешали ему стать чрезмерным бонвиваном, и тот конкретный вечер не стал исключением из правил. С каждым стаканом алкоголя, который он поглощал, его приверженность умершему царю и его пропаганда идеи восстановления монархии становились все более выраженными, и после первых двух-трех тостов он вставал с места и требовал тишины и внимания. На ломаном английском и с пафосом, который мог быть понят только теми, кто знал, как пострадали эти русские дворяне, он выражал свои чувства.

Для старого дворянства царь был самой основой общества, к которому они принадлежали, но он был убит вместе с семьей и несколькими людьми из своего окружения в Екатеринбурге сразу за Уральскими горами, куда их увезли, чтобы не дать белым их спасти. Там всех зверски расстреляли в подвале, и тела кинули в заброшенную шахту. Позднее, когда красные были отброшены, останки членов царской семьи и принадлежавшие им реликвии были извлечены, но смерть царя людей вроде Лихтембергского оставила без корней, без цели и в зыбком состоянии, и они сами созрели для заговоров и интриг. Мы хорошо понимали, что всегда найдутся люди вроде него, являющиеся убежденными монархистами, и они лишь залегли, чтобы дожидаться возвращения Романовых, но до того самого вечера я никогда не представлял себе, как глубоко они воспринимали эту проблему, и, зная исповедуемую нами политику нейтралитета в этом вопросе, я, слушая Лихтембергского, пришел в ужас.

– Когда-то, – говорил он, – у нас был царь, такой же великий и добрый, как английский король, за здоровье которого мы поднимаем тост. У нас была и страна, красивая, богатая и покрывавшая половину мира. Сейчас у нас нет ничего. Наш царь убит, наши города в руинах, наши земли в руках евреев и преступников и наводнены китайскими солдатами. – Он помолчал. – Но у нас все-таки кое-что еще осталось. У нас осталась надежда, и я обращаюсь ко всем с призывом выпить вместе со мной за будущего царя!

Речь его возбудила жуткий энтузиазм, и люди повскакали со своих мест, некоторые взобрались на стулья, чтобы поднять свои бокалы, лица покраснелись в патриотическом порыве – и больше, чем от вина. Люди швыряли бокалы, и место на какое-то время стало похоже на сумасшедший дом, а потом, когда грохот и крики затихли, Лихтембергский повернулся к казачьему оркестру, который, насколько я понимал, питал очень демократичные – если не пробольшевистские – симпатии, и распорядился, чтоб он сыграл старый русский государственный гимн, который после свершения революции был запрещен. Его пели все собравшиеся, некоторые стоя на стульях, а некоторые – на столе, а когда все опять уселись на своих местах, Лихтембергский продемонстрировал великолепное умение танцевать русский танец.

Я в течение этого периода несколько раз поглядывал на Кейса. Он наверняка был неизмеримо зол на то, что связался с этим сборищем, и так и не простил Лихтембергского, который присоединился к Алексису Аладьину в уже длинном черном списке лиц, связанных с донскими казаками.

Банкеты, на которых нас дожидались, были для меня уж слишком многочисленными и вынуждали засиживаться допоздна. Спустя неделю на еще одной вечеринке, устроенной Сидориным, часовых расставили даже для того, чтобы очистить улицы в интервале между домом Сидорина и нашим жильем, дабы не допустить насмешек, глумления над нами или приставаний на обратном пути домой.

– Веселитесь, господа офицеры, – радостно произнес он, забавно хихикнув своим особым смешком. –

И ничего не бойтесь. Я расставил солдат по дороге до вашей гостиницы на случай, если к вам кто-то будет приставать на пути домой.

На этой вечеринке я познакомился с вдовой генерала Каледина, который в прошлом году застрелился в атаманском дворце, когда большевики входили в город. Она была прелестна, эта наполовину француженка, и претерпела многое в период, когда ее муж воевал за то, чтобы спасти Дон от красных.

Также я встретил госпожу Сидорину, сибирячку, и полковника Агаева, адъютанта Сидорина, который в силу своей неопределенной верности стал нам известен как Грязный Дик. С ним было очень трудно иметь дело, и он был предан Сидорину, с которым, похоже, разделял сильное недоверие к британцам. Хотя предварительные переговоры, проходившие через переводчиков, велись нерешительно, однако мы каким-то образом выяснили, что наши идеи задели какую-то общую чувствительную струнку. И в конце концов мы стали надежными друзьями, несмотря на то что я на самом деле никогда ему не доверял и что мы никогда не понимали ни слова, если разговаривали друг с другом без переводчика.

К концу мая я стал по-настоящему уставать от вечеринок и празднований. Менялись только гости и окружение, но не эти тосты, этот дикий энтузиазм при возгласе «На Москву!» или количество предлагавшегося питья. И сейчас, когда эти дипломатические увертюры остались позади, мне страстно хотелось сделать что-то реальное.

И вот всю последнюю неделю мая и июнь британские запасы всех видов начали поступать в штаб Донской армии, и были укомплектованы и находились на пути на фронт шесть батарей 18-фунтовых орудий и две батареи гаубиц калибра 4,5. Также были переданы несколько корабельных орудий для использования на баржах с механическим приводом, плавающих по Дону, а другие были установлены на бронепоезда. На фронте также в достаточном количестве появились пушки Викерса и Льюиса вместе с настоящей выставкой мундиров цвета хаки.

В последние недели заметно поднялся боевой дух в войсках. Врангель одержал громкую кавалерийскую победу под Великокняжеской, на железнодорожной линии, ведущей на Царицын, и красные были вновь отброшены на север. Сейчас целью дальнейших операций белых армий были Царицын, Лиски, Харьков и Полтава, и от врага уже были очищены Донбасс и железнодорожная сеть к югу от Харькова. Успешное восстание казаков на северном Дону освободило от советских войск большую территорию вокруг Усть-Медведицкой, а кавалерийский корпус донских казаков Мамонтова прорвался через железнодорожную магистраль Лихая – Царицын и соединился с повстанцами. За ними последовали 1-й и 2-й Донские корпуса, которые очищали местность, вербовали бойцов и продвигались на северо-восток от железной дороги Лихая – Воронеж, стремясь освободить весь район Дона и укрепить железнодорожную трассу от Поворино до Лисок. 3-й Донской корпус, перейдя реку Донец возле Каменской и Луганска, продвигался на одной линии со 2-м корпусом на север от железной дороги. На нашем правом фланге Врангель готовил взятие Царицына, а Май-Маевский с Добровольческой армией крепко держался на нашем левом фланге, подкрепляемый грозным Шкуро с Кавказским кавалерийским корпусом, включавшим и его собственную знаменитую «Волчью стаю».

Невысокий, обветренный, с длинными желтыми усами, Шкуро являлся одной из колоритных фигур Гражданской войны. Никогда не расставался со своей волчьей папашой и красно-сине-белой ленточкой Добровольческой армии на рукаве, и все 300 – 400 кавалеристов его полка носили папахи из волчьей шкуры вместо каракулевых. У них был свой штаб, размещавшийся в их собственной особой коллекции железнодорожных платформ, на которых были нарисованы волчьи стаи, преследующие добычу, и это было особо свирепое и безжалостное сборище горцев, носивших обычно кинжал за поясом, саблю на ремне за спиной, револьвер, когда это возможно, и ряды винтовочных патронов по обе стороны груди. Несомненно, Шкуро был великим кавалерийским командиром, но, как нам говорили, он также был

немного бандитом, и однажды в сопровождении трех или четырех своих офицеров он вошел в бальный зал какой-то большой гостиницы в Ростове, где танцы были в самом разгаре, и попросил всех гостей пожертвовать драгоценности или наличные на поддержание его «волков». Столкнувшись со сверкающими из-под косматого волчьего меха глазами и помня дурную славу «волков», отличившихся жестокими грабежами и отсутствием пощады, никто не стал возражать. И ему достался очень успешный улов.

Но не только на ближнем к нам севере дела шли хорошо. Новости с Сибирского фронта свидетельствовали, что Колчак также сметал все на своем пути в наступлении через Урал, а Уральский казачий корпус, воевавший на восточном берегу Каспийского моря, успешно продвигался ему навстречу.

Казалось, положение для белых стало намного лучше, но при близком изучении ситуации все еще было совершенно очевидно, что так и не была извлечена вся польза из огромного количества военных материалов, которые к тому времени были выгружены в Новороссийске. На железных дорогах царил полнейший беспорядок, потому что, хотя чиновники и оставались нейтральными и не выступали в пользу ни одной из сторон, многие среди рабочих отличались симпатиями к коммунистам и, не колеблясь, вносили, когда можно, свой вклад в неразбериху. Помимо этого, со времени революции на смену старым работникам пришли новички, у которых не было той квалификации, и младший персонал вовсю воровал со складов артиллерийского снаряжения, а чиновники – с железной дороги и полевых складов. Все об этом знали, но мы также понимали, что это невозможно остановить. Как британский офицер, я ничего не мог сделать, кроме как протестовать, когда обсуждалась эта проблема, и ужасно себя чувствовал, когда приходилось встречать людей, лишенных даже самых простых предметов первой необходимости.

Однажды, когда мне пришлось инспектировать парад солдат, уходящих на фронт, я надел свою лучшую униформу, в которую входила и очень симпатичная пара ботинок. Ангус Кемпбелл пришел в ужас.

– Тебе нельзя надевать эти ботинки! – заявил он. – У некоторых из этих бедных дьяволов нет вообще никаких ботинок!

Несмотря на большое количество старого британского обмундирования, начавшего поступать в Южную Россию, все еще удивительно мало его доходило до людей, которые в нем больше всего нуждались. Помимо разворовывания, любовь русских офицеров, ответственных за склады, к заполнению их и поддержанию их полными, не имела пределов, а водонепроницаемые отсеки, в которых работали все отделы их штаба, привели к огромному скоплению запасных частей к артиллерии, мундиров и госпитального оборудования в Новочеркасске, Екатеринодаре, Ростове и Новороссийске. Никто вообще не давал распоряжений о распределении этих материалов, и, помимо всего этого, политика британской миссии была ошибочной в том смысле, что как только материалы выгружались в Новороссийске, они становились собственностью русских, которые могли с ними обращаться и распределять так, как им пожелается. Помощь британских офицеров оказывалась лишь тогда, когда о ней просили, а это случалось не так часто. Мы не имели полномочий вмешиваться в существовавшую ужасающую неразбериху, даже если видели, что наше оборудование гниет на торговых причалах или расточительно используется неопытными и никогда не проявлявшими избыток энергии русскими офицерами на базах.

Однако вовсе нельзя сказать, что было чересчур много британских офицеров, чтоб можно было добиться большого прогресса в этом деле, и любая попытка со стороны отдельных лиц занять твердую позицию или поехать на фронт, чтобы изучить условия на месте, сурово подавлялась штабом британской миссии, а политика мастерской бездеятельности, царившей в Екатеринодаре, где находился штаб, никогда не походила на ту, которая бы отвечала ситуации. Однако сама эта политика рекомендовалась и российскому Верховному командованию, потому что оно преимущественно состояло из бывших офицеров императорской армии, воспитанных в духе старой русской школы, и такая политика не требовала большого личного контроля со стороны офицеров высокого ранга, а по данной проблеме любого ранга вообще.

Таким образом, то, что британским офицерам виделось как отсутствие инициативы, многими старшими российскими офицерами, чьи личности сами по себе делали их популярными у Деникина и его штаба, рассматривалось как совершенно правильное поведение – и к тому же весьма похвальное !

Однако, отдавая им справедливость, наши русские друзья были крепко биты немцами на большинстве фронтов, утратили всю свою собственность, многие связи и большую часть своей страны, а также еле уцелели сами в одной из самых кровавых революций в истории. Они были плохо оснащены; им платили столько, что хватало лишь на то, чтобы не протянуть ноги, и их бессистемно распределяли со всевозможными типами войск – в основном с дезертирами из Красной армии, – чья верность ни в коей мере не была гарантирована. У них не было достойного железнодорожного сообщения, а была лишь такая телеграфная и телефонная связь, какую можно было приспособить к существующим условиям. У них не было никакой надежды на успешное ведение дел, поскольку не было сильного руководства.

Кто руководил их действиями, я не знаю, но точно знаю, что отсутствие четкой политики и британский девиз «Пусть Россия сама решит проблему своего спасения!», который выполнялся до последней буквы закона, разрушили почти все ранним летом 1919 г.

Хотя в то время красные отходили на север, события необратимо становились все тревожнее для британского престижа, когда произошли неожиданные перемены в штабе миссии, и генерал Бриггс, который испрашивал разрешения отбыть на родину, был заменен генерал-майором Холманом. Являясь адъютантом и генерал-квартирмейстером 4-й британской армии во Франции, Холман был известен как человек, хорошо знающий русский язык и очень симпатизирующий этой стране, и мы вдруг стали надеяться на большие дела.

В мае я отправился на поезде с целью инспекции оснащения батареи гаубиц калибра 4,5. Посреди степи паровоз – некая старая модель дымовой трубы с шестифутовым ведром – сломался, и нам пришлось встать там, откуда во все стороны ни души на несколько миль. После стука колес тишина казалась зловещей, а степь вокруг железнодорожной колеи выглядела пустынной, безжизненной и гнетущей. За всю поездку мы почти не видели признаков жизни за пределами мрачных, окрашенных в коричневый цвет деревень с их деревянными, крытыми соломой домами, и пустота степи казалась жуткой.

– Что случилось? – кто-то спросил.

– Паровоз отдал богу душу, – был ответ.

Князь Лихтембергский, ехавший с нами в качестве переводчика, решил, что причина в отсутствии топлива, и изо всех сил пытался убедить машиниста заправить его дровами из груды, лежавшей позади окопов. Однако эту битву он проиграл и в конце концов вернулся и радостно доложил, что паровоз отказывается реагировать на любой вид топлива.

– Теперь поезд полностью вышел из строя, – весело сообщил он, – так что нам надо дожидаться другого.

Так как мы знали, что кавалерийские разъезды коммунистов прорывались по соседству и пытались уничтожить наши пехотные части, это предложение было малопривлекательным.

Мы пристально всматривались в голую степь. Не было ничего видно, кроме травы и цветов да редких куропаток, и ничего не слышно, кроме шума медленно выходящего пара на фоне пения жаворонков.

Наконец кто-то ухитрился с помощью угроз заставить заняться ремонтом паровозную команду, которая предпочитала всплескивать руками да винить во всем кого угодно, кроме себя, и нам удалось вновь двинуться в путь. Я совсем не жалел, что мы добрались до цели нашего путешествия.

Я часто обращался к Кейсу за советом и информацией. Он жил в очень симпатичной квартире в Ростове недалеко от реки, и его помощниками были капитан Уокер из Бейсуотера (район в западном Лондоне) и капитан Иваненко, русский кавалерийский офицер с международной репутацией отличного наездника, а его конторскую работу вела княгиня Кантакузина, которая, помимо того, что обладала красивой внешностью, говорила на удивительно хорошем английском и организовала свою работу с огромным искусством. Квартира ее стала местом отдыха для любого британского офицера, задержавшегося на ночь в Ростове, и ее гостеприимство вошло в поговорку.

В противоположность большинству из того, что я видел в британской миссии, Кейс был в основном человеком действия, и в июне его назначили политическим представителем британского правительства в Ростове, это означало, что он делал все, ездил везде и выполнял обязанности офицера связи всех видов. Больше всего он был занят организацией и руководством отдела разведки, который пытался воевать с искусной пропагандой, которую вели в городе многочисленные германские и большевистские агенты.

Я часто подозревал графа дю Чайла и Алексиса Аладьина в прогерманских симпатиях и даже какое-то время полагал, что дю Чайла – германский агент.

Их наверняка было полным-полно вокруг, потому что борьба донских казаков против большевиков всегда поддерживалась иностранной помощью, которая вначале шла от немцев либо напрямую через оккупационные войска, либо через украинцев, которые получали ее из того же источника. Даже сама Донская армия была организована по немецкой системе и определенно испытывала большое восхищение перед немецкой деловитостью. Многие из германских офицеров, находившихся в оккупационных войсках в Новочеркасске и Ростове, фактически не жалели ни денег, ни хлопот, чтобы снискать расположение всех слоев населения, они взяли на себя руководство железной дорогой и телеграфными системами и внесли в них большую, чем когда-либо, эффективность. С большевиками они поступали сурово и решительно.

Вдобавок к этому Россия всегда весьма обожала германское искусство и немецкую систему образования. Эти две нации в большой степени смешались путем брака в силу своего географического положения, а многие величайшие российские правители, включая саму Екатерину Великую, имели более немецкой крови, нежели русской. Несмотря на то что шла Первая мировая война, повсюду в России существовала сильная прогерманская партия, а Екатерина привезла в страну миллион с четвертью чистокровных германских колонистов, чтобы они дали пример опрятности, экономности и производительности в сельском хозяйстве. Как этническая общность, эти немцы всю войну были ультраояльны России, но индивидуально многие из них являлись, прежде всего, немцами, и Отечество всегда занимало в их сердцах самое главное место. Они составляли ту почву, которая не могла быть невостробованной для старательного сеятеля.

Грузия, Батум и Константинополь все еще были полны немецких военнопленных, и толпы симпатизирующих граждан были готовы продолжать пропагандистскую работу за нее, так что хотя сама Германия никоим образом не могла воспользоваться каким-либо каналом колониального расширения, который мог бы открыться, она все егце не давала другим заниматься этим. Поэтому любого мятежника на Ближнем Востоке подстрекали к разжиганию гражданских войн и местных бунтов в надежде, что основные противники будут все ослабевать, в то время как Франция, Великобритания и Италия, которых высочайшая дипломатия с трудом удерживала в едином фронте во время мировой войны, постепенно станут враждебны друг другу.

Мы знали, что германские агенты эксплуатировали прогерманские симпатии среди белых русских офицеров, объясняемые рождением или воспитанием; и их подозрительность к британцам, к донским казакам, к генералу Петру Врангелю, который был немецкого происхождения, и ко многим офицерам

старого режима, воевавшим под его началом в Кавказской армии, многие из которых считали Деникина уж слишком демократичным, и к Грузии, чьи мечты о независимости распространялись бывшими немецкими военнопленными с целью подстрекательства народа как против британцев, так и против Деникина. Помимо этого, нам приходилось соперничать с германскими инструкторами при большевистских армиях, бороться с присутствием немецкого персонала, воюющего на стороне украинцев как против Деникина, так и против большевиков; воевать с немецкой помощью Нестору Махно, который руководил бандами мятежных крестьян в районе Екатеринослава; а также против присутствия, по слухам, в Ростове Кохенгаузена – бывшего начальника германской секретной полиции, который ускользал от всех наших попыток призвать его к ответу.

В штабе Донской армии существовали мощные скрытые пронемецкие симпатии и творились жуткие интриги; и никогда нельзя было различить, кто во что верил по-настоящему. Разветвления южнорусской политики постоянно портили все, что мы пытались предпринять, и я в конце концов пришел к выводу, что главным фактором в этом конкретном типе помех был улыбающийся и любезный глава политического отдела, мой друг граф дю Чайла. От его постоянных уверений в преданности Англии и неутомимых усилий помочь мне, а также непрерывного слежения за моими делами, обычно завершавшегося вмешательством в мою работу, мною скоро овладели сильные подозрения.

В конечном итоге, хоть мне и понадобилось немалое время, чтобы убедиться в этом, я решил, что он скорее был себе на уме, чем пронемецкой личностью по сентиментам, и понял, что обстановка в России была невероятно подходящей для политических авантюристов этого типа. Он душой и сердцем ринулся в разжигание духа недовольства, тем самым с благими намерениями навешивая на себя ярлык демократичного донского казака, надеющегося на окончательную автономию своей страны.

С самого начала Кейс испытывал к нему сильную неприязнь, но дю Чайла так крепко держался за свой пост при Сидорине и Хислове (причем последний был особо известен своими донскими сепаратистскими привязанностями), что две попытки подряд, предпринятые штабом британской миссии, причем одна – напрямую самим Кейсом, – не помогли убрать этого человека или даже урезать его активность. Конечно, благодаря дружбе с Сидориным он был в хороших отношениях с Лэмкирком, этим «частично русским» британским офицером, который с большим успехом руководил пулеметной школой в Новочеркасске, и это сочетание недружественного духа, хотя внешне они были самыми преданными друзьями, было для меня источником постоянного раздражения. Конечно, Лэмкирк не был связан с дю Чайла политическими устремлениями, но был в более дружеских отношениях с этой небольшой группой русских, чем со своими братьями офицерами, и эта ситуация в конце июня стала настолько острой, что Кейс вообще запретил мне встречаться с дю Чайла.

Тем не менее как-то днем я увидел его возле гостиницы «Центральная». Он явно здорово набрался, и, несмотря на полученный мной приказ, я подумал, что он будет чуть более разговорчив. Я пригласил его распить со мной бутылку вина в моем номере, и, как я и ожидал, он в конце концов разболтался и сообщил мне, кто на чьей стороне, кому следует доверять, а кому – нет, насколько тесно Сидорин сотрудничает с немцами и как сильно все еще их влияние на него – то есть нечто вроде дипломатических сплетен, которые я мог отложить для дальнейшего использования. Кроме того, мне показались весьма полезными некоторые из его намеков об офицерах британской миссии, которые начали возражать против позитивных приемов, использовавшихся мною при работе с казаками.

Наконец, он поклялся в своей вечной дружбе и стал умолять меня пообедать с ним на следующий день, поскольку это были его именины и он намеревался устроить небольшое торжество.

Я прибыл к нему в 8 часов вечера. К своему удивлению, я оказался единственным английским офицером, и во мне тут же стало расти слабое подозрение. Было выпито изрядно вина, причем дю Чайла

превосходил своих гостей. Среди них был Абрамов – переводчик, умный человек небольшого роста, но без каких-либо военных достоинств. Как и большинство гостей, он работал в канцелярии дю Чайла и не имел отношения к семье банкиров Абрамовых или к генералу Абрамову – командиру 1-й гвардейской дивизии, которого я встретил позднее.

Его присутствие у меня вызвало еще большие подозрения в отношении этого сборища, и я не особенно удивился, когда в ходе вечера вспыхнула ссора и последовал обмен безобразными словами. Абрамов и дю Чайла перешли к обмену колкостями, и, когда Абрамов попытался уйти, за ним на улицу вышел и дю Чайла.

Без раздумий я последовал за ними с еще одним из гостей, чтобы попытаться разнять их, и мы увидели их в темноте под деревьями, в неосвещенном месте, ожесточенно спорящими. Дю Чайла был весьма возбужден и что-то кричал, а когда я подходил к ним, он вскинул руку, в которой, как я заметил, был револьвер. Прозвучал выстрел, и пуля пролетела над моей головой ближе, чем мне хотелось бы. Когда мы схватили его за руку, Абрамов убежал во тьму, пронзительно визжа от страха, а дю Чайла стряхнул нас с себя, весь пылая от возмущения и бешенства.

– Я буду драться на дуэли с Абрамовым, либо с вами, либо с кем угодно! – заорал он.

Похоже, он всей душой желал всадить в меня пулю, и вдруг до меня дошло, что все это дело было заранее подстроено, чтобы втянуть меня в скандал, в результате которого меня бы выслали из группы Донской армии. Если б меня не было, дю Чайла удалось бы заменить меня кем-нибудь более покладистым и не вмешивающимся в его обструкционную деятельность.

События занятого и интересного вечера, хотя и слегка омраченного моими подозрениями и явной неприязнью, все время проблескивавшей между дю Чайла и Абрамовым, вдруг приняли угрожающий оборот.

– Вы бы лучше уехали, – посоветовал мне один из офицеров, пока дю Чайла все еще вставал на дыбы под деревьями с откровенно враждебным видом. – Будут неприятности, и вам лучше не касаться их.

Я понял намек и исчез, а когда на следующий день заявил официальный протест Сидорину и атаману, то последний принес свои извинения, но Сидорин проявил почти полное безразличие. Довольно забавно, что через два дня из британской миссии пришла официальная просьба (уверен, что исходила она из канцелярии Кейса) снять дю Чайла с занимаемой должности в донском штабе. Естественно, безрезультатно.

Примерно в то же время до меня стали доходить слухи, что наше снаряжение вызывает у русских недовольство, а Норман Лак заявил, что за этим стоит дю Чайла.

Поскольку какая-то часть прибывшего военного оборудования – кроме того, что было разворовано по пути, – ранее использовалась в Салониках или Египте, он распространял дикие бредни о «коварных британцах», обменивающих бесполезные и изношенные войной военные запасы на нефтяные и угольные концессии и зерно, которые будут наносить новой России ущерб еще многие годы. Кроме того, нас обвиняли в создании умышленных препятствий для их артиллерийских офицеров, мешая перебрасывать их батареи на фронт. Это не вызывало никаких сомнений, потому что я просил, как минимум, две недели батарейного инструктажа, который заканчивался бы двумя днями учебной стрельбы под наблюдением смешанной комиссии из британских и русских инструкторов. Конечно, мне было в этом отказано на том основании, что пушки надо немедленно отправлять на фронт, но день шел за днем, батареи оставались то по одной пустяковой причине, то по другой, время терялось на тыловых железнодорожных станциях, и при этом обучению уделялось слишком мало времени.

Частично это происходило по вине российских офицеров. Некоторые из них были просто

недостаточно подготовлены, но многие – в мундирах из британского хаки, сшитых по индивидуальному заказу, – не имели никакого желания отправляться на фронт и, одним глазом косясь назад на случай бегства, отыскивали любой предлог, который мог бы задержать их отбытие.

Поэтому я, горя желанием покончить с этими историями о британском безразличии и неумелом руководстве, отправился к Сидорину и потребовал устроить парад батарей, вооруженных Британией.

– Мы должны показать населению, что уже сделано! – настаивал я.

Сидорин кивал.

– Хороший план, – согласился он. – Я устрою так, чтобы атаман провел смотр двух Богучарских батарей, а архиепископ благословит их на Соборной площади перед отбытием на фронт.

Смотр состоялся перед огромной толпой, и бородатые священники в длинных платьях, с курчавыми волосами, вьющимися до плеч, благословили войска. Эти батареи с британскими орудиями, упряжью и мундирами имели хороший вид, и мы старались изо всех сил, чтобы экипировка была более или менее исправная.

Парад был устроен возле Новочеркасского собора, и демонстрировались бунчуки, полковые штандарты, столь дорогие казакам. Шеренги солдат растянулись от одного конца огромной площади до другого, где посредине был воздвигнут алтарь перед памятником Ермаку, а священники в сверкающих одеждах и окруженные ассистентами выполняли службу под звон колоколов, который устроил Лихтенбергский с восхитительной четкостью. Торжественность службы усиливалась не только распятиями, но и великолепными басами хора в григорианских хоралах и поразительными дискантами в финалах.

Епископ размахивал своим венчиком, чтобы разбрызгать святую воду на головы коней, а над ним Ермак своими железными глазами взирал со своего постамент на то, как в спокойный воздух возносились религиозные песнопения. За благодарственным молебном последовало представление флагов, и, когда флаги переходили из рук в руки, офицеры принимали их, преклонившись на одно колено и склонив голову. Потом опять были громкие молитвы и хоровое пение, было вылито много святой воды на поднимающийся синий дым из раскачивающихся кадил, а затем воинские части промаршировали мимо торжественного помоста твердым, решительным шагом. Переходя на легкий галоп, казаки затыгивали песню, а офицеры, находясь впереди, дирижировали своими нагайками.

Церемония была впечатляющей и, казалось, говорила о мощи и стабильности. Однако, как я понял, она таковой не была, и это фактически был последний стабильный период, который мне было суждено пережить в России. Когда война стала близиться к кульминации, мне пришлось преодолеть на коне, на машине, на поезде и даже по воздуху сотни миль, и, начиная с того момента и до отъезда из России, я редко знал заранее, где мне придется спать следующую ночь.

Глава 5

Все это время мне отчаянно хотелось попасть на фронт в воюющие части, чтобы увидеть, как ведут себя в бою батареи, персонал которых мы обучали.

Однако парад имел большой успех, и, когда атаман Богаевский пригласил меня после этого на чай, даже дню Чайла подошел с ухмылкой, с лукавым выражением лица.

– Мой командир, – прошептал он, – сегодня ваш триумф, постановка была великолепна.

Я с удовольствием удалился от него и отправился к своим друзьям Абрамовым, Рештовским и Смагиным, которые взяли меня с собой в госпиталь, где руководителем была дочь атамана, графиня Келлер. Граф Келлер погиб под Киевом в результате террористического акта.

Я пообедал с докторами, выпил чаю – по русской моде в стаканах из огромного самовара – с пациентами, которым смог раздать тысячу сигарет. Среди них были генерал, полковник, который пел казацкие баллады под гитару, рядовой солдат всего лишь четырнадцати лет, но уже трижды раненный, и два калмыка – солдаты, которые практически выглядели китайцами. Офицеры и солдаты находились в одной и той же комнате, всего их было 42 человека, а всем распоряжались лишь две девушки да несколько пленных большевиков.

Для нас спели и сыграли два выздоравливающих офицера, а раненые устроили концерт, в который входил народный танец, исполненный калмыцким вестовым. Дочь атамана разумно вела госпитальное хозяйство, и ее пациенты были преданы ей и помогавшим ей двум сестрам. Им, однако, отчаянно не хватало лекарств и бинтов, и этот факт только заставлял меня все сильнее рваться на фронт.

На обратном пути я хранил молчание, и, когда Алекс стал меня обо всем расспрашивать, Муся мягко его поругала.

– Ему всегда больно видеть, как отчаянно мы нуждаемся в помощи, – произнесла она.

Она какое-то время поговорила об условиях в госпиталях на Востоке во время Русско-японской войны, и я понял, что, какую бы помощь ни оказывать, все равно русское отсутствие порядка никогда не позволит максимально ее использовать. Даже в ту войну они не были готовы и потерпели поражение из-за того же отсутствия руководства и из-за коррупции, которая разрушала все, что они сейчас предпринимали. Эгоистичность и безразличие офицеров, которые вошли в поговорку и всегда являлись частью старой имперской системы, никогда не обеспечивали даже лучшим из них непоколебимую верность их солдат, многие из которых стали бы отличными солдатами, если бы имели хороших офицеров.

Эти солдаты были терпеливыми, добродушными и трудолюбивыми, но их совершенно презирали офицеры и отвратительно с ними обращались. Надо было приложить очень много усилий, чтобы привести их в уныние, но офицеры обескураживали своих солдат, и те постоянно дезертировали поодиночке, по двое и группами; а иногда даже, когда в атаку гнали штабные офицеры на взбудораженных лошадях, солдаты просто поднимались всей толпой, убивали своих офицеров и переходили на сторону врага.

Командование на всех уровнях было действительно жутким, и при плохих примерах, подаваемых своими офицерами, солдаты не имели смелости воевать с соотечественниками. Тех, кто не дезертировал, часто отправляли из окопов домой после причинения ранений самим себе. Если солдата ловили после дезертирства, его обычно расстреливали, и я слышал даже о практике награждения за арест дезертира, живого или мертвого. Это лишь поощряло убийство, потому что по темным закоулкам убивали подряд тех, кто был одет в потрепанный мундир, и тащили к властям за наградой. Все, что делалось в отношении дезертиров, побуждало их исчезать в еще больших количествах ради собственной безопасности.

Что касается командиров, их решения всегда были неверными. С самого начала государственные деятели – как русские, так и союзные – делали ложные предположения. Если бы союзники были искренни в отношении своего антикоммунизма и послали бы достаточное количество войск на раннем этапе, они могли бы войти в Москву, потому что в то время красные были так же деморализованы, как и белые, и с помощью нескольких испытанных в боях полков можно было пронзить оборону, как ножом – масло. Но государственные деятели пытались сохранить присутствие нейтралитета по отношению к остальному миру, и все делалось наполовину или не делалось вообще.

Вдобавок к этому колоссальные финансовые проблемы белых властей никогда не уменьшались, так что напечатанные бумажные деньги хотя и приятно выглядели, да и ободряюще похрустывали, девальвировались так стремительно, что ходила поговорка, что Деникину не хватает сил, чтобы крутить ручку печатного станка с достаточной скоростью. Наконец, его командиры редко проявляли большое воображение. Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо ленью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными.

Мы все знали, что помещения в поездах, которые должны быть отведены раненым, иногда были заняты женщинами, не имевшими на это права, жившими в сравнительной роскоши под чьей-то генеральской протекцией, а в это время раненые солдаты тащились пешком. Целые поезда были заняты влиятельными офицерами, которым полагалось быть рядом со своими солдатами, а в это время больным и раненым офицерам в госпиталях отказывали в месте, а иногда и вообще бросали на растерзание наступающим красным. Один французский генерал назвал эти поезда «борделями на колесах».

Я хорошо знал обо всей этой коррупции и лени и о том, как возникали шутки.

– Как, по твоему мнению, подруга генерала Асникова будет выглядеть в этом платье, присланном для медсестер Красного Креста? – услышал я, например, а мы все знали, что она, как и многие другие, медсестрой не была вообще и только пользовалась этой одеждой, чтобы оставаться с генералом в его штабе. Тем не менее я придерживался той линии поведения, что хуже всего критиковать людей, которым пришлось пережить столько бед, и мне удавалось не замечать некоторых наихудших излишеств. Фактически я просто не хотел их видеть. Я уже сильно привязался к донским казакам и предпочитал ничего плохого не замечать. А так как многие британские офицеры, делавшие эти замечания, были весьма на короткой ноге с виски, я понимал, что у нас нет права проявлять сарказм по отношению к тем, кто перенес страданий больше, чем мы могли себе представить.

Мои письма домой, возможно, надоедали до слез всем, кто их читал. Наверно, там думали, что я утратил все свое чувство меры, но меня глубоко задевали страдания русских, и я постоянно писал матери, обращаясь с просьбами помочь устроиться беженцам либо попытаться уговорить британских политиков делать больше для России.

И все же с ужасом я осознавал, что мало делаю для этой помощи, и постоянно требовал разрешения отправиться на фронт. Наибольшее, что я сделал, – это инспекция оснащенных британскими орудиями британских батарей Донской партизанской дивизии Семилытова, но даже это не имело большого успеха. Мне полагалось отправиться на специальном поезде, но благодаря одному из триумфов дю Чайла в области дезорганизации я очутился в кишасе клопами вагоне третьего класса в воинском эшелоне. Даже официальные обеды, которые мне пришлось посещать, не всегда обходились без накладок. На одном из них какой-то русский офицер, которого я был вынужден взять с собой в качестве переводчика вместо Кемпбелла, счел необходимым трижды упасть в обморок, причем не от водки, как можно было бы

ожидать, а, предположительно, от жары в сочетании с некоторыми эмоциями, возбуждаемыми осознанием важности происходящего. И не было ни одной души вокруг, кто бы мог говорить по-английски. Да, был еще один человек, который говорил по-французски так же, как и я сам.

Я был в подавленном состоянии и крайне огорчен качествами некоторых офицеров, бывших под моим командованием, знал о некотором недовольстве мной, потому что им больше нравился прежний беззаботный стиль работы. Я даже начал чувствовать, что миссии все более надоедают мой энтузиазм, и когда я, наконец, получил приглашение от атамана отправиться с ним на фронт, пришел в восторг при мысли об отъезде. Однако, обратившись в штаб со своей просьбой, я получил отказ, но в конце концов Кейс уступил и выдвинул такое предложение.

– Я тебя сам возьму с собой, – сказал он, и, не испросив разрешения, мы поехали в штаб 3-го Донского корпуса в Луганске.

Лишь только мы отъехали, Кейс был срочно отозван назад панической депешей об интриге в Ростове, которая началась сразу после его отъезда и с которой справиться мог только он, так что на обратном пути он остановился в Новочеркасске и попросил Сидорина, который сам был должен поехать в войска на фронте, взять меня с собой.

Мне сказали, чтобы я был готов к немедленному отъезду поездом главкомандующего вместе с Катбертом Харгривсом, моим старым довоенным другом, и переводчиком.

Ангус Кемпбелл чувствовал себя неважно, а Лака не было на месте, поэтому стали спешно разыскивать Лихтембергского. Соборные колокола звонили, и я только успел подумать, что жаль, что нет времени позвать его, как тут появился сам Лихтембергский и сообщил, что Сидорин попросил его ехать со мной. Я не особенно жаждал брать Лихтембергского, поскольку он был закадычным другом Сидорина, но, похоже, у меня выбора не было, и я бросился укладывать чемодан.

– В штабе миссии не будут сожалеть о моем отъезде, – заявил я Харгривсу, когда мы садились в ожидавшую нас машину. – Там меня не очень любят, а так как по возвращении меня уволят, надо по возможности насладиться.

Мы с грохотом пронеслись по улицам к вокзалу, где нас встретил полковник Агаев, адъютант Сидорина, и меня провели в купе на спецпоезде, состоявшем из вагон-салона с кухней и открытой платформы в хвосте поезда, а также из четырех или пяти пассажирских вагонов, а еще был прицеплен один спальный вагон. Также были платформы для автомобиля Сидорина и другого транспорта и места для лошадей и русских конюхов и вестовых.

Поезд отошел ночью, и на следующее утро мы уже проезжали железнодорожный узел Лихая и быстро неслись по голой степи на восток к месту, где мы были должны, преодолев это пространство, прибыть в штаб 1-го Донского корпуса, в то время удерживавшего фронт справа от линии соприкосновения с врангелевской Кавказской армией, которая воевала на Волжском фронте. С нами на поезде были две автомашины, а также лошади для каждого из нас и казачьего эскорта. Замечу, что все казаки были выше 180 сантиметров ростом и возвышались на жилистых лошадаках.

На станцию Суровикино мы приехали вечером. Как только остановились за городом в ожидании, когда освободится путь, босоногие девчонки, собиравшие подсолнечник, прекратили работу и стали наблюдать за нами, а возле вагона появились торговцы огромными зелеными арбузами, в чьей вкусной розовой плоти чересчур часто таились бактерии холеры. На мелких участках почвы вокруг деревенских фруктовых садов трудились бородатые казаки, но обжигающий ветер иссушал землю. Трава была сморщенная, желтого цвета, а на дороге вдоль железнодорожного пути были огромные трещины поперек высохшей колеи, которые тянулись вдаль, в холмистую степь, в которой не было ничего, кроме рыжеватого

коричневой травы да березовых рощ и ольхи.

После ряда толчков мы вновь двинулись в путь, и поезд в конце концов подъехал к станции между жуткими зданиями и бессистемно разбросанными домами бедной части городского населения. И тут же он попал в осаду людей, рвавшихся почистить вам обувь, перенести багаж или продать что-нибудь из еды. Один-два солдата прыгнули на платформу, чтобы поразмять ноги, но Сидорин был намерен отъехать, как только будут готовы автомобили, и мы уселись в машины, а прислугу и большую часть багажа поместили в два грузовика. Однако я настоял на том, чтобы мою жестяную ванну, в которую я положил свои туалетные принадлежности, накрыли брезентом, и это оказалось мудрым решением, потому что в течение всей поездки грузовики редко были ближе к нам, чем в трех днях пути, и на обратном пути мой чемодан исчез на целых три недели. В «паккарде» поехали генералы Сидорин и Алферов, полковник Агаев и я, а в «фиате» – генерал Семилятов, капитан Дудаков, Лэмкирк и Харгривс.

Вечер был изумительным, когда мы углубились в степь. Слева от нас садилось солнце, и поднимался густой туман, отчего трава поблескивала от влаги. Мы не пользовались никакими картами, и шофер, похоже, вел машину наобум по ухабистой колее под пустынным небом. Часто не было дороги вообще, и колеса машины будоражили аромат дикого чабреца, так что он окутывал нас, подымаясь вверх. Скорый обмен мнениями и ожесточенная жестикуляция от машины к машине убедили меня, что никто не знает дороги, и мы совершили несколько неудачных крюков, пытаясь отыскать ее. Однажды даже, казалось совсем заблудившись, мы попытались поговорить с отдельными дикими калмыцкими пастухами, но они убежали от нас, опасаясь, что мы – большевистские броневики или – что также неприятно – агенты-вербовщики белых.

«Фиат» и грузовик остались далеко позади. Огни загорались и гасли, и короткая летняя ночь подходила к концу. Наконец на вершине одной из возвышенностей мы увидели слепящий свет двух фар машины, посланной нам навстречу из штаба 1-го корпуса из Усть-Медведицкой, а когда мы последовали за ней на вершину холма, справа и слева, насколько мог видеть глаз, я различил реку Дон, вьющуюся до самого горизонта через широкую волнистую степь.

В два раза шире Темзы у Лондона, река лежала, сверкая в первых лучах яркого летнего рассвета. Сразу же под нами располагалась станица Усть-Медведицкая, самое сердце донского казачества – «станция станиц» с большими церквями, чьи купола маячили высоко над крепкими деревянными, с плоскими крышами, одноэтажными домами, из которых она в основном и состояла. Пока мы обменивались приветствиями со штабным офицером, солнце само появилось в том самом месте, где река сходится с горизонтом, и длинные малиновые всплески осветили серебро воды и набросили розовый оттенок на просторный пустынный ландшафт. Мне показалось, что это красивейшее место, которое я видел в своей жизни, и даже Индия никогда не производила на меня такого впечатления.

Вместе с этим впечатлением возникло ощущение, что здесь как раз имеется обстановка для приключения, куда более значительного, чем то, что было в переполненной солдатами окопной войне на Западном фронте, куда более волнующего, чем охота на дичь на равнинах Индии или в горах Кашмира. Тут я был один посреди этих загадочных степей, связанных со всеми типами русских людей, – это не сверхцивилизованный продукт, встречавшийся в больших столицах Европы и на Ривьере перед войной, а настоящие честные перед богом русские, реагирующие на воздействие природы на их жизнь так, что при этом в высшей степени ясно и отчетливо обнажаются их народные качества. Здесь мне повстречались все слои общества: генералы и младшие офицеры, попы и простые казаки, придворные дамы умершего царя и заурядные деревенские девушки, ухаживающие за ранеными в госпиталях; пленные большевики, большевистские дезертиры; монархисты, побывавшие в плену у большевиков и бежавшие оттуда; родственники жертв большевистской резни и люди, готовые в любую минуту опять резать и

присоединиться к большевикам, если при этом их перспективы улучшатся. Все они прошли через условия и явления, которые мне представлялись ужасающими даже после Франции, и в некоторой степени все были немного деморализованы. Но все они жаждали некоей свободы, которой в России лишь немногие личности имели шанс насладиться; и я, молодой, неопытный офицер, был чуть ли не один среди них и благодаря униформе, которую носил, имел право на их уважение, как представитель моей страны.

Мы не стали дожидаться приезда остальных машин и поехали вниз в городок. Вдалеке были видны фары «фиата», но на грузовики мы не надеялись. По приезде на место нашего размещения я получил симпатичную комнату в доме средних размеров, где был и неплохой сад. Вся мебель была из дерева, грубо обточена и выкрашена в яркие синие, красные и зеленые тона, и в углах, на стенах и над большой пузатой печью стояли и висели неизбежные иконы, бывшие неотъемлемой частью русских домов. Я надеялся было прилечь и поспать, как появился посланец от Агаева.

– Господина офицера, – сообщил он, – просят приготовиться к ужину!

А времени было примерно 4 часа утра.

Еда состояла из икры, водки – естественно! – и стерляди, бескостной рыбы, характерной для Дона. Угощение завершала куча земляники в сливках. Наша хозяйка приветствовала нас в типичной русской манере, хотя сама только что оправилась от тифа, и волосы ее все еще были короткими, как у мальчишки. На ней было простое платье казачки-селянки, и она ежедневно работала медсестрой в местном госпитале для больных тифом. Очевидно, она заметила, что я здорово устал, а поэтому поделилась своим наблюдением с Сидориным, который, похоже, приготовился надолго засесть за стол. В конце концов она подошла ко мне и сказала, используя для этого все свои знания английского языка:

– Английский офицер устал?

Она сделала мне знак идти следом за ней в мою комнату, положила руки себе под щеку, как ребенок, укладывающийся спать, и произнесла:

– Спи, спи.

И я уснул!

Меня не разбудило и прибытие Харгривса с грузовиком, и только примерно в 9 часов утра вместе с солнечными лучами, вливавшимися в комнату сквозь окна, я услышал медный нестройный перезвон колоколов церкви над полусонной деревней. Все было окутано зноем и тишиной, а также шарканьем подошв, поднимающих пыль. Когда я выбрался из постели, ко мне подошел русский офицер и предупредил меня о том, чтоб через полчаса я был готов к параду. Ко времени, когда мы оделись, солнце палило вовсю, и я очень обрадовался индийскому пробковому шлему, который я захватил с собой. Отвечавший за нашу группу Агаев повел нас в город вслед за Сидориным и другими генералами.

В отсутствие генерала Мамонтова, находившегося на фронте, штаб 1-го Донского корпуса представлял генерал Алексеев, его начальник штаба. Нас также сопровождали атаман Усть-Медведицкой и два члена Донского круга от этого района – оба до мозга костей казаки. Они оба играли ведущую роль в антибольшевистском восстании, в результате которого район был очищен от красных, и мало-помалу я разузнал, как это происходило, от них и их товарищей.

В первые месяцы оккупации района режим большевистских комиссаров с его жестокостью и беспределом и непрерывные конфискации у крестьян зерна, скота и лошадей довели казаков чуть ли не до отчаяния. Скоро они раскаялись в том, что бездумно поддались большевистской пропаганде, прекратив свою борьбу за свободу, но небольшие мятежи и акты неповиновения были немедленно подавлены с

исключительной жестокостью. Повсеместно применялись пытки. Мужчины и женщины подвергались так называемому «снятию перчаток и чулок» – их руки погружали в кипящую воду, и кожа слезала полностью – или их обжигали каленым металлом, избивали или хлестали по лицу казачьей нагайкой. Убийство было заурядным делом.

Тем не менее казачий дух пробуждался, и после нескольких месяцев тайной подготовки в нескольких станицах одновременно вспыхнуло восстание. Усть-Медведицкая находилась в центре этого очага, и здесь, как и во многих окрестных станицах, перебили комиссаров, а многие большевистские солдаты примкнули к мятежникам, которые в итоге собрали армию из 3000 человек с двумя или тремя пулеметами.

Ими командовал бывший унтер-офицер императорской армии по имени Отланов – прекрасный воин и организатор, и они не только отразили все атаки большевиков, но и выбили их из непрерывно расширявшегося района на верхнем Дону. Из каждой освобождаемой станицы прибывало все больше и больше казаков, чтобы пополнить ряды отлановских войск, а в середине июня 1-й Донской корпус Мамонтова прорвал кольцо большевистских войск, разъединявших восставших с основной Донской армией, и соединился с повстанцами. Это совпало с переправой 2-м и 3-м Донскими корпусами реки Донец у Каменской и Луганска, и когда мы прибыли в Усть-Медведицкую, фронт все еще продвигался вперед примерно в 60 милях к северу от нас.

Эти войска состояли из прекрасных, похожих на солдат людей, одетых в серо-зеленые рубашки, синие или зеленые брюки с широкими красными лампасами, и с типичным казачьим чубом, свисающим из-под фуражки, которую все казаки носили щегольски, набекрень. Молодые казаки очень гордились своими чубами, и если вдруг в конце дня казачок вынимал расческу и принимался расчесывать свой чуб, это всегда значило, что у него свидание со станичной девушкой.

Нашей первой обязанностью тем утром был осмотр двух сотен этих бойцов, которым были выданы британские мундиры хаки. Казаки в них выглядели очень неплохо, но предпочитали носить казачьи фуражки, чтобы сохранить свою индивидуальность. Сидорин обратился к ним с речью, а потом попросил меня сказать несколько слов, что мне удалось сделать с помощью Лэмкирка. Очень плохо, что тот был единственным имевшимся в наличии переводчиком, и все, что он делал, выполнялось с угрюмым и недовольным видом, и хотя я изо всех сил старался не замечать его враждебности и обращался к нему за помощью только в крайних случаях, он взял себе за правило создавать максимальные проблемы в течение всей поездки.

После осмотра мы посетили благодарственное богослужение в церкви за освобождение города от большевиков. Нас благословил священник, и была произнесена молитва в честь союзников в целом и за нас в частности. Войдя в церковь, мы прошли мимо святого места, где находилась одна из многих икон, предположительно имевших чудодейственную силу, но перед этим все оружие было снято, и у входа скопилось груда сабель, револьверов и кинжалов. Как обычно, церковное песнопение было изумительным и велось без какого-либо оркестрового сопровождения. Казаки исключительно музыкальны, и, хотя, как и во всей русской музыке, минорный ключ, похоже, преобладает в их песнях, у солдат были великолепные голоса, и они неумоимо распевали на марше.

На выходе из церкви какая-то исключительно красивая девушка-казачка преподнесла мне букет цветов, и еще больше цветов бросали в нас, пока мы выходили на дорогу. К этому времени, не позавтракав, я ощущал крайний голод, но нас ожидали новые церемонии, и нас отвезли в здание местной управы, на ступеньках которой сфотографировали с группой атаманов всех мелких деревень этого района.

Затем последовала церемония встречи гостей с хлебом и солью, и надо было вытерпеть приветственную речь казачьей гражданской администрации. Мне преподнесли буханку хлеба с солью как символ того, что меня приняли как почетного гостя. Лэмкирк смотрел на нее такими же голодными

глазами, что и я.

– Я бы дорого отдал за то, чтоб откусить от нее прямо здесь, – сказал я.

Потом опять речи и представления друг другу, и мы наконец набросились на богатейший обед в местной управе, в заключение которого меня вновь заставили произнести речь о британской конституции. Вторая половина дня была посвящена посещению госпиталей.

В них было полно больных, главным образом тифом, они лежали на соломе в голых палатах, все тело покрывала темная красновато-коричневая сыпь, всегда сопутствующая этому заболеванию. Многие из них были в коме или в бреду, но не было кроватей и даже матрасов, и поэтому и больные, и раненые лежали рядом, бок о бок. Палаты были забиты сверх меры, а атмосфера стояла удушающая, и тучи огромных мух постоянно усаживались на глаза и носы людей, которые задыхались в предсмертной агонии или стонали от боли в плоти и кости, разможенной снарядами осколками или пулями. Никто из них не умывался со времени поступления сюда, и, все еще в заразной одежде, они лежали, покрытые пылью и потом. Для оперирования не было никаких обезболивающих средств, только для самых суровых ампутаций, а имевшиеся инструменты были тупыми, грязными и непригодными к использованию, поэтому свирепствовала гангрена. Бинтов и корпии просто не существовало, и их заменяли пучки соломы, куски хлопчатобумажных лохмотьев и полоски, оторванные от старых скатертей или платьев.

В одной из палат мертвый лежал вместе с живыми (еще, возможно, незамеченный), и совершенно недостаточный персонал докторов и молодых студентов-медиков устало пытался справиться с ситуацией, хотя, не имея необходимого для работы, они мало что могли сделать. В каждом госпитале имелась старшая сестра, которая с небольшой группой девушек-казачек, казалось, постоянно переходила из палаты в палату, стараясь подбодрить немногих из уже отчаявшихся жить людей. Все они были в деревянных сандалиях на босу ногу, потому что у них не было обуви и чулок по той простой причине, что не могли их купить. Прически были очень короткими, как у мальчишек, и много времени у них уходило на то, чтобы разносить воду больным, поить их и отгонять мух маленькими ветками, срезанными с кустов в саду.

Куда бы мы ни шли, нас представляли как «английских офицеров, приехавших к нам на помощь», и все глаза были с любопытством устремлены на нас, а вопросы задавались такие, как «закончилась ли война на Западе?», «находится ли царь в Америке?», «когда британские войска придут, чтобы воевать с большевиками?», «а британские солдаты такие же большие, как и русские?»

Перед тем как нам покинуть здание госпиталя, небольшая группа устало выглядевших медсестер, старшая сестра и главный врач скромно спросили, не могли бы они поговорить с английскими офицерами, и с помощью нескольких простых предложений отвели свою душу в разговоре со мной.

– Вы видели наш госпиталь? – спросил главный доктор. – Он не такой, как у вас в Лондоне. Но что мы можем поделать? У нас нет бинтов, нет корпии и нет лекарств. Есть лишь несколько кроватей, и даже простыни с них были разорваны на бинты. На прошлой неделе от тифа умерли два наших доктора и, – он показал на похожего на привидение подростка восемнадцати лет с глазами похожими на горящие угольки, – эта маленькая сестра только на днях выздоровела. – Он покачал головой. – Недавно к нам принесли казака, у которого нога была разрезана сверху донизу, наподобие лампасов, которые он носил на своих штанах. Он умер от гангрены. – Он развел руками в мольбе. – Но вот вы здесь, вы же нам поможете? Вы не пришлете нам хоть немного материала, чтобы можно было работать? Ведь Англия так богата, она наверняка могла бы прислать нам, по крайней мере, бинты?

В следующем месяце я много раз бывал в госпиталях и всегда оказывался свидетелем горестных сцен такого рода. Но это мое первое впечатление от того, до чего могут довести эти Гражданская война и классовая ненависть, разжигаемые полупреступным, полуграмотным, своекорыстным классом

политических агитаторов, навсегда отпечталось в моей памяти.

«Чем же я помогал?» – с горечью думал я. В основном посещая банкеты, приметные лишь оргиями еды и речей, получением цветов и тостами за чье-то здоровье! Не очень-то похвальный послужной список, решил я, уехав оттуда, и слившиеся воедино стыд и гнев сдавили мне горло.

Покинув госпиталь, я сумел немного отдохнуть: несмотря на то что побывали на еще одном ужине с танцами, в тот вечер мы улеглись спать довольно рано. На следующее утро мы были заняты участием в богослужении в память погибших, проходившем на холме, господствовавшем над городом.

– В начале Гражданской войны, – рассказывали мне, – до того, как большевики начали вербовать в свои ряды новобранцев, Красная армия в большой своей части состояла из беглых заключенных, отъявленного сброда и всяких подонков из старой армии. Они грабили и резали население, добивали раненых и насиловали женщин. Эта поминальная служба – в память жертв этих побоищ.

В самой высокой точке на окраине города был воздвигнут большой греческий крест, и на холмик у его подножия было возложено несколько букетов полевых цветов. Отсюда мы отправились в расположенный по соседству внушительных размеров монастырь, в котором проживало около трехсот монахинь под началом матери настоятельницы, в свое время бывшей близкой подругой покойной царицы. Все они носили черные мантии и капюшоны, а в монастыре была приятного вида подземная часовня с синими стенами, где был проведен короткий благодарственный молебен. Тут же, как и во всех церквях, при входе вовнутрь нам пришлось снять оружие, которое носится на поясном ремне, и оставить его позади алтаря.

Большевики не обесчестили это место во время своей оккупации, и для нас был устроен великолепный обед в личных покоях матери настоятельницы, которая отлично говорила по-английски и по-французски. Мы встретили более пожилых работниц из ее персонала – тут были женщины семидесяти и более лет, проявившие к британским офицерам огромный интерес. Мне преподнесли буханку белого хлеба, испеченного монашками, и нас забросали цветами, пока мы проходили по неровным пыльным улицам и мощеным тротуарам этого маленького городка.

После значительной задержки на следующее утро мы уехали, но едва отъехали, как стали досажать наши шины. О том, чтобы заменить их, не было и речи, потому что их не было во всей России, и повреждения пришлось ремонтировать на месте. Пекло невыносимо, и пока несчастные шоферы заменяли баллоны на одной машине, мы прикорнули под тентом в другой.

В это время года степь выглядела привлекательно, воздух был полон пения жаворонков, а степь была покрыта высокой травой и множеством полевых цветов минимум десяти видов, то тут, то там виднелись березовые рощицы и заросли ольхи. Эти волнистые прерии очень походили на равнину Солсбери – там также не было никаких дорог, сплошные делянки подсолнечника. В других местах виднелись огромные участки синего и розового цвета, и на протяжении целых миль наши ноздри были полны аромата, и при этом вокруг не видно ни души.

В Усть-Хоперск мы приехали около полудня, и после обычной церемонии приветствий и речей местный атаман устроил для нас обед. Мы услышали о новых большевистских зверствах, и я встретился с великолепным старым солдатом семидесяти двух лет, который служил в казачьей личной охране предыдущего царя, а сейчас явился ко мне в полной униформе с медалями. Несмотря на испещренное морщинами лицо и седые волосы, он держался прямо и в своей шинели с богато украшенным ремнем выглядел так, будто все еще был грозным воином.

После обеда мы двинулись на Еленскую, родную станицу Отланова – руководителя казаков-повстанцев, прибывшего для встречи Сидорина и отдания ему рапорта. Это был энергичный, военной выправки человек, производивший впечатление сильной личности, он показал мне их тайный арсенал, где

повстанцы чинили трофейные винтовки, мастерили седла, упряжь и даже отливали пули в самодельных, грубых изложницах. Он дал мне седло и, похоже, очень хотел получить сувенир от британской армии, так что я отдал ему одну из моих артиллерийских эмблем. По краям толпы стояли крестьяне, наблюдая, как мы разговариваем, на сапогах все еще был навоз, а в руках они все еще держали вилы, – бородатые, неприятного вида люди в потрепанной одежде, лишь глаза их привлекали невинностью людей, не имевших представления о том, что происходит.

После ужина с местным атаманом ночь мы провели в Еленской.

– Немецкое слово «улан», или «кавалерист, вооруженный пикой», произошло от названия этой деревни, – гордо сказал он. – Мы дали много знаменитых казаков-воинов.

Следующим утром мы поехали в Вешенскую, более крупную станицу, где помимо всего прочего нам показали радиоприемник, захваченный у красных.

– Наши связисты наверняка знают эту штуку, – заявил Харгривс. – И она в чертовски приличном состоянии!

Госпитали здесь находились в жутком состоянии, и, когда мы ходили по ним в самое жаркое время после полудня, меня чуть не стошнило. Харгривс неизменно шел со мной через все тифозные палаты, и его примитивное знание русского языка было проверено в полной мере. Сам Сидорин тоже прошел через все палаты, но члены группы, в которых не было нужды, обычно ожидали нас снаружи, приложив к носам свои носовые платки.

Примерно в это время мне сделали прививку от тифа.

Ко мне несмело подошел какой-то русский врач.

– Вы не хотели бы привиться от тифа? – спросил он.

Меня это предложение озадачило, потому что я знал, что тут не было сыворотки, но он настаивал, что у него есть немного.

– Я сделал ее из крови человека, который только что умер, – произнес он.

Я пожал плечами.

– Очень хорошо, – отреагировал я. – Давайте.

И он сделал мне инъекцию, и, возможно, благодаря его сыворотке, когда я подцепил эту болезнь, я не умер.

Мы остались в Вешенской на ночь, и перед ужином у нас появился первый шанс искупаться в Дону. Река была немного грязноватой, но холодная вода быстро неслась мимо песчаных берегов. После дневного зноя это было очень приятное занятие, но никто из русских офицеров не сделал ни малейшей попытки обсушиться после выхода из воды, они просто надели свою одежду на все еще мокрые тела. Похоже, они меня считали немного сумасшедшим, потому что я воспользовался полотенцем.

На следующий день мы отправились в Мигулинскую, остановившись по пути в какой-то станице, где во время восстания женщины сами, охваченные жаждой мщения, вылавливали пытавшихся бежать комиссаров и убивали их своим сельским инвентарем и кухонными ножами.

В Казанской мы переправились на северный берег Дона и, поскольку наше долгое путешествие перешло в следующую стадию, провели там два дня. Вечернее купание было превосходным, что позволило грузовикам догнать нас. У меня также впервые появилась возможность написать несколько писем, хотя когда и как они будут отправлены – совсем другой вопрос.

Мы уже преодолели сотню очень трудных миль вдоль южного берега Дона, а на следующее утро отправились далее на север, еще на 80 миль, которые собирались проехать за один день, чтобы оказаться в Урюпинске – штабе 2-го Донского корпуса. В маленькой деревне возле Солонки, где остановились на обед, мы наткнулись на останки французского легкого танка, захваченного большевиками после отхода французов из Одессы, а теперь брошенного. После обеда мы остановились, чтобы попить свежего и кислого молока, которым нас угостили казаки, у которых, похоже, всегда был запас холодного как лед молока в глубоких погребах.

К моему глубокому удивлению, мы приехали в Урюпинск вовремя, полуживые, и после того, как нас провели к нашим местам временного пребывания и накормили, как обычно, яйцами с черным хлебом и маслом, а также напоили несколькими литрами русского чая, мы рухнули на постели и быстро заснули, измотанные ездой в битком набитом транспорте по 80 милям пыльных степных дорог, притом без какой-либо защиты от полутропического солнца.

Мы с Харгривсом и Лэмкирком расположились на постой у одной русской вдовы с симпатичной дочерью девяти лет, причем обе говорили по-английски. Поскольку Сидорин планировал провести в Урюпинске два-три дня, нам на следующее утро позволили долго валяться в постели, и к осмотру мы приступили в полдень после обычной церковной службы. Мы пообедали в штабе корпуса, а по пути туда нам преподнесли цветы. Адьютант командира корпуса поинтересовался у меня, как мне понравились эти цветы.

Я беззаботно ответил, что, хотя цветы и симпатичны, подарившая их шестнадцатилетняя девушка была еще симпатичнее. И тут же, к моему огромному смущению, послали за девушкой и привели ее ко мне.

– Она будет вашей партнершей в танцах сегодня вечером в офицерском клубе, – сказали мне.

Как нам обещали, танцы устроили после ужина в офицерском клубе, и я сидел рядом со школьницей, которую повстречал утром. Она была дочерью профессора в Москве и знала большевиков лучше, чем мы, поскольку станица Урюпинская перешла в наши руки только на прошлой или позапрошлой неделе. Вопреки правилам, я предложил вторую часть эмблемы, которую я отдал Отланову, а так как вскоре после этого большевики опять захватили станицу, я часто задумывался о том, что могло случиться с ней, если бы при ней обнаружили эту эмблему.

Обещанный визит на фронт должен был состояться на следующий день, и мы выехали поездом в Борисоглебск, что примерно в 20 милях на северо-запад, который два дня назад был захвачен Партизанской дивизией 2-го корпуса. Однако по приезде туда, к моему огромному разочарованию, мы просто осмотрели войска, стоявшие в резерве, и большую часть времени затратили на обычный обильный обед в штабе. Нам также сообщили, что необходимо вернуться к поезду к 7 часам вечера, поскольку большевистские силы ударили навстречу нашим наступающим войскам примерно в шести милях за городом.

К этому времени во мне накапливалось бешенство от всех этих инспекций, еды и питья, и я просто рвался увидеть хоть что-то действительно относящееся к военному делу. Но никак нельзя было нарушить инструкций Сидорина, а то бы меня самого бросили посреди степи без какого-либо транспорта.

Новость о наступлении большевиков пришла по телеграфу, но по какой-то причине Сидорин предпочел скрыть ее, и я узнал о ней только потому, что постоянно изводил Лэмкирка, требуя держать меня в курсе того, что происходит.

Войска, которые я видел в Борисоглебске, только вчера участвовали в бою и были очень плохо оснащены. Только 30 процентов были обуты в сапоги, и в части не было никаких пулеметов. Лица солдат

под налетом несущейся по ветру пыли были бледными и изможденными, и сквозь обветшалые мундиры можно было разглядеть колени и локти. Гимнастерки выгорели и износились, а у многих вообще не было гимнастерок, и вместо них солдаты носили шерстяные фуфайки. Не было даже признаков какой-либо британской униформы или снаряжения, а на некоторых из солдат фактически были немецкие шлемы с шипами, оставшиеся от германской оккупационной армии.

От них исходила какая-то обреченность, когда они стояли под палящим солнцем, с винтовкой у ноги, со скатками через плечо. И тем не менее во время восстания они захватили Урюпинск, имея в своих рядах только 70 солдат, но убив при этом более сотни врагов. Когда вскоре после этого их вышибли из города, красные ответили зверским убийством около 200 школьников и школьниц.

Теперь они были, однако, измотаны, на лицах – апатия, и было видно, что в данный момент их не очень волнует, кто побеждает в войне, и я с горечью заметил, что для всех было бы лучше, если бы часть мундиров хаки, которые носили части штаба корпуса, удобно устроившиеся в тылу, была отправлена на передовую.

С каждым днем во мне росло раздражение от того, во что превращалась эта поездка. Попытайся я выбраться туда, где происходит настоящее дело, я бы никак не избежал надзора со стороны Сидорина или его штаба, и мы вернулись в Урюпинск поздно ночью, а следующий день был, как обычно, потрачен впустую, хотя прибытие одного из грузовиков с моим давно потерянным чемоданом дало мне шанс постирать кое-какую одежду. Поздно вечером по телеграфу пришли сообщения о тяжелых боях.

– Красные выбиты из Балашова, – сказали нам. – Это важный железнодорожный узел в пятидесяти милях к северо-востоку. К казакам присоединился большой отряд зеленых.

– Зеленых?

Мой информант пожал плечами:

– Это бандиты. Солдаты недовольные большевиками. Они дезертировали два месяца назад. И с тех пор бродят по лесам в районе Тамбова, ожидая нашего прихода. Они очень демократичны и отказываются вообще признавать офицеров, но к тому же ярые антибольшевики и полезный боевой материал.

Сидорин решил ехать к Балашову, чтобы встретиться с зелеными на следующий день, так что мы снова уложили вещи и под охраной бронепоезда прибыли туда примерно в 4 часа пополудни. Это была северная точка, которую достигли белые армии на Дону и на Волге, и с взятием Балашова весь район донского казачества и добрая часть Тамбовского района были очищены от красных.

На станции нас встретил конвой донских казаков 2-го корпуса, в основном в хаки, и подразделение зеленых под командой человека по фамилии Воронович, построившееся рядом с казаками. На зеленых практически не было формы вообще, они носили преимущественно крестьянскую одежду с клетчатыми шерстяными кепками или потертыми бараньими папахами, на которых был нашит крест из зеленой ткани. У них был простой зеленый флаг, и они выглядели крепкой и мощной группой солдат. После отъезда со станции на платформе был устроен короткий смотр, и перед зелеными с горячей речью выступил Сидорин, раздавший им для поднятия духа, для воодушевления на новые усилия ради нашего дела добрую толику наград. Однако их лояльность оказалась кратковременной. Они предпочли свою собственную компанию и скоро вернулись либо к большевикам, либо в леса, где могли попрятаться и безнаказанно грабить крестьян.

Махно, организовавший первую из этих бандитских шаек, отбывал тюремное заключение в Сибири, когда началась революция, но по своем возвращении приступил к организации своих бандитских групп, которые творили все мыслимые ужасы в Южной России. Он поднял личный черный флаг и воевал против всех, сея ужас в сердцах крестьян. Он уничтожал города, университеты, музеи и художественные галереи.

Зеленые, будь то под командой Махно или нет, вряд ли способны подчиниться воинской дисциплине, и, похоже, никого не удивило, что они покинули коалицию антикоммунистов.

Среди всего прочего, что они оставили после себя в Балашове, был большой склад боеприпасов, прежде принадлежавший красным. В нем я обнаружил в большом количестве британские боеприпасы и военное снаряжение, возможно захваченное на Северном фронте либо бывшее частью материалов, поставленных нами русским в 1916 и 1917 гг.

Поблизости я также заметил 3-ю батарею гаубиц калибра 4,5, которая была укомплектована и обучена в Ростове и стала первой вооруженной британскими гаубицами батареей, появившейся на Донском фронте. Вероятно, она была наиболее успешной, а детонаторы мгновенного действия оказались открытием для офицеров, которые просили в будущем не присылать ничего другого. Наша упряжь доставляла им, однако, немало проблем, и у лошадей было очень много нарывов на спине и ссадин на загривках. Обильные поставки боеприпасов вызывали у них огромную радость, и русские утверждали, что теперь понимают все, что надо знать об этом оборудовании и снаряжении. К сожалению, они ежедневно теряли от тифа четыре-пять человек.

Мы поужинали в доме у одного дантиста. В отличие от некоторых виденных нами прежде домов этот не имел никаких признаков повреждений или следов оккупации.

– Я – еврей, – объяснил стоматолог. – Поэтому большевики меня не трогали.

Я очень устал и собирался заснуть, но тут заметил страшную суматоху, спешку снаружи, и едва успел раздеться в своей комнате, как в дверях появился Агаев вместе с переводчиком.

– Мы уезжаем, – заявил он.

– Прямо сейчас?

– Да. Генеральский поезд отходит через два часа. Под городом большевики пошли в контратаку. Мы ожидаем, что они в любой момент ворвутся в город.

Он отвернулся, когда я нагнулся за вещами и стал сбрасывать их в кучу. И действительно, два дня спустя большевики отвоевали город, но до этого казаки сумели вывезти значительное количество боеприпасов со склада и много сахара и белой муки.

Поспешный отход, когда все швыряли свои сумки, мешки в поезд в дикой давке, стал для меня еще одним ударом, потому что я надеялся на следующий день отправиться на передовую. Я, однако, понимал к этому времени, что, пока я буду таскаться за Сидориным, я, скорее всего, никогда не сделаю никому ничего полезного, да и не смогу провести какое-то серьезное исследование на передовой. Все, что я сейчас хотел, – это вернуться в штаб миссии и отправить новые письма домой с просьбой оказать помощь госпиталям.

По возвращении в Урюпинск Сидорина ожидали тревожные вести из штаба армии в Новочеркасске, и он безо всякой задержки сел на один из старых безоружных двухместных аэропланов типа «вуазэн» с толкающим винтом, которые имелись во 2-м корпусе. Пока древний аэроплан вальсировал под ветром и гудел в небе, мы пробирались домой на машине и грузовике, стремясь доехать до Миллерова на ветке Лихая – Воронеж как раз вовремя, чтобы встретить там поезд Сидорина, который проделал весь путь от Суровикиной, чтобы встретить нас. С ним пришла весть, что багажный грузовик со всем нашим снаряжением окончательно сломался в 60 милях отсюда в степи, так что неохотно признавая мой неуловимый вещевой мешок утраченным навсегда, мы той же ночью устремились на юг в Новочеркасск.

Глава 6

Моя первая официальная поездка на фронт стала самым разочаровывающим предприятием с военной точки зрения, хотя каждый ее момент был интересен. Чрезвычайный контраст между жизнью в штабе и жизнью несчастных рабочих, солдат и пациентов в госпиталях производил на меня огромное впечатление.

И все-таки это была тяжелая работа, поскольку почти все время мы были в дороге и покрыли на колесах добрую часть страны. Стояла сильная жара, и мухи просто зверствовали, а так как я потерял все свои личные вещи, мысль о неделе в штабе казалась очень приятной перспективой в смысле смены впечатлений. Я вскричал от радости, когда по приезде мне вручили телеграмму, которая пришла днем раньше.

«Немедленно отправляйтесь в штаб миссии в Екатеринодар для сопровождения главы британской миссии в длительной поездке по всему фронту, возможно, длительностью шесть недель».

– Это как раз то, что нужно! – восторженно воскликнул я.

Я одолжил дорожный мешок, наполнил его сменным бельем из своих чемоданов и следующей ночью выехал, чтобы явиться к генералу Холмену. Еще не зная, где нахожусь, я пил чай в его поезде на вокзале Екатеринодара.

Первые два дня в Екатеринодаре прошли в доставке на поезд провианта, погрузке лошадей и осмотре и снаряжении конюхов и эскорта, состоявшего из одного унтер-офицера и трех казаков. В это время я был свидетелем многих дискуссий между офицерами по поводу новой системы, вступившей в силу с приходом Холмена, и критика, как бы то ни было, не всегда была благожелательной. Я сам придерживался того мнения, что резкий вольфас (крутой поворот) в политике миссии, на котором настаивал Холмен, заметно мешал легкой жизни многих работников нашего штаба, как русских, так и британцев, и я лично считал, что настало время хоть что-то предпринять.

Однако я сохранял спокойствие и следил за событиями, будучи уверен, что рано или поздно увижу потрясающие результаты той энергии и натиска, которые сейчас проявлялись Холменом и его сторонниками. Чем раньше недовольные уедут домой, тем лучше будет для всех нас, думал я, но это не касалось меня, потому что Холмен помогал мне и моим донским казакам, что позволяло заменять неподходящих офицеров в моей группе.

Холмен был невысоким, крепким мужчиной с седыми волосами и забавно мигающими глазами. Я был немалою роста, и он рядом со мной казался карликом. В прошедшей войне он был прекрасным администратором и вовсе не добродушно воспринял ситуацию, которую обнаружил в штабе миссии. Невзирая на попытки русских помешать ему, он был намерен посетить воюющие части на передовой и обсудил со мной шаги, необходимые для того, чтобы превратить миссию в более действенный инструмент.

Он прибыл в Екатеринодар со специальной инструкцией от самого Уинстона Черчилля, который был одним из главных инициаторов интервенции и попыток союзников помешать распространению коммунизма. Я служил под его началом младшим штабным офицером в 4-й армии во Франции, и тот факт, что он послал за мной, особенно меня воодушевил, поскольку при прежнем режиме моя прорусская деятельность не имела популярности в штабе, и я даже ожидал, что по возвращении в Новочеркасск меня отошлют домой.

Группа состояла из Холмена с полковником Дмитрием Звягинцевым, приятным образованным офицером из старой романовской конной гвардии – хотя и вовсе не свирепого типа, – который был главным русским офицером связи и переводчиком, также майора Винтера из Уорчестерского полка с князем Оболенским в качестве переводчика, двух русскоговорящих офицеров Харви и Робертса и меня самого.

Серьезную тревогу у меня вызвало то, что, вернувшись в Новочеркасск, я узнал, что Ангуса Кемпбелла во время моего отсутствия эвакуировали тяжело заболевшим тифом, а один из сержантов-инструкторов заболел холерой. Так как тиф обычно возникал от укусов вшей на грязном теле, он более или менее исчезал весной, но все равно было много случаев тифа, которые обычно оканчивались смертью и часто приводили к мании самоубийства, а иногда пациенты убивали медсестер. С другой стороны, холера быстро распространялась летом, и в то время как для борьбы с тифом не существовало сыворотки, прививка от холеры имела. Местная привычка употреблять в больших количествах дыни, которые росли в самых неподходящих местах, была главной причиной так называемого «холерного живота», который исчезал по мере исчезновения этого фрукта. Я был привит от холеры и не заразился ею.

Поскольку мне надо было найти замену Кемпбеллу, я вошел в контакт с одним русским офицером – Петром Житковым, который работал военным инструктором в одном из училищ и хорошо говорил по-французски, на котором я тоже говорил. Я побывал на одной-двух вечеринках с ним и его подругой Александрой Тимофеевой, вдовой казачьего офицера, очень симпатичной девушкой, которой я немало восхищался. Житков был энергичным и полезным офицером, но часто легко поддавался переменам настроения и, похоже, считал, что с ним обращаются с недостаточным уважением по сравнению с другими, более старшими переводчиками.

Поезд Холмена, как и Сидорина, состоял из четырех или пяти вагонов с платформой для его автомобиля и помещениями для лошадей и русских конюхов и вестовых. Он был вполне удобен для двух-трехдневного путешествия и имел право подцепиться к любому поезду, который потребует офицер связи Холмена Звягинцев.

Наша первая остановка была в Ростове, и тут мы пообедали с Кейсом, теперь уже генералом, и захватили с собой Гарольда Уильямса, корреспондента The Times и The Daily Chronicle, который всю жизнь прожил в России. Он безукоризненно говорил по-русски, был женат на русской, обладавшей значительным литературным талантом.

Вторую половину дня мы провели в отделе пропаганды белых армий. В дополнение к карикатурам и плакатам, задуманным и исполненным добровольцами, мы смогли увидеть частную выставку пропагандистских фильмов, захваченных у красных в Харькове. В противоположность незамысловатым усилиям белых тут явно все искусство было направлено на необразованные и психически нездоровые умы людей, чьи симпатии большевики стремились привлечь на свою сторону. В первом из них описывалась в форме сериала нищета жизни русского крестьянина, которого оторвали от своего дома и семьи ради жестокой войны во имя отвратительного капиталиста, который представлен каким-то бессердечным помещиком, распутным офицером и перекормленным, привыкшим к роскоши плутократам.

В интервале между каждой сценой экран становился белым, и на нем появлялась рука, потрясающая кнутом или держащая пару наручников – символы рабства, – а в конце на совершенно белом экране возникала маленькая красная точка, которая росла в размерах, пока, наконец, не закрывала весь экран в виде красной пятиконечной звезды и лозунга «Отдай свои деньги и свою жизнь ради священных идеалов Советской Республики!».

За этим следовал подобный сериал, изображающий несчастную жизнь заводского рабочего, который теряет руку из-за неисправного оборудования, трудясь на бездельника-капиталиста. Кроме этих фильмов

было несколько короткометражных, показывающих печально известного Троцкого и других членов республиканского правительства во время смотра войск, выступающих с горячими обращениями к народу и за работой; а также фильм о параде офицерского корпуса Красной армии, где, надо признать, показали воинскую часть, очень хорошо экипированную и с хорошей выправкой.

После этого мы посмотрели другие фильмы, пропагандировавшие Деникина. Большинство из них изображало инспекцию войск большими группами аристократически выглядевших генералов, каждым своим движением излучавших атмосферу старого режима. Далее было триумфальное вступление свирепого Шкуро в Харьков в сопровождении его знаменитых «волков» – крайне диких и живописно выглядевших, но не склонных успокоить нервы многое пережившего и настроенного против войны населения. Также показаны военно-полевые суды, приговаривавшие к смерти целые шеренги пленных большевиков одним росчерком пера. Там наверняка в основном были бывшие члены китайских трудовых корпусов и предатели-офицеры, но, думаю, это не очень хорошая политика – завершать жуткую страницу Гражданской войны демонстрацией настоящих казней. Ничего, однако, не пропускалось, и какой-то несчастный китаец, взобравшийся на стул, надевший себе на шею петлю, прыгающий со стула, изображался в мельчайших деталях до последней конвульсии в предсмертной агонии.

Были также показаны фильмы о генералах Алексееве, Корнилове, Деникине, Врангеле и Романовском и о нескольких коротких маневрах, выполняемых британскими танками, уже принятыми на вооружение. Я также видел коллекцию снимков обезображенных трупов, которые откопали в Харькове после особо жестокой резни, сопровождавшейся необычно зверскими пытками, проходившей под руководством главного комиссара как раз до того, как мы захватили город. От этих доказательств большевистской цивилизации меня чуть не стошнило, и я услышал, что снимки эти были посланы в Англию, чтобы размножить и показать заинтересованным лицам, чего можно ожидать от этой «диктатуры пролетариата». На Холмена большое впечатление произвела эффективность большевистской кинопропаганды, хотя наши собственные фильмы скорее были способны охладить общественные симпатии, чем привлечь их, и он использовал свое влияние, чтобы запретить демонстрацию этого китаецца и наиболее реакционных фильмов.

Вскоре после этого мы выехали на Лозовую, где должен был располагаться штаб 1-го корпуса Добровольческой армии под командой генерала Май-Маевского, а так как генеральский поезд имел право безостановочного прохода по всей трассе, мы прибыли туда примерно в полдень на следующий день.

Я с нетерпением ждал встречи с Май-Маевским. Я много слышал о нем, и видел его фотографии, и удивлялся, как может такой толстый человек, каким он казался, быть хорошим руководителем. Мы ожидали, что услышим новости о том, где его найти, и какова будет программа, но поздно ночью Звягинцев получил телеграмму, что штаб корпуса перенесен в Харьков и нас ждут там.

Это не устраивало Холмена, который уже проявлял признаки нетерпения при постоянных попытках впустую истратить его время, которые русские всегда предпринимали под предлогом щедрого гостеприимства и любезного, почтительного отношения. Он перепроверил персонал коменданта станции, как и самого Звягинцева, который, несомненно, был информирован лучше, чем прикидывался, и обнаружил, что вот-вот должна начаться какая-то наступательная операция на Полтаву, в которой должна принять участие и какая-то часть армии Май-Маевского. Она должна была начаться на следующий день поблизости от станции Кегичевка.

Холмен кивнул.

– Отлично, – произнес он. – Мы поедем взглянуть на нее.

Таким образом, несмотря на увещевания Звягинцева, мы приказали, чтобы готовили поезд. Наконец-

то мы едем на настоящий фронт.

Появился поезд, который тянул за собой девятитонный монстр-паровоз, украшенный красным и черным цветом и либерально разбавленный флагами. Кроме этого, флаги были спереди и сзади поезда, а также в углах вагонов. Все поднялись в поезд, набившись в купе, заполнив салоны, обставленные столами, креслами и цветами в горшках, люди даже висели на поручнях площадок в конце вагонов. Немногочисленные женщины помахали руками, колеса завертели, послышалось шипение пара, и мы отъехали.

На следующее утро мы очутились в Кегичевке, и опять слишком поздно, чтоб застать там Май-Маевского, чей штаб только вчера переехал в Балки.

Операция, которая только развивалась, являлась ударом в северо-западном направлении, при этом главной целью была Полтава, и велась она тремя основными колоннами, из которых первая состояла из гвардейского корпуса генерала барона Штакельберга, 8-й Кубанской пластунской бригады генерала Гаймана в резерве; вторая включала в себя 7-ю дивизию и батальон осетинской пехоты с Кавказа; и, наконец, третья состояла из дикой кавалерийской дивизии Шкуро, ныне сформированной преимущественно из казаков и мусульман с северных склонов Кавказа.

Центральной колонне предстояло наступать вдоль железной дороги через Константиноград и Карловку, и она в своем составе имела два бронепоезда для поддержки. Из-за того, что основные сражения велись вдоль железнодорожных путей, первый дальнобойный боевой контакт между двумя воюющими силами обычно возникал при стрельбе бронепоездов.

К югу от Москвы участие в боях принимали десятки бронепоездов, причем некоторые принадлежали красным, некоторые – белым, некоторые – зеленой гвардии, которая не относилась ни к одной из сторон и охотилась за обеими, а также несколько – частным, неуправляемым армиям, чья лояльность была весьма сомнительной. Железнодорожный персонал оставался нейтральным ради своей безопасности и исполнял обязанности на рабочих местах, переводя стрелки зачастую под дулом нагана; и одним из наиболее интересных развлечений было решить, где именно находятся эти бронепоезда, – очень важный момент, если у вас есть свой собственный.

Наиболее принятое построение – впереди легко бронированная ремонтная платформа, потом платформа с пулеметами. Далее – сам поезд с легкой полевой пушкой и пулеметами, с мощной броней, а также бронированная платформа, набитая солдатами, готовыми подкрепить ведущую группу. Наконец, в большинстве случаев и иногда заменяя полевое орудие, устанавливалась корабельная пушка, которая могла наносить дальнобойные удары в тех случаях, когда не имелось передовых легко бронированных частей. Пехотные группы обычно продвигались в деревенских повозках по дорогам вблизи той или другой стороны железнодорожной насыпи, а в это время кавалерийские отряды прикрывали фланги на значительном удалении в степи. Для целей ближней разведки поезд мог включать в себя бронированный паровоз с платформой, несущей полевое орудие или только солдат с пулеметами. Бронепоезда противника редко сталкивались лицом к лицу на короткой дистанции, хотя команды поездов не смыкали глаз, стремясь не упустить мин-ловушек либо поврежденных путей впереди.

На этот раз левая колонна наступала параллельным курсом примерно в 30 милях к югу, стремясь войти в Полтаву со своего фланга одновременно с фронтальным наступлением гвардейского корпуса. Правая колонна, являясь самой мобильной, шла с западного направления из Староверовки, имея целью перерезать железнодорожные коммуникации между Харьковом и Полтавой – единственную оставшуюся железную дорогу, которой красные могли вырваться на Киев.

– Мы увидим операцию, пребывая в центральной колонне, – объявил Холмен, и, позвонив генералу Гайману, чей поезд находился на станции Балки, мы ожидали возвращения барона Штакельберга, командира, который удалился вперед на несколько миль, чтобы посмотреть, как преуспевают его войска. Все наши лошади уже были выведены из боксов, оседланы, а фуражные и грузовые подводы – которые мы специально привезли с собой, дополнив их русскими лошадьми и конюхами, – были готовы к рывку по степи. Автомобиль Холмена «вокхолл» тоже был снят с поезда, поскольку его предстояло использовать для быстрой связи в случае, если нам понадобятся боеприпасы и снаряжение. (Так как ходили слухи, что красные перерезали важные мосты, могло пройти несколько дней, пока поезда смогут нас догнать.)

Мы отчетливо слышали на удалении шум ведущих стрельбу бронепоездов, прикрывающих мост через реку Берестовую. Он находился примерно в полутора милях к востоку от Константинограда, и больше всего хотелось, чтобы красные его не уничтожили.

Персонал Гаймана был очень весел, и, похоже, этим людям Холмен понравился, чем быстро воспользовался.

– Я хотел бы немного продвинуться вперед, – заявил он, и они тут же настояли на том, чтобы он сел на одну из их лошадей.

Холмен, Звягинцев и я с отрядом кубанских казаков и небольшим эскортом примерно в 4 часа дня прискакали в деревню Добренка. Здесь должен был находиться штаб полка, который пробивался к мосту с юга, стараясь захватить его до наступления темноты.

При продвижении вперед мы слышали винтовочную стрельбу и спорадический пулеметный огонь. Бронепоезда, очевидно, вступили в артиллерийскую дуэль безвредным методом «толкай и лови». Прибыв в деревню, мы узнали, что командир батальона переместился ближе к мосту.

– Мы собираемся атаковать мост после наступления темноты, – сказал нам один офицер, командовавший, как я понимаю, резервной ротой. – Правда, пока мы удерживаем красных на дистанции винтовочным огнем, чтоб не дать им уничтожить мост.

В этот момент, должно быть, красному командиру батареи пришло в голову, что белые используют церковную башню как наблюдательный пункт – что, возможно, и было правдой, – и он стал хаотично обстреливать деревню. Основная опасность при таком виде обстрела заключается в ее крайней неточности, потому что снаряды падают в самые непредсказуемые места. Местные жители, однако, безразлично относились к этому, но взяли на себя труд разогнать детей по домам. Когда появилось несколько стариков, чтобы разузнать, что происходит, и взглянуть на британских офицеров, Холмен расспросил их об отношении к большевикам. Они, похоже, не задумывались об этом.

Обстрел прекратился через полчаса, и, поскольку не было признаков возвращения командира батальона, а было уже поздно, мы вернулись в поезд. На обратном пути мы встретили этого командира колонны.

– Как лучше всего мы могли бы продолжать наше сотрудничество без вмешательства? – задал вопрос Холмен.

Конечно, русский пытался отделаться от него, но не смог.

– Я желаю, – заявил он, – видеть, что каждая частица русской службы работает, как на марше, так и в бою, так же как и на складах, железнодорожных узлах и штабах.

Мы все это выслушали с должным уважением, и хотя Звягинцев и русские генералы, временами поддерживаемые некоторыми из британских офицеров-диссидентов на нашем поезде, делали все, что могли, чтобы удержать Холмена вне передовой и ограничить его чисто обязанностями связи, следующие

несколько дней он заслужил высокую репутацию среди всех чинов за свои натиск и целеустремленность, дополненные уверенностью и энтузиазмом, которые невероятно укрепили его роль в поисках выхода из опасных и трудных ситуаций.

Пока его беседа с бароном Штакельбергом все еще продолжалась, из поезда Гаймана прибыл штабной офицер, пригласив некоторых из нас пообедать с ним, так что мы (Харви, Винтер и я) отправились, прихватив с собой Житкова для перевода.

Быт Гаймана был устроен в том стиле, к которому я позднее стал привыкать, но в то время он показался мне весьма странным.

Всякий русский генерал, имевший хоть какую-то власть, неизменно жил в «эшелоне», или поезде, состоявшем из четырех-пяти вагонов, включая столовую, кухню, кабинеты и спальный отсек для себя самого, персонала, небольшого эскорта, а также условия для транспорта на случай, если ему придется ехать по бездорожью. Это случалось не так часто, поскольку в этой просторной стране, в которой мы сражались, всестороннее снабжение военным снаряжением и боеприпасами было столь сложным, что боевые действия практически всегда ограничивались территориями, простирающимися на 10 – 15 миль в обе стороны от железнодорожной магистрали, вдоль которой передвигались группы войск. Промежуточные пространства оккупировались и были под наблюдением небольших кавалерийских отрядов, живших целиком на периферии и из-за больших расстояний редко входивших в соприкосновение с воинскими соединениями врага.

Поезд Гаймана не был так же роскошен, как многие другие, но казался очень комфортабельным. Кухней, прислужгой и общим комфортом командовала одна русская девушка, одетая как медсестра, в черной косынке на голове, которые носили все русские медсестры. Она выглядела опрятной и спокойной и, очевидно, пользовалась исключительной популярностью как у офицеров, так и у солдат, причем все обращались к ней «сестрица». Она не принималась за еду, пока не убеждалась, что для гостей сделано все возможное, потом присаживалась и присоединялась к общему разговору.

– Она – искусный врач, – сообщили нам, – и все медикаменты, которыми располагает штаб бригады, она распределяет сама всем больным и раненым, с которыми приходится сталкиваться.

Она числилась в штабе медсестрой и, помимо своих медицинских обязанностей, руководила работой столовой.

Она рассказала мне, что ее отец был помещиком на Украине, что она была в плену у Нестора Махно, крестьянского разбойника и вождя зеленых. Ей, однако, удалось убежать, но во время побега пулей ее ранило в ногу, и поэтому она сильно хромала. У нее также было необычное черное пятно на переносице.

– Это синяк от удара одного из махновских офицеров, которому Махно приказал это сделать, – объяснила она. – Потому что я отказалась с ним спать.

После бегства она добралась до Николаевска, где какое-то время скрывалась, а потом присоединилась к штабу Гаймана ради пропитания и одежды и вместе с наступающими войсками вернулась в родные места.

Перед тем как лечь спать, Холмен отвел меня в сторону.

– Наступление будет продолжено утром, – сказал он. – Так что нам всем надо будет рано выходить вместе с наступающими частями. Есть надежда к вечеру взять Константиноград. Винтер и Харви отправятся с бронепоездом, который будет поддерживать атаку, как только будет атакован мост, а вы со Звягинцевым будете с одним из гвардейских батальонов. У них есть две батареи 18-фунтовых орудий, действующих

вместе с ними к северу от железной дороги, так что они будут рады вашей помощи.

Утро было чудесное, и пока мы выезжали из станционного двора с небольшим эскортом из бородатых свирепых казаков, мной овладело ощущение, будто я собираюсь на охоту на лисят, а мы тем временем направились к небольшой деревне примерно в трех милях к северо-востоку, откуда выходила колонна. Мы нагнали хвост колонны как раз тогда, когда она выходила из деревни, оставляя во все еще спокойном воздухе обширное облако золотистой пыли. Транспорт состоял целиком из обычных открытых деревенских подвод, в которые были впряжены одна или две лошади, и на одной из подвод мы отыскали наши две полевые коробки с медикаментами, хотя возница понятия не имел об их содержимом и о том, для кого они предназначены.

Примерно в 11 часов мы услышали безошибочно узнаваемый грохот 18-фунтовок, стрелявших на фланге совсем неподалеку. Наши головы дернулись, потому что возницы резко осадили лошадей, последовала короткая дискуссия, и мы сразу же перешли на галоп и помчались в направлении стрельбы, и тут обнаружили примерно в 3000 милях от красных батарею, ведущую огонь. Русские офицеры небывало взволновались.

– Они вовсю бегут через реку в Константиноград, – сообщили нам.

Очевидно, цель того заслуживала, потому что стрельба продолжалась так же часто, орудия с грохотом отскакивали. Но артиллеристы, получившие оружие всего лишь месяц назад из артиллерийского училища в Армавире, были не очень хорошо обучены, и за десять минут до нашего появления у трех пушек возникли проблемы. У одной безнадежно заклинило снаряд, который заталкивали в казенник, не удалив с него песок. У второй был изношен спусковой механизм, а на третьем орудии были столь слабые пружины в тормозе отката, что после каждого выстрела приходилось заталкивать орудие вручную в его люльку.

Практически мгновенно канониры безучастно уставились на свое замолкшее оружие, а в это время офицеры, которые, возможно, знали ничуть не больше об орудиях, чем сами артиллеристы, матерились и размахивали руками.

Холмен взглянул на меня:

– Мы не могли бы привести их в порядок?

– Полагаю, да, сэр.

– Давайте попробуем!

Мы сбросили шинели и вновь привели в боевое состояние два орудия из трех, а в это время все русские солдаты выглядывали сзади в восхищении.

– Генерал! – раздалось среди них. – Генерал, который сам знает, как чинить пушки, и не стесняется заниматься этим!

Пока мы трудились, появился командир батареи. Он презирал верховую езду и подкатил к позиции в захудалой двуконной легкой четырехколесной коляске с открытым верхом и начал энергично протестовать против нашего недостойного поведения.

– Офицер не должен обслуживать орудие! – возмущенно утверждал он, чуть не брызжа слюной от ярости. – Это солдатская работа!

Нам удалось его утихомирить, особенно когда пушки вновь начали стрелять, а вскоре после этого мы покинули батарею и направились к железнодорожному мосту через реку, где действительно шел настоящий бой. При подъезде к окопам мы заметили бронепоезд Винтера, попавший под вражеский обстрел.

Однако после того, как шесть или семь снарядов упали в 50 милях от него, бронепоезд поднял пары, и колеса завертелись. К моему огромному удивлению, вместо отступления он устремился вперед, в атаку! Мост явно был цел, но наша пехота не могла идти вперед и дожидалась фланговой атаки на город вдоль гребня, ведущего к городу с северо-востока.

Тем временем пехота прямо перед нами по фронту, прикрываемая огнем батарей 18-фунтовых пушек, переходила реку вброд. В реку упал снаряд и взметнул гейзер черной воды, а потом мы увидели, как на противоположном берегу стали взрываться новые снаряды. Звук приглушался расстоянием, и, казалось, схваченные солнцем грибы дыма взлетают вверх безмолвно, лениво завиваясь вперед и висят в воздухе какой-то момент перед тем, как развеяться. На этой дистанции они казались совершенно безвредными, и нам не был виден ответный огонь, но были различимы очертания убитых, разбросанных в неуклюжих позах на траве.

Примерно в течение часа наступление сдерживалось, но потом – фланговая атака, солдаты понеслись через складки местности, и это привело к ситуации «спасайся, кто может» со стороны большевиков, и мы увидели, как они хлынули потоком с другой окраины Константинограда. Их на этом пути подстегивали бронепоезда, которые неслись через мост с ревом и грохотом, оглушительно трещали их пулеметы. Они ударили по станции, захватив в плен около 50 человек и устроив охоту за отступающим красным поездом на протяжении 10 миль к западу.

Как только стало возможно, мы перевели своих лошадей через мост и взобрались на передовой паровоз, который подошел к нам. Оставив лошадей на попечение эскорта, мы с триумфом под парами въехали в Константиноград почти одновременно с пехотой. Холмен с пулеметом «люйс» в руках сидел на переднем буфере, а мы прицепились за какие-то вентили и куски аппаратуры либо стояли на платформе рядом с котлом. Мы прибыли посреди радостных возгласов.

В конторке начальника станции мы обнаружили нескольких наших солдат, забавлявшихся тем, что разрисовывали лица своих пленников жженой пробкой. Трудно было понять смысл этого, и мы стали спрашивать друг друга, соответствует ли это положениям Женевской конвенции. Однако это выглядело безобидно, и всюду раздавался хохот.

– Они обретают смешной вид, – сказал Холмен. – Но вряд ли это соответствует правилам ведения войны.

На следующее утро всех их завербовали в белые войска, и это были хорошие солдаты Добрармии – до следующего раза!

Мы рано поужинали благодаря гусю, которым нас обеспечил казачий эскорт – это была весьма свирепо выглядывшая группа, и надо было только попросить – и мясо появлялось! И никто не задавал никаких вопросов – но мы стали готовиться к раннему подъему на следующее утро, чтобы не потерять контакт с отступающим противником, и, если будет возможно, взять Карловку к вечеру.

– Красные получают подкрепления, – сообщили нам. – Они собираются удержать Карловку любой ценой.

К Карловке можно было подойти только через болотистую местность, а само село стояло на холме за рекой Орчик. Надо было покрыть примерно 17 миль, так что, похоже, день обещал быть длинным.

Гвардейскому полку, в который входила большая часть людей Штакельберга, предстояло наступать двумя отдельными параллельными колоннами, которые должны были встретиться к северу от железной дороги к вечеру, поблизости от единственной насыпной дороги и моста, которым можно было воспользоваться. Кубанские войска должны были двигаться вдоль линии железной дороги на юге,

пользуясь поддержкой бронепоездов.

– Правда, от них не так много толку, – тихо сказал мне один из подчиненных Штакельберга. – Мост у Федоровки сильно поврежден, и для его ремонта понадобится несколько часов работы.

Атака началась с артиллерийского обстрела, и были развернуты знамена. Под звуки музыки солдат построили в боевые порядки; затрубили горны, и на ветру заколыхались штандарты. Сверкнули сабли, слышались оживленные возгласы, и солдаты двинулись вперед в облаке пыли. Наблюдая за ними, я подумал, что до прихода аэроплана, автомобиля, танка и колючей проволоки война, должно быть, велась именно так. Так было, наверное, еще во времена Наполеона, когда солдаты в пышных мундирах с хлопающими на ветру знаменами шли в атаку по зеленым лугам на вражеские батареи.

По самым разным причинам большинству британских офицеров пришлось остаться на поезде, так что лишь я вместе с Холменом и Звягинцевым ехал во главе основного отряда левой гвардейской колонны, близко к железной дороге, лязгавшей и побрякивавшей рядом с нами своим поблескивающим оружием. Позади нас колонна с равномерным шелестом шагов продвигалась через высокую траву, цветы и дикий тимьян.

В целом эта группа войск была «подвижной», а поэтому было приказано добыть ряд крестьянских подвод. В них перевозили пехоту – примерно по восемь человек в каждой, – в дополнение к батарее 3-дюймовых русских полевых орудий у нас также были две батареи гаубиц калибра 4,5, а также несколько забавных маленьких полуторадюймовых пехотных орудий «мартини», приспособленных для перевозки на лафетах галопом.

Меня удивило, что авангарду не было придано никакой артиллерии и он состоял из одной лишь пехотной роты – и все на деревенских подводах, – а кавалерийский эскадрон был разбит на фронтовые и фланговые патрули, чтобы поддерживать контакт с другими колоннами. Стояла изнуряющая жара, и скоро я скатал свою шинель и положил поперек седла, оставшись в рубашке с короткими рукавами. И тут же заметил удивленно поднятые брови офицеров и усмешки солдат. Один из офицеров объяснил мне: то, что я снял шинель, поразило их, потому что они считают совершенно недопустимым для офицера такой вид.

Около полудня мы попали под обстрел со стороны большевистского бронепоезда, невидимого для нас и находившегося на дальней оконечности моста у Федоровки. Послышался глухой стук, потом свист, и снаряд взметнул вверх грязь и камни на сотню миль во все стороны. За ним последовал еще и еще один, и офицеры стали поспешно совещаться между собой, потому что могла возникнуть большая задержка, если им придется разворачивать строй своих солдат. Однако, искусно используя складки местности, мы сумели выйти из поля зрения красных канониров, и они прекратили заниматься нашими поисками в голой степи. А может быть, у них, как и у нас, не хватало боеприпасов.

Позднее мы наткнулись на отряд красной кавалерии, но те не стали делать попыток схлестнуться с нами. Потом мы пообедали на небольшом хуторе вместе с командиром артиллерийской части, приданной к колонне, который оказался очень веселым и острым на язык человеком и выглядел весьма одаренной личностью. Было, вероятно, около 7 часов вечера, когда, преодолев крутой подъем, по которому мы взбирались какое-то время, вдруг увидели перед собой уклон, спускающийся к похожей на болото долине. А там, на холме за ней, находилась наша цель – Карловка, примерно в трех милях отсюда, эта маленькая русская деревенька с низкорослыми, плотными русскими домиками с резными карнизам и мазками ярких красок.

Очень быстро наступила темнота, и это, несомненно, помешало врагу разглядеть нас, но почти сразу же мы услышали пулеметную и винтовочную стрельбу, исходящую со стороны моста, где наш авангард был обстрелян издалека. Также была слышна стрельба справа, как будто наша соседняя колонна тоже

встретила сопротивление.

Когда я взглянул на позицию перед нами, которую нам предстояло взять к концу тяжелого дня, имея 2000 человек, меня поразило, что она была почти неприступна, и ее мог удержать солдат, ребенок с катапульты, если бы у обороняющихся войск был хоть один гран бесстрашия или умения. Меня очень тревожило, как русские справятся с этой ситуацией.

Командующий колонной, командир гвардейского батальона, совсем не проявлял беспокойства и не считал нужным остановить свою колонну или изменить диспозицию. Не была проведена разведка, не было плана ведения огня, одни устные приказы, и через полчаса все батареи расстреляли снаряды, а пехота подобралась к насыпной дороге. Шум мелкого боя гвардии становился все более отчетливым, и мы уже ясно различали вспышки от разрывов снарядов в сгущающейся темноте на нижней окраине деревни.

Вдруг командир колонны остановил своих людей, подозвал к себе нескольких офицеров, провел поспешное обсуждение, и, пока я понял, что может случиться что угодно, колонна вновь тронулась с места. Две роты отделились рысью от главных сил на подводах с двумя пулеметами «люис» и ринулись вниз с холма на подмогу авангарду с огромным шиком; звеня и громяхая мимо нас, подводы на большой скорости подпрыгивали на ухабах, взметая вверх камни и огромные клубы пыли, солдаты вцепились в них, как за свою жизнь, зажав в руках оружие. Несколько человек было ранено, а также две лошади, из-за чего их подводы резко остановились. Одна из них перевернулась, колеса ее вращались, солдаты из нее вывалились в кучу, но вскочили на ноги и отправились вслед за другими.

За ними следовала небольшая батарея «мартини» в испытанном порядке конной артиллерии, громяхая и подпрыгивая на кочках, а остатки основных сил вновь двинулись вперед равномерным шагом, причем батареи 18-фунтовых пушек и гаубиц 4,5 калибра располагались справа и слева от дороги и с лязгом и грохотом вступили в бой. В течение десяти минут резкие, напоминающие треск разрывы показали, что «мартини» вступили в бой для тесной поддержки авангарда, а на удалении мы увидели вспышки и дым рвущихся снарядов, пока полевые орудия пристреливались к дальнему концу моста и окраинам Карловки, ведя неспешный огонь. Они использовали детонаторы мгновенного действия и покрывали всю возможную площадь, стремясь выбить врага с позиций, на которых он мог обосноваться.

Уже почти полностью стемнело, и казалось, что единственными объектами интереса должны быть насыпная дорога через реку и плацдарм, поэтому Холмен, я и Звягинцев скакали легким галопом, пока находились среди солдат, которые к этому времени прыгнули с подвод и медленно, ощупью пробирались вперед. Сопротивление казалось совсем незначительным, но достаточно много снарядов сверлили воздух над головой, будучи, очевидно, крайне плохо наведенными.

Побродив по болотистому месту влево и вправо, мы вдруг наткнулись на мощную дорогу, идущую через болото. На ней уже было несколько наших солдат, и в этот самый момент, к моему крайнему восторгу, мы увидели отряд из колонны, наступавшей справа от нас, часть которой уже перешла реку у Варваровки и подходила к нам на помощь именно тогда, когда мы в этом нуждались.

Все это время наши орудия монотонно обследовали дальний берег реки, но нам надо было, чтобы огонь прекратился, дабы можно было сделать бросок на плацдарм. Поскольку не было никакой телефонной связи, появились усложненный тип пистолета «вери» и несколько влажных на вид патронов. Русские казались озадаченными.

– Что это такое? Для чего это? Как оно действует?

Никто из них не имел понятия, как пользоваться этим пистолетом, пока Холмен не показал им: в надежде привлечь внимание артиллеристов и убедить их прекратить огонь был сделан выстрел. Было подготовлено подкрепление из группы солдат на трех повозках, и тут огонь нашей артиллерии внезапно

прекратился.

– Они увидели сигнал и поняли, – произнес кто-то.

Поближе узнав к тому времени русских, я очень засомневался, но мы решили рискнуть. Так же поступила и пехота, вскочив и изо всех сил бросившись через насыпную дорогу и крича во всю мочь. По счастливому совпадению, те, кто уже бились сейчас с большевиками на том конце, решили закричать «Ура!» и ринуться в атаку как раз в тот же самый момент, и мы лишь могли разглядеть, как они хлынули вперед, размахивая знаменами и тучей несясь вперед к позициям красных.

Мы с Холменом и еще примерно 20 кавалеристами поехали вслед за ними. Мы были осторожны, так как насыпная дорога, если ее грамотно защищать, могла простреливаться, но нас увлекли с собой другие, и мы, топоча, ринулись к деревне, окруженные свирепыми всадниками, размахивающими саблями и стреляющими из винтовок во все стороны. На фронте шла какая-то лихорадочная стрельба, в результате которой пули всюду свистели над головой. Но тут мы ворвались на окраину деревни.

Я видел вспышки винтовочных выстрелов и солдат, бегущих впереди нас и исчезающих за домами, потом прямо передо мной опустело седло, владелец которого перевернулся через конский крестец, вращая руками и ногами, и упал прямо на спину с глухим стуком и лязгом своего снаряжения в облако пыли. Был ли он мертв или ранен, я не знал, потому что нас понесло на улицу, и мы все были слишком возбуждены, чтобы обратить на это внимание.

Задолго до этого я понял, что кто-то должен внести хоть какой-то порядок в ведение наступления, потому что, похоже, оно вышло из-под контроля, но большевики получили достаточно, и мы услышали безошибочные признаки победы: непрерывные звуки трубы, радостные восклицания и дикий цокот копыт, застучавших по каменистой дороге. Затем винтовочная стрельба стала стихать, переходя в спорадические вспышки, пока почти полностью не прекратилась. Похоже, «неприступные» позиции у Карловки стали нашими. Они оказались вовсе не таким уже крепким орешком, в конце концов.

Все мы почувствовали некоторое облегчение оттого, что было оказано небольшое сопротивление, потому что, вопреки нашим намерениям, мы очутились в авангарде наступления и в первых рядах кавалерии ворвались в место сражения. Мы остановились, задыхаясь, чтобы убедиться, что ни наши лошади, ни мы сами не были задеты огнем. Кроме того человека, что упал на моих глазах, мы, похоже, больше никого не потеряли.

Собравшись вместе, мы решили двинуться к центру деревни, – почти совсем стемнело, и мы полагали, что разумней будет держаться поближе к основной массе войск. У большевиков была мерзкая привычка стрелять из-за угла.

Впереди нас стычки все еще продолжались, а на улицах лежали трупы людей и лошадей, перевернутые телеги. Однако, заслышав звук горна, жители стали выходить из дверей своих жилищ, улыбаясь, плача, напевая, хлопая в ладоши и радостно крича, предлагали вино, курево и деньги, пока казаки проносились мимо галопом.

Мы ускорили шаг, но в темноте я отстал от Холмена, и вдруг получилось так, что я скачу один по улицам со странной группой кавалеристов. Они выглядели весьма возбужденными, были обвешаны всевозможным оружием и яростно набросились на меня:

– Стой!

– Я – британский офицер, – неуверенно отозвался я, но они бросили поводья и окружили меня, направив дула нескольких винтовок.

Смуглые бородатые лица уставились на меня из сумрака, и я услышал скрежещущее шипение сабли,

выхваченной из ножен. Эти сабли острые, как бритвы, и я уже повидал, на что они способны, и когда я подумал об этом, совсем упал духом.

– Английски! Англичани! – Я напряг свои мозги, вспоминая те несколько слов на русском, которые сумел запомнить, и похлопал ладошами, показывая на свои пуговицы артиллериста.

Я был совсем не в состоянии объяснить, кто я и что я, но в конце концов они, кажется, догадались, что я – всего лишь один из этих «сумасшедших английских офицеров», и сделал вывод, что они хотят, чтоб я отправился вместе с ними в экспедицию на поиски продовольствия. Меня, однако, беспокоило, что я потерял генерала, и моя собственная компания была для меня куда более предпочтительной, чем их, и я решил поискать штаб колонны, который к этому времени уже должен был где-то обосноваться на ночь в деревне.

Я обнаружил его вокруг потрескивающего огня от костра посреди лужайки на траве, где несколько ординарцев держали темных, разгоряченных лошадей для офицеров, сидевших за столом, а в это время приезжали и уезжали связные. Какой-то человек готовил пищу, а второй опрокидывал бутылку вина. Поодаль в полутьме какая-то группа людей устало брела мимо, а казак в меховой папахе, возможно из эскорта, затачивал широкую саблю до остроты ножа мастера резьбы по дереву. В огне костра клинок отсвечивал красноватым цветом, и казак наклонился над ним с выражением крайней сосредоточенности на лице.

Холмен и Звягинцев сидели среди офицеров вокруг костра и с облегчением встретили меня, потому что уже начали беспокоиться, куда я мог запропасться. Было уже 11 часов ночи, и все мы мертвецки устали, так что, когда меня проводили к моей лошади, я рухнул и заснул на полу деревянной избы, где спали вперемежку самые разные незнакомые офицеры и солдаты. Кто-то шаркал ногами, кто-то бормотал на иностранных диалектах, и стоял запах коней, кожи и ружейного масла, которым они чистили свое оружие. Никаких часовых не было выставлено, и даже мало-мальские шаги не были сделаны для обеспечения безопасности – так что красный бронепоезд, который отстал от своих войск, находился на станции полчаса после того, как мы подошли к ней, и совершенно безнаказанно ускользнул от нас!

Однако к этому времени меня это не волновало. Я устал и был в восторге от того, что, по крайней мере, добрался до фронта.

Глава 7

На следующее утро мы встали рано, намереваясь на всех парах рваться вперед, чтобы к наступлению ночи взять станцию Сельщина. Ночью в избе обнаружили прятавшегося там какого-то большевистского офицера, и до того, как мы ушли, его судили под барабаны военным судом – на основании свидетельства крестьян он был приговорен к смерти и расстрелян. Это был храбрый человек, но для командиров в Гражданскую войну пощады не было, и перед смертью он с завидным хладнокровием выкопал собственную могилу.

Во вчерашнем наступлении погибла моя лошадь, так что на короткое время мне пришлось спешиться, но потом удалось заполучить место в маленькой повозке командира батареи, поддерживавшей гвардейский полк.

Такой способ наступления действовал весьма освежающе, как будто я очутился во временах Мальборо, поскольку сидел в коляске, в которую были впряжены две несущиеся рысью низкорослые лошадки, бок о бок с русским командиром, чей флаг – колоссальных размеров! – развевался с древка на козлах.

Авангард состоял всего лишь из одной роты пехоты да нескольких конных разведчиков, но без какой-либо артиллерии. Тем не менее в основные силы входили две 18-фунтовые пушки и одна батарея гаубиц калибра 4,5, а остальные орудия были приданы другой колонне.

Мост за Карловкой еще не был починен и все еще представлял собой искривленную, покособившуюся массу поломанных и разорванных балок, провисающих до воды или плавающих посреди камыша, так что нам пришлось наступать без поддержки бронепоезда. Я решил, что по этой причине красные поезда, возможно, будут действовать дерзко, если получат хоть какой-то шанс, и сдержат наше наступление, подойдя поближе. Похоже, была возможность преподнести им сюрприз, если мы только сможем незаметно выдвинуть значительно вперед свои полевые орудия. Поскольку авангард, находившийся уже в миле впереди нас, тоже не имел близкой артиллерийской поддержки, казалось, можно было убить одним выстрелом двух зайцев.

Холмен, ехавший верхом во главе колонны, разговаривал с полковником Саксом, артиллерийским командиром, поэтому я одолжил коня, подскакал к нему и повернул беседу к отправке части 18-фунтовиков для подкрепления передового охранения. После долгой дискуссии через переводчиков он повернулся ко мне:

– Достаточно ли будет одного орудия и подводы с боеприпасами?

– Я думаю, да, сэр.

– Давайте попробуйте!

В сопровождении офицера в деревенской подводе отряд был готов двигаться вперед без эскорта и присоединиться к авангарду. Естественно, я счел необходимым отправиться с отрядом и вскочил на передок орудия.

К тому времени, когда мы нагнали авангард, его люди направлялись к окраине небольшой деревни, стоявшей в тени вишен и ив в низине возле линии железной дороги, которая уходила еще на пару миль к горизонту.

– Если бы мы смогли укрыть пушку где-нибудь рядом с деревней, – старательно объяснял я, – мы были бы удобно расположены, чтобы встретить красный бронепоезд, когда он будет подходить. Он просто

должен попытаться помешать нашей пехоте пройти через деревню.

Я изложил свой план на жутком французском младшему русскому офицеру, командовавшему на месте, и, взобравшись на передок, позволил ему установить его орудие на позиции и устроить наблюдательный пост, организовать связь. Командир остановил своих людей на гребне и наблюдал в бинокль, как его разведчики входили в деревню, видимо не встречая сопротивления.

Какое-то время я оставался с авангардом, сидя и куря вместе с солдатами, а когда потом огляделся в поисках орудия, к своему ужасу, обнаружил, что оно расположено, как на ладони, на переднем склоне холма. Позади него мирно паслись тягловые и верховые кони, а рядом стояла маленькая офицерская повозка, и все они были на виду у высоты напротив, занятой красными. Я заматерился, в бешенстве вскочил, отчаянно жестикулируя, отвел лошадей в укрытие и заставил передвинуть орудие чуть вперед, где оно было частично укрыто за складкой местности. Потом мы украсили повозку копнами из кукурузных стеблей и превратили ее во вполне приличный наблюдательный пост. Мы находились примерно в 1800 милях от изгиба линии, по которому вражеский бронепоезд должен был пройти (если вообще пройдет). Полагая, что все сделано нормально, я отправился на поиски Холмена, который находился в авангарде, чтобы доложить ему, что происходило.

Прошло едва ли десять минут, пока я пробирался сквозь высокую, с пряным запахом траву и низкорослый кустарник, когда вполне отчетливо увидел, как над кромкой уступа холма появился большевистский бронепоезд и стал медленно спускаться по склону перед нами на расстоянии около 4500 миль. Он только раз остановился, чтобы сделать несколько выстрелов по деревне. Мы ждали, пока он не окажется в нужной для нас точке. Я ждал в напряженном молчании, внимательно следя, как он опять остановился, а в это время стволы его пушек медленно поворачивались в поисках цели. В неподвижном воздухе я даже слышал звяканье орудийных портов, когда еще одно орудие стало готовиться к бою. На борту бронепоезда было написано какое-то русское слово на кириллице, возможно, его имя – у них у всех были звучные и воинственные имена, – и я чуть ли не ощущал запах металла, чуть ли не видел глаза, нервно вперившиеся взором сквозь орудийные щели.

– Давай, давай! – шептал я, все еще ожидая треска возмущенного 18-фунтовика.

Но ничего не происходило. Что случилось? В бешенстве я бросился назад к орудийной позиции.

Колонна дожидалась обеда, а канониры спали на солнышке!

Я растолкал их, кипя от злости:

– Заряжайте же эту проклятую пушку!

Я бушевал, пока они стремительно разбежались по своим местам. В ярости я пошел на наблюдательный пост, где офицер, которому сообщили, что бешеный англичанин ищет его, медленно потягивался после дневного сна. Он украсил свою телегу снопами и, довольный, спал под ними, спрятавшись от солнца.

Мы взобрались на козлы и встали рядом, обозревая в бинокли окрестности из-за кукурузного снопа. Уже совершенно отчетливо был виден бронепоезд, стрелявший из своей трехдюймовки по гребню холма справа от нас, где появились наши отряды, разогнав их на мелкие бегущие группы и загоняя их под укрытие ложбины.

Русский младший офицер отдавал команды – на русском, так что я не мог быть абсолютно уверен в их правильности, хотя на линию цели он вышел очень неплохо – и через две или три минуты взял поезд во вполне удовлетворительную вилку. В него попали два снаряда, и я увидел, как кусок металла с жужжанием вырвался откуда-то из передней башни и упал в высокую траву, а из паровоза вырвалось облако пара.

Попадание в бронированную платформу вывело ее из строя, и ее команда, как зайцы, бросилась к свободному паровозу, который мчался к месту на всех парах, чтобы разведать, что произошло. Он двигался чересчур быстро, чтобы мы могли попасть в него, да и орудийный расчет был чудовищно медлителен, и как раз пока я надеялся произвести эффективные выстрелы по поезду, большевики пришли к выводу, что «причина их проблем» находится где-то в нашем направлении, и туда, где располагался наш наблюдательный пункт, обрушилась добрая порция шрапнели и бризантных снарядов с заднего орудия бронепоезда, падая на гребень и позади него. В 50 – 100 ярдах от нас взметнулись земля и камни. Я увидел, как прислуга стала разбегаться, а залитая кровью лошадь ускакала прочь. Рядом еще одна, с переломанными ногами, пыталась подняться, с храпом вскидывая голову, а подковы ее скользили по камням.

Несмотря на обстрел, я начинал радоваться, как вдруг по неизвестной причине, уже добившись двух прямых попаданий в поезд и намертво остановив его, товарищ рядом со мной на козлах вдруг сменил бризантные снаряды, которые снесли бы вражеский поезд с рельсов, на шрапнель, совершенно бесполезную даже против тонкой брони вагонов. Он терял ценный шанс нанести какое-нибудь серьезное повреждение, и я бурно запротестовал.

– Ради бога, только не шрапнель! – кричал я.

Но бесполезно. Я замечал, что он мрачнел при моем постоянном вмешательстве, особенно когда я пытался поторопить его с отдаванием приказов, и я удивлялся, что бы сказали хорошо известные инструкторы в артиллерийской школе в Ларкхилле в Англии при виде британского канонира, стоящего на козлах древней четырехколесной коляски с парой лошадей под палящим солнцем посреди русских степей и старающегося подбить бронепоезд – на мгновение застывший и совсем беспомощный – с помощью таблицы дальностей и шрапнели! Однако это было русское, не мое орудие, но наши совместные попытки, по крайней мере, заставили врага замолчать, причинив повреждение в паровозе и передней орудийной башне.

Я сделал последнюю попытку.

– Попробуйте бризантные снаряды, – сказал я.

– Мы предпочитаем шрапнель, – ответил русский.

– Это будет бесполезно.

– Так мы сможем перебить паровозную команду.

– К черту команду! Мы можем раскрошить весь поезд и захватить много всего – команду, солдат, чего угодно! Сейчас как раз время нокаутировать его, пока он неисправен!

В конце концов мне удалось убедить русского, и тут появился один из его унтер-офицеров на коне и начал ему что-то кричать. Младший офицер бросил в мою сторону мимолетный торжествующий взгляд, а потом снова повернулся к унтеру. Его бледное лицо помрачнело, и он снова затараторил на русском.

– Господин майор, – произнес русский командир, обращаясь ко мне, – наш небольшой запас снарядов кончился. Не осталось ни одного снаряда!

Я был готов взорваться от негодования, но канониры, похоже, снова стали с раздражением подумывать о том, как бы поспать, и некоторые из них уже устраивались на земле. Похоже, я ничего не мог поделать с ними, так что я одолжил лошадь и во весь опор помчался на поиски Сакса, чтобы выпросить у него снарядов или ввести в бой еще одну батарею и прикончить бронепоезд. Неожиданно наткнувшись на него, я потащил его к месту, откуда можно было видеть застывший без движения поезд, который сейчас вел лишь пулеметный огонь по нашей пехоте, находившейся вдали от него – их снаряды, вероятно, тоже

израсходованы! – а в это время специалисты трудились над паровозом, стараясь отремонтировать его и привести в движение.

– Нам необходимо ввести в бой гаубицы калибра 4,5 и уничтожить его! – заявил я.

Он весело рассмеялся.

– О нет! – радостно ответил он. – В этом нет необходимости. С поездом уже покончено. Сейчас наша пехота возьмет его!

Я не согласился с ним, и действительно через какую-то четверть часа над отдаленным поездом появился дым, и медленно и бесшумно он ушел, не получив в свою сторону ни единого выстрела, который мог бы помешать его отходу. Я был вне себя от ярости.

Состоялась небольшая, но волнующая и истеричная дуэль, и добиться столь многих попаданий, равно как и найти правильное удаление и прицел, сделав не более 50 выстрелов с такими жутко неумелыми артиллеристами, – это, невзирая на мое бешенство, было на самом деле вполне удовлетворительно. Вражеские удары по нашим войскам были уж слишком хорошо нацелены, чтобы оказаться приятными, а артиллеристы бронепоездов обеих сторон всегда целились в людей. Однако вражеская шрапнель взрывалась слишком высоко, а бризантные снаряды красных, если взрывались далее 20 ярдов от вас, были не очень опасны, поскольку из-за своей ошибочной конструкции они не взрывались, а раскалывались на мелкие куски. Однако совершенно необычна была ситуация с русскими солдатами, которые куда больше тревожились о своем сне, чем о боевых действиях.

Ответный огонь вражеского бронепоезда был главным образом направлен против нашей пехоты, и немногие снаряды, прилетевшие в нашем направлении, были совсем неэффективны, а ведь будь вражеские канониры точнее, они легко могли вывести нас из строя. А я сидел на козлах старой повозки посреди кукурузного поля, которая была замаскирована снопами, но над ней все еще развевался бело-сине-красный флаг. Это было в самом деле нелепо – отдавало какой-то оперой-буфф, – хотя фактически ситуация была куда более грозной, чем я представлял, и стала бы катастрофической, если бы врагу пришлось в голову проявить инициативу и двинуться на нашу пехоту.

Похоже, артиллеристы сочли, что сегодня они достаточно потрудились. Я присоединился к командиру передовой роты главных сил пехоты, которая должна была продвигаться вперед, но пока мы ожидали на самом краю деревни, большевистская батарея, должно быть стрелявшая на пределе удаления, начала вести поиск и уничтожение колеи, по которой нам предстояло продвигаться. Поэтому пока рядом рвались снаряды, швыряя в воздух камни и куски земли и мимо нас неслась всякая дрянь, мы уселись за стеной маленького двора, чтобы пообедать. Я в мыслях вернулся к временам войны «стенка на стенку» сентября 1914 г., и мои сотоварищи почти напоминали мне офицеров британского батальона, с которыми я занимался выполнением небольших обязанностей по связи.

Огонь скоро ослабел, и мы опять ринулись сквозь деревню, где я нашел Холмена на самой передовой позиции с авангардом, возвышающимся над всеми и находившимся в совершенном восторге. Несмотря на мелкие задержки в пути, колонна ни разу надолго не останавливалась и не была вынуждена развернуться, но нам еще предстояло немало пройти, чтобы выполнить поставленные на сегодня задачи. Опять в бой вступили батареи, обстреливая всякую появляющуюся на виду цель, а также прикрывая наступление нашей пехоты, но нам удавалось продвигаться без помех, если не считать редких обстрелов наших конных разведчиков.

Примерно в 4 часа дня мы оказались на подходе к небольшой деревушке в двух милях от Селешины, и по какой-то причине, которую я так и не выяснил, вся колонна вдруг перешла на рысь, и скоро мы на

полном галопе ворвались на главную улицу. Колеса повозок поднимали жуткую пыль, заставляя кур и рогатый скот метаться между домами, и сквозь пыль я различал испуганные лица женщин. Потом сквозь бодрящий звон и лязг боевого снаряжения и выкрики солдат я слышал легкий смех местных жителей, которые вдруг замолкли при виде проходившей мимо подводы. На ней было разорванное тело человека, руки которого были раскинуты в стороны, голова подскакивала вверх и вниз на досках, лицо было изуродовано ударом сабли, щека свисала там, где была рассечена ударом кривого лезвия.

Мы с Холменом подключились к передовому охранению и шли с ним, пока станция, к которой мы направлялись, не стала отчетливо видна примерно в миле от нас. Велась беспорядочная стрельба, но было похоже, что вражеский арьергард не особо стремился вступать в бой, и наши солдаты рвались вперед.

День был жаркий, и все мы очень устали, особенно русские офицеры, которые всегда выглядели усталыми, и уже раскладывали одеяла в своих телегах, но я ускакал на левый фланг, чтобы разведать местность. Меня также интересовала железнодорожная линия, и я собирался осмотреть и ее, как вдруг заметил большевистский бронепоезд, стоявший совершенно неподвижно всего лишь в 700 ярдах, очевидно, в позиции для ведения продольного огня, когда весь авангард пройдет мимо этого места. Однако красные, должно быть, тоже были сонными, потому что меня так и не заметили, и я пришпорил свою лошадь, развернулся и ринулся назад к Холмену. Показав ему и русскому командиру на поезд, я уговорил русских развернуть отряд в боевой порядок справа и отвести людей в укрытие.

В этот самый момент каждая сторона обнаружила присутствие противника, и нам пришлось нырнуть в укрытие, потому что по нас открыли ожесточенный винтовочный и пулеметный огонь. Мы немедленно ответили, и в бой с поездом вступили наши батареи и основные силы, а тот, решив, что уступает в силах, быстро укатил. Еще через полчаса авангард, где мы с Холменом ехали в середине линии огня, отбросил немногих уцелевших красных от станции Селещина и без труда захватил ее.

После взятия этой железнодорожной станции были организованы тщательные поиски большевиков, которые могли бы прятаться поблизости, и войска начали прочесывать дома с оружием на изготовку. Стены и окна были разбиты, а полы загажены лошаадьми и воняли человеческими экскрементами. Мебель была изрублена саблями, зеркала разбиты, а книги сожжены, и из обломков был извлечен один несчастный комиссар. Его личность, вне всяких сомнений, была установлена по имевшимся при нем документам и по его красной звезде – кокарде.

Под конвоем унтер-офицера и двух солдат этого жалкого человека подвели к группе из трех офицеров, с которыми я разговаривал. Ему было бесполезно отрицать свой статус, и он не мог надеяться на спасение. Тут же два молодых гвардейских офицера, с которыми я трудился и воевал в течение последних сорока восьми часов, казалось, сбросили с себя одежды изысканных манер, которыми они так естественно прикрывались, и обнажился первобытный человек, переполненный ненавистью Гражданской войны.

Дрожащего комиссара били по лицу и по голове, пока не потекла кровь, его оскорбляли, осыпали бранью и угрожали смертными муками. Было ясно, что ему предстоит пройти через неопишуемые и неисчислимыи муки, и я заспорил с одним из офицеров, в конце концов вынул револьвер и заявил, что не в состоянии долее видеть такую жестокость. Офицер со злостью повернулся ко мне, отведя мою руку вниз.

– Мы гордимся и благодарны за то, что вы сражаетесь рядом с нами и помогаете нам, – резко произнес он, – но вы не в состоянии разобраться в обстоятельствах с русской точки зрения.

Похоже, каждый из троих, стоявших возле меня, потерял родных и друзей, а также собственность от рук большевиков при самых жестоких обстоятельствах, а этот человек был типичным образцом комиссаров.

– Если б мы попали в руки большевиков, – продолжал он с яростью, – нас бы пытали. Мы не пытаем

этого комиссара, мы только запугиваем его, надеясь, что он выдаст других сочувствующих большевикам в этих местах.

Все они ссылались на резню морских и армейских офицеров матросами Черноморского флота в Севастополе, где несчастных жертв выстраивали на палубе и предлагали сделать выбор между «горячей смертью» и «холодной смертью». Если офицеры выбирали «горячую», то их привязывали к доске и понемногу заталкивали в корабельные топки. Если те выбирали «холодную смерть», то к их ногам привязывали железные брусья и бросали жертв в море. Они также возбужденно рассказали мне о некоторых ужасных зверствах, совершенных против их женщин – родственниц в Петрограде в 1917 и 1918 гг., и утверждали, что этот пленный – тот тип человека, что подстрекал на такие действия и поощрял их, а поэтому он более виновен, чем те безграмотные, которых возглавляли эти агитаторы.

– Это, – заявил первый, – просто личный вопрос между нами и ним. Когда такое произойдет в Англии, возможно, вы сможете нас лучше понять! А сейчас, пожалуйста, займитесь своим делом!

Если взглянуть на все это объективно, я должен был с ними согласиться, но, поскольку за последние два дня мы с ними стали очень добрыми друзьями, я уговорил их больше не трогать этого человека, и его увели и повесили без лишнего шума.

Было уже довольно поздно, а все мы чертовски устали, поэтому устроились в деревне поблизости от станции, намереваясь начать наступление на Полтаву рано утром следующего дня. Однако примерно в 8 часов вечера на «вокхолле» приехал Звягинцев в состоянии крайнего возбуждения. В Карловку поступали сообщения о постоянном присутствии Холмена на передовой и энтузиазме, с которым его встречали русские войска.

И Звягинцев, и Винтер пытались уговорить его воздержаться от участия в завтрашнем бою.

– Генерал – слишком важная личность, чтобы подвергать себя опасностям, которые может повлечь такого рода партизанская война, – объяснял Звягинцев.

Потом он продолжал несколько робким тоном.

– Кроме того, – сказал он, – русские генералы не имеют привычки посещать передовые позиции, и это может задеть их чувства. Для российского командования было бы удобнее осуществить окончательное взятие Полтавы своими силами, а для генерала – оставаться в качестве гостя, чем идти впереди с воюющими отрядами.

Поэтому с огромным сожалением мы уселись в «вокхолл» и поехали назад в Карловку, где опять сели на поезд. Поздно вечером, узнав, что 1-я гвардейская бригада уже на окраине Полтавы, мы двинулись вперед и прибыли на станцию следующим утром.

Однако лишь в полдень нам разрешили поехать в город, поскольку там предстояло сделать большую работу по прочесыванию, а кавалерия Топоркова все еще собирала запасы и пленных, которым путь бегства на север был перерезан. Мы также захватили три бронепоезда и несколько паровозов.

Появились люди с коробками патронов, оружием, одеждой и продуктами. У одного или двух на поясе висели приконченные куры, а сзади бежал, громко протестуя, их хозяин. Появились пленные, которых били, подталкивали, которые спотыкались под ударами винтовочных прикладов, некоторые были ранены, и все – в состоянии ужаса.

– Я помню, как находили трупы в Мигулинской, – произнес кто-то с горечью. – У них были отрезаны пальцы, а глаза выдавлены. Десяток человек похоронили заживо.

У многих пленных были при себе значительные суммы денег, а их офицерский багаж был набит всевозможными вещами вроде сахара и табака, мехов, ковров, хрусталя, мебели и даже фортепьяно.

Несмотря на вызванные обстрелом разрушения, рухнувшие дома с их плачущими владельцами и хаотично разбросанные трупы, вокруг слышалось много смеха, из рук в руки передавались бутылки и сигары, а из-под меховых казацких шапок на меня с ухмылкой смотрели свирепые глаза. И я с удивлением подумал, что так было, вероятно, в течение столетий. Так, должно быть, казацкие группы налетчиков входили в пограничные деревни, чтобы собрать свои трофеи и выкрасть женщин. Невероятным выглядело то, что и я участвовал в этом, но уже в XX столетии.

Полтава была симпатичным крупным провинциальным городом с обычным парком и садами, где все еще прогуливались люди, как будто ничего вокруг не происходило. Несмотря на выводимые из города колонны пленных, расположившиеся на улицах войска и синий дым костров, где готовилась еда, женщины в своих сельских платьях все еще выводили детей на прогулку. Появилось около дюжины мальчишек, самому старшему было не более четырнадцати, с большевистскими винтовками через плечо величиной с них самих, и они заявили, что собираются выслеживать красных. Один из них, не выше оружия, что было при нем, утверждал, что уже пристрелил нескольких.

Нас всех пригласили на ужин и концерт в нашу честь, и было предложено собраться в Дворянском собрании (впоследствии названном «Дворцом народа»!).

Прибыв на место, мы должны были входить порознь, в это время оркестр играл традиционную приветственную мелодию, а наши хозяева дружно и шумно хлопали в ладоши. Большой зал выглядел впечатляюще с его стенами, увешанными массивными позолоченными картинными рамами, заключавшими в себе разорванные портреты. В старое время это были изображения местных знаменитостей и помещиков, к тому же один в конце комнаты, из которого был вырван двуглавый орел, явно принадлежал самому царю. Однако прежние обитатели были вырваны из рам в первые дни революции и заменены на популярных героев новой демократии – Ленина, Троцкого, Чичерина, Луначарского, Зиновьева и Дзержинского. Последние, в свою очередь, сейчас были изорваны в клочья и свисали из рамок унылыми полосками после того, как были изрезаны штыками взбешенных белых солдат либо сегодняшним же утром были использованы в качестве мишеней при тренировочной стрельбе из пистолета. Кто-то из своей винтовки умело выбил Ленину глаза.

В конце зала находилась концертная площадка, а остальное пространство было занято двумя длинными столами, завершавшимися приставным столом, за которым сидели почетные гости. Сыгравший для нас приветствие оркестр лишь сорок восемь часов назад играл для большевистских руководителей, а развлекавшие нас артисты занимались тем же самым. Среди них была очень привлекательная польская дама, которая, как мне сказали, была очень хорошо известна в Москве и помимо того, что исключительно приятно пела, еще и насвистывала под свой же аккомпанемент на фортепьяно. Там был также и великолепный тенор, а также два скрипача, которым не стыдно было бы играть и для избранной лондонской публики.

Однако самой волнующей частью этого вечера был восторг наших хозяев и их радость оттого, что они освободились от власти красных. Здесь присутствовали многие члены самых известных в России семей. Старые генералы откопали свои полинявшие мундиры и повесили эмблемы, ордена и эполеты, которые со времени революции тщательно прятались. Были извлечены драгоценности и платья трех-, четырех- и даже пятилетней давности, и образованные и привлекательные женщины, перенесшие страшные потери и трудности, вновь окунулись в наслаждение смены нарядов. Большинство из них последние восемнадцать месяцев провели в бегах, работая горничными или служанками в собственных домах, чтобы избежать внимания вездесущей Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, которая столь рьяно выслеживала сторонников старого режима, фабриковала против них фальшивые обвинения и беспощадно приговаривала к тюремному заключению либо смерти.

Они делали все, что могли, чтобы показать свою признательность любому, кто хоть в какой-то степени помог их освобождению, и примерно в 11 часов ночи столы были убраны и начались танцы, и лишь в час ночи я ушел оттуда вместе с двумя офицерами из штаба генерала Гаймана. Однако наша машина не завелась, и мы пошли пешком вниз по склону к станции, когда с грохотом и звоном колокольчиков мимо нас пронеслась какая-то машина. Полтавские пожарные машины были такие же, как и большинство других, хотя и немного старомодные, но русские пожарные в их латунных шлемах, похоже, были более склонны использовать эту возможность для поиска собственности других людей, надеясь поделить добычу, оставшуюся от пожара. Это было совсем не по душе несчастным домовладельцам, и разгорались ожесточенные споры, слышались крики, пока пожар, начавшийся в еврейском квартале вскоре после прибытия туда кавказской кавалерии Топоркова, не догорел сам по себе.

Я решил держаться подальше от этого конфликта и пошел к станции один. Выходя из ворот, выглядя очень свежо и изысканно, я заметил женщину, поставившую провизию в столовую к Гайману, которая, как я обнаружил, только что была на овощном рынке, где купила овощи, хлеб и яйца, чтобы пополнить запасы на поезде. Полагая, что ложиться спать уже слишком поздно, я предложил ей свою помощь и счел для себя обязательным забрать добрую толику продуктов для нашей собственной столовой.

Я вернулся в свой вагон, и меня вызвали в поезд Гаймана. Там все еще бодрствовали два или три кубанских офицера, и меня усадили за стол, на котором были вкрутую сваренные яйца, редиска и водка – и это в 6 часов жаркого летнего утра, после трех самых захватывающих дней, какие только можно себе вообразить! Я устал как собака, но вся атмосфера была так полна новизны, пафоса, приключений и всех прочих ощущений, из-за которых стоит жить, что я решил не идти спать, иначе упустил бы еще более захватывающие впечатления. Вскоре после этого я прилег на несколько часов, помня, что в час дня нам надо ехать на смотр войск и награждение Холменом британскими медалями офицеров и солдат, рекомендованных к поощрению за выдающуюся службу во время боевых действий.

Все происходило перед огромной толпой на парадном плацу и, конечно, сопровождалось обычным торжественным благодарственным молебном на открытом воздухе. Восторг перед Холменом был столь велик, что он был удостоен огромного, но неудобного комплимента – его три раза подбросили вверх и поймали образовавшие группу несколько молодых мускулистых казачьих офицеров.

Мы вернулись в поезд совершенно измотанными. Похоже, в Полтаве больше делать было нечего, так что вся наша компания, лошади, повозки и т. д. были собраны и усажены на поезд. С докладом из Харькова прибыл Линг с переводчиком, и, попрощавшись, мы разошлись по купе и решили оставаться в них до того, как паровоз, тянувший до Харькова бронепоезд, к которому мы были прицеплены, тронется с места.

Холмен не хотел тратить много времени на Харьков и управился с официальными визитами к генералу Май-Маевскому и генералу Беляеву. Я много слышал о Май-Маевском, но он оказался даже лучше, чем его описывали. Если б на нем не было мундира, его можно было бы принять за красноносого комедианта из провинциального английского театра. Он был совершенно кругл, полнощеким, а нос – в форме луковицы, но имел репутацию хорошего офицера, хотя и жутко пил, и его запои были скандальными.

Мы также посетили место резни, устроенной большевиками перед оставлением города. Огромное число мужчин и женщин было расстреляно и похоронено в общей могиле, и нам были представлены приводящие в ужас фотографии.

Я позволил себе посетить железнодорожные мастерские, которые отчаянно нуждались во многих важнейших вещах, а потом, прогуливаясь по городу, обнаружил отличное венгерское токайское вино, которое осталось после красных, и сумел очень дешево купить несколько бутылок. Однако все мы теперь очень хотели попасть на другой фронт, потому что генерал стал понимать, что существующая система связи

страдает дефектами, и захотел реорганизовать всю миссию на более практичной основе.

Из Харькова он поехал прямо в Екатеринодар, оставив меня по пути в Ростове, откуда я вернулся в Новочеркасск. Он обещал забрать меня через несколько дней на обратном пути, чтобы посетить Донскую армию и сравнить ее с тем, что мы только что видели в Добровольческой армии.

Он уже принял решение запросить больше офицеров из Англии и избавиться от всех уже ненужных в Южной России.

Глава 8

Вернувшись в Новочеркасск, я узнал, что новые батареи ушли на фронт, а снаряжение поступает более удовлетворительно. Сержант-инструктор, правда, умер от холеры, но Ангус Кемпбелл успешно справился с приступом тифа и отправился на базу на пути в Англию. Донская армия все еще упрямо наступала на Лиски и в северном направлении, а в Новочеркасск прибывали всевозможные поставки, хотя эти материалы распределялись по войскам очень медленно.

Я поехал повидаться с Абрамовыми и Рештовскими, а также заглянуть к Алексу Смагину и его жене.

Прибыла новая партия беженцев с севера, и все разговоры вращались вокруг старых друзей. Однако когда они говорили о своих надеждах и опасениях, подспудно ощущалась неуверенность, но когда Алекс пустил по кругу водку, как он всегда ухитрялся делать, у всех сразу же поднялось настроение.

– Пей до дна! – воскликнул Алекс. – На Рождество – в Москве!

Все достаточно воодушевленно выпили, но сомнение не исчезло.

– А что, если большевики придут сюда? – спросила Муся.

– Не придут, – твердо ответил я. – Мы наступаем на север.

– Мы и до этого наступали на север, – возразила она. – Но что, если они придут?

– С вами ничего не случится, – заверил я. – Мы взяли на себя ответственность за вас всех. Все, что вам потребуется, – это уложить свой багаж.

Она рассмеялась, но в этом смехе был тонкий налет грусти.

– У меня нет багажа, – произнесла она. – Вообще никакого.

Она показала браслет, весь из исключительно искусно расписанных финифтью пасхальных яиц, выполненный знаменитым ювелиром Фаберже.

– Это мой багаж, – сказала она. – Он весь уместится у меня в кармане. Драгоценности – это единственно надежная вещь, которую можно иметь в наше время. Всегда можно поесть, если они у тебя есть. Я храню свои до самой последней минуты. – Она прикоснулась к браслету. – В петроградском обществе был всегда популярный пасхальный подарок, – продолжала она. – У нас у всех были эти вещи. И возможно, его я продам следующим.

Следующие несколько дней я встречался со Смагиными много раз, так как знал, что, как только вернется Холмен, я опять буду очень занят. И действительно, как только он приехал, меня затащили на обед к Сидорину домой, и в тот же день я уехал поездом Холмена в штаб 3-го Донского корпуса в Кантемировке. Мы коротко поговорили с командующим, генералом Ивановым, и попытались спланировать свою дальнейшую поездку. И от нас, как всегда, отделались.

– Сейчас весь фронт в движении, – заявил Иванов.

Штаб корпуса, как обычно, с неохотой отпускал нас на передовую, но в конце концов их удалось переубедить тем, что нам дали дополнительный эскорт из офицера и 15 казаков, и тем же вечером мы отправились на север.

Однако мы задержались на железнодорожном мосту через Черную Калитву, который был ранее взорван и все еще ремонтировался, и, несколько рискуя сломать временную эстакаду, проложенную казачьим саперным батальоном, вручную перетащили через нее поезд Холмена по одному вагону и в конечном итоге на следующее утро остановились на станции Сарпина. Там мы увидели батарею 18-

фунтовок, которая примерно три недели назад получила свои британские пушки. Однако, просматривая одну партию снаряжения за другой, мы нашли их в ужасном состоянии. Были утеряны (либо вообще не поступали) все запасные пружины, не было масла для тормозов отката, а самый главный начальник отсутствовал. Командира батареи, видимо, мало интересовало или не интересовало вообще наведение порядка или приведение батареи в боевое состояние, и в результате он был отстранен от руководства.

Штаб 5-й дивизии находился в деревне Сарпина, где мы пообедали с командиром дивизии. Под началом у него было всего лишь 2000 человек, разбитых на группы, воевавших на правом берегу Дона и стремившихся войти в соприкосновение с 3-й дивизией, чей штаб располагался в Павловске. Им было приказано взять Лосево, переправиться через реку Битюг, очистить территорию до Дона и в конечном итоге наступать на Бобров.

Очевидно, Лосево было взято в течение последних двадцати четырех часов, но правый фланг 3-й дивизии как бы повис в воздухе из-за неуверенных действий 1-й дивизии на этом фланге и сообщений о перегруппировке большевистских сил еще далее вправо в районе Бутурлиновки.

Адъютанты Холмена Робертс и Гарольд Уильямс следовали за нами с транспортом, а генерал со Звягинцевым и со мной спешил на машине, чтобы после полудня доехать до Павловска. Переправа через Дон по главной эстакаде – временной решетке из дерева, установленной взамен исходных опор, – стоила нам больших трудов, потому что попался очень упрямый часовой.

– Английский! – твердили мы ему. – Мы – английские офицеры!

Но часовой был либо туп, либо наслаждался неловкостью старших офицеров, потому что отказывался сдвинуться с места, и, лишь когда Звягинцев взбеленился, часовой позволил нам проехать.

Оставив машину в Павловске, мы наутро отправились в Лосево. Штаб 3-й дивизии, однако, опять переместился вперед между Доном и Битюгом, и мы, в конце концов, застали его поздно вечером в Бересово, то есть примерно в девяти милях дальше. Командир дивизии генерал Кривов подробно рассказал нам о своей дивизии.

– У нас очень мало сил, – заявил он, – и вообще нет ни британских мундиров, ни британской артиллерии, ни пулеметов.

Это было обычным делом. Хотя штаб Донской армии одно время утверждал, что имеет под ружьем 100 000 человек, я побывал на всех фронтах и нигде не видел более 3000-4000 человек одновременно на любой передовой, и все были ужасно оснащены.

Кривов в самом деле создал у нас впечатление, что о дивизии никто не заботится из-за ее столь дальней дислокации от станции снабжения. Следующим утром ей предстояло наступать на Осиновку, но наши лошади были слишком изнурены, чтобы добираться на них до фронта для присутствия при боевых действиях. Но из-за ливня и того, что 60 процентов снарядов русского производства не взрывались, бои не принесли успеха. Однако утром мы поехали и встретились с генералом Филимоновым, командиром 2-й пехотной бригады, и генералом Игомоновым, чей полк, 12-й, проводил атаку.

Филимонов, осторожный, слабохарактерный человек, был очень резок в выражениях.

– Мы потерпели поражение из-за провала нашей артиллерии, – заявил он. – У нас никогда не было в достатке снарядов.

Что-то в его критике, конечно, касалось меня по той простой причине, что я был артиллеристом.

Из его окопов можно было разглядеть большевиков примерно в 900 милях по ту сторону низины, но, похоже, ни одна из сторон на тот день не имела каких-либо враждебных намерений, и Холмен попросил вызвать какой-нибудь взвод из 12-го полка, чтоб получить представление о его экипировке. Были

продемонстрированы 12 солдат прямо из окопов, и я никогда в жизни не видел столь жалкого зрелища. На всех было только пять пар ботинок, у одного солдата не было винтовки, а у другого винтовка была забита грязью. Одежда висела лохмотьями, у одного не было штанов, и он ходил в кальсонах, и все выглядели заморенными. Как могли воевать так жутко экипированные люди? При столь огромном количестве поступающих в страну британских мундиров в первую очередь надо было одеть их, а не чиновников в штабе или уклонявшихся от отправки на фронт офицеров в Новочеркасске.

Разъяренный Холмен повернулся к своим.

– Мы немедленно поедem в Таганрог и Новороссийск, – произнес он. – И посмотрим, как можно ускорить распределение запасов.

Мы поспешили к железной дороге через Павловск, но там, к несчастью, традиции местного гостеприимства в стремлении развлечь нас проявились в высшей степени, и было трудно ими пренебречь. Была постановка пьесы Чехова – но мы были здорово измотаны, да и шла она на русском, так что большую ее часть я проспал.

По прибытии в Новороссийск мы провели три напряженных дня, занимаясь сбором всевозможных запасов. Холмен вознамерился взять на себя комплектование полевых госпиталей, а также медицинского оборудования при поездке в Кавказскую армию Врангеля, которую он предполагал посетить следующей. Он также за невероятно короткое время собрал 2000 полных комплектов униформ и снаряжения, надеясь экипировать одну или две врангелевские воинские части. Я подготовил много оружейных запасов, бинтов и госпитальных принадлежностей и закупил много таких рационов, как чай, сахар и консервированное молоко, а также консервированную пищу, джем и конфеты, которые выдала мне базовая столовая, так что, как только моя поездка с Холменом завершилась, я мог самостоятельно делать то же самое для донских казаков. Почти невозможно было достать одну очень важную вещь – виски, хотя я заметил, что у обитателей базы его было полным-полно.

В Екатеринодар мы вернулись 19 августа, когда меня привили от холеры. Я с нетерпением жаждал вновь приступить к работе, как вдруг получаю ошеломляющую новость от Холмена.

«Вам было бы лучше возвратиться в Новочеркасск, – передавал он, – и заняться подготовкой к прибытию товарного поезда с материалами, который формируется на базе для Донской армии. Я буду принимать все, что мы уже подготовили на Царицын для Врангеля».

Меня уже лишали поездки на Царицынский фронт и моих запасов для донских казаков, но на следующее утро я сидел за завтраком на своем обычном месте в вагоне-ресторане Холмена, стараясь сохранять наименее мятежный вид, и тут вошел Холмен. Я встал, чтобы произнести «Доброе утро!», и вновь сел в мрачном молчании. Он какое-то время рассматривал меня, не говоря ни слова, потом я услышал, как он с лукавой усмешкой произнес:

– Я вижу, Уильямсон сидит здесь, как будто собрался ехать в Царицын.

Я сделал вид, что не обращаю на это внимание, и он какое-то время понаблюдал за мной.

– Как пойдут дела в Новочеркасске, если вы еще позже вернетесь туда? – спросил он.

– Все будет нормально, сэр, – ответил я.

Вопрос был решен, и я остался в поезде.

Мы уехали в ту же самую ночь и прибыли в Бекетовку 23-го числа, где обнаружили воюющие в рядах врангелевской Кавказской армии звено «С» 47-й эскадрильи Королевских ВВС и 1-е Кубанское звено «нюпоров». В Царицын мы приехали после полудня. Когда город взяли врангелевские войска, он находился в ужасном состоянии. Много людей было убито, дома и магазины разграблены, повсюду

буйствовала эпидемия. Смертность была огромная, и в водосток за городом были сброшены тысячи трупов. Потребовалась неделя, чтобы всех захоронить и расчистить улицы от мертвых лошадей, которых было убрано более 400, но Царицын вновь ожил, открылись его магазины и рестораны. Только что был освобожден из тюрьмы и провел благодарственный молебен в соборе архиепископ, который вынужден был вместе с другими священниками скрываться в пригороде.

К сожалению, город оставался грязным и пыльным, с неприбранными улицами, и, казалось, никакого ремонта или реконструкции домов не велось годами, к тому же здесь никто не занимался вывозом мусора. Благодаря своему местоположению в излучине Волги город, конечно, всегда был большим рынком для торговли товарами, проходящими с Востока на Запад и наоборот, но определенно имел немного естественных достоинств.

Мы встретили Врангеля и его начальника штаба генерала Шатилова после полудня того же дня, и оба показались нам очень энергичными и талантливыми людьми. Врангель был чрезвычайно высоким человеком, худощавым, как гончая, потрясающей личностью, которая, казалось, вполне могла управлять своими войсками. В первые дни революции он был в Петрограде, и, пока другие офицеры надевали красные повязки, чтобы спасти себе жизнь, он решительно отказался делать это и был готов встретиться лицом к лицу с мятежниками и революционерами: его роста и величавого вида было достаточно, чтобы уберечься от неприятностей.

Когда в конце концов его арестовали и посадили в грязную таможенную вместе с другими генералами, молодыми офицерами, студентами и обычными бродягами, матросы и красногвардейцы за стенами хотели казнить Врангеля, но его жена, отказавшаяся оставить его одного, спасла его, и он не присоединился к группе пленных, которых расстреливали за дверями. Было убито более тысячи офицеров, а тела их сбросили в воду, но Врангеля освободили. А когда отбирали деньги, одежду и драгоценности у тех, кто их имел, Врангель спас свои семейные драгоценности и деньги, спрятав их в торсе и в голове кукол своей маленькой дочери, а меха и кружева – под грудой древесного угля.

Войска его обожали, но у него не было времени на разборки с дезертирами, и, когда на него надвинулись большевистские полки, он вербовал солдат простым методом, расстреливая на месте всех офицеров и младший состав и предлагая остальным делать свой выбор. Большинство не колебалось.

Во время нашего приезда ситуация на этом фронте была все еще очень неопределенной. Наш старый друг генерал Гайман из Полтавы вернулся в Кавказскую армию, но считался ответственным за сдачу Камышина, важного города в 100 милях к северу от Царицына на западном берегу Волги, и, так как его подозревали в спекуляции мукой, награбленной в Полтаве, он был отстранен от командования. Кроме того, большевики при поддержке тяжеловооруженных речных судов быстро продвигались вниз по Волге, а наш флот из барж и вооруженных пароходов, похоже, не был способен остановить их. Хотя их ежедневно бомбили и британские и российские войска, большевики непреклонно продвигались вперед.

Слева от Врангеля правый фланг Донской казачьей армии также отступал к железнодорожной линии Царицын – Поворино, и только что по телеграфу пришла новость о потере трех бронепоездов со всем их персоналом. У обеих сторон это был излюбленный трюк: вторгаться рано утром на вражескую территорию и под прикрытием темноты раздвигать рельсы примерно на 30 сантиметров на участке в 10 – 15 метров, и считалось, что так и должно быть.

Не лучше шли дела и южнее Царицына, и несколько попыток Кавказской армии взять Черный Яр и продвинуться к Астрахани были отбиты, хотя войска и имели тесную поддержку британских летчиков, которые бомбили красных и обстреливали их из пулеметов. Большевики надежно окопались на северной окраине деревни, и их было не сдвинуть. К востоку часть деникинских войск переправилась через Волгу, и кавалерия продвигалась вперед вдоль линии Астрахань – Урбах, разыскивая передовые конные разъезды

Колчака из Сибири, которые, как сообщалось, приближались к этой железной дороге со стороны Урала, чтобы соединиться с южными армиями. Но никаких их следов так и не обнаружилось.

Хотя в то время мы этого, конечно, не знали, трагическое отступление Белой армии в Сибири уже начиналось. Последнее, что мы слышали о Колчаке, – то, что у него в руках был Омск, а сам он направлялся на Челябинск, но зелено-белые флаги уже повсюду откатывались назад, и арьергард только ждал своего шанса, чтобы без помех дезертировать на сторону большевиков.

Когда на следующий день Врангель приехал в вагон Холмена на обед и на совещание, он был откровенно озабочен. Это был аристократ, излучавший все высокомерие своего класса. Двадцать лет он прослужил офицером в казачьем полку, и казачий мундир выгодно подчеркивал его величественный облик. К тому же он был заметным стратегом, и боевой дух его кавказских войск был высок. Зеленые с полумесяцем флаги его мусульманских полков упрямо двигались вперед, но к тому же там царила суровая дисциплина, и было известно, что один из его командиров – Улагай – вешал солдат за кражу кур. Его легко возбудимый темперамент сотворил из него первоклассного кавалерийского вождя.

Войдя, Врангель сразу же погрузился в мрачные мысли. Мы, конечно, ничего не знали о том, что происходило в Сибири, а его беспокоило только то, что происходило на юге. Казалось, все зависело от Деникина, а тот был упрям.

– Ему надо воссоздать старую регулярную кавалерию, – настаивал Врангель. – У нас есть нужные бойцы и много офицеров, служащих рядовыми, чтобы возглавить их, и это – кавалерийская война!

К несчастью, Деникин, как и его советники, был пехотным офицером, и ничего в этом плане не делалось.

Врангель также был резко критического мнения об армии в целом. К этому времени он уже не проявлял непоколебимой лояльности Деникину. Он считал, что Деникин не прав, и утверждал, что с этих пор он никогда не сможет оказать Деникину свою полную поддержку.

Существует, говорил он, слишком много разногласий среди старших офицеров, а жестокости войны гасят пламя энтузиазма в солдатах. Он также считал, что деникинское наступление уменьшило эффективную мощь армии.

– Его тылы слишком велики, – заявил он. – И они быстро превращаются из солдат в сборище торгашей, спекулянтов. Полковой подвижной состав вырос до гигантских размеров. Войска стали деморализованы.

К несчастью, то, что он говорил, было правдой, и многие старшие офицеры подавали дурной пример, занимаясь игрой и пьянством, а в это время их войска оставались без внимания и были измучены.

– Горькая правда, – продолжал Врангель, – состоит в том, что компактной армии уже не существует, а враг быстро узнает об этом.

И опять это была правда. Из-за отсутствия обученных солдат, которых можно было бы послать на фронт как призывников, некоторые бригады по численности равнялись батальонам. А некоторые батареи из-за отсутствия организации и общей нехватки по всей России имели лошадей лишь на одно-два орудия.

Он выразил протест против Деникина и высказался за эвакуацию Таганрога и Ростова, и ему было обещано содействие, но ничего не было сделано, и Ростов был оставлен в беспорядке и без защиты перед трагедией, которая, если бы мы только знали это, случилась очень скоро.

В перерыве на обед Холмену представили генерала Павлышенко, кубанского казака из Уманской. Будучи лишь двадцати семи лет от роду и имея семь ранений, он всегда отважно сражался и с огромным удовольствием покинул нас с британским орденом «За отличную службу», который ему вручил Холмен от

имени его величества.

Для того чтобы остановить наступление большевиков, на послеобеденном совещании я предложил использовать горчичный газ, которым оснащены специальные артиллерийские снаряды. На станциях было разгружено много снарядов с этим и другими газами, но до сих пор по политическим соображениям они не применялись – не только потому, чтобы не убить ни в чем не повинных крестьян, но и потому, что личный состав Белой армии весьма нервничал при обращении с этими снарядами. Поскольку потеря Царицына явилась бы серьезным ударом по благому делу Деникина, представлялось, что наступил подходящий момент для использования этого очень мощного реагента. Газ был ужасным оружием, но он постоянно применялся во Франции с 1915 г. и все еще рассматривался как естественное приложение к войне, и обстоятельства, казалось, требовали этого.

Врангель с увлечением воспринял эту идею. Холмен тоже проявил энтузиазм.

– Было бы неплохо, если бы вы сразу же отправились за ними, – сказал он. – И вы также помогли бы кубанским батареям управляться с ними. Ведь это довольно технический тип военных действий.

Я, конечно, был в восторге и горел желанием уехать, но, к моему удивлению, мне было велено садиться в «вокхолл» вместе с Холменом, и мы поехали прямо на аэродром в Бекетовке, где современный DH-9, пилотируемый капитаном Уильямом Эллиотом, жизнерадостным офицером Королевских ВВС из 47-й эскадрильи, имевший забавное внешнее сходство с птицей, был предоставлен в мое распоряжение до выполнения моего задания.

Я не имел понятия, на каких складах хранились газовые снаряды, но подумал, что сначала стоит проверить Донскую армию, так как знал, что там мне дадут все, что есть в Новочеркасске, без особых проблем. Мы взлетели следующим утром и отправились в свой полет длиной 250 миль, ориентируясь на трассу железной дороги Царицын – Лихая. Погода стояла жаркая, и нам не удавалось подняться высоко, а так как вокруг не было никаких вражеских самолетов, я от души наслаждался полетом.

Еще до того, как мы поняли, куда прилетели, на юго-западе появились пять позолоченных куполов новочеркасского собора, и, сделав два-три круга над городом, мы мягко приземлились на ипподроме, в то время использовавшемся Донской школой летчиков в качестве аэродрома. Эллиот решил осмотреть самолет, а я тем временем одолжил одну из русских автомашин и бросился в свой штаб в надежде выяснить, где я смогу достать газовые снаряды.

– Но таких вообще нет на территории дислокации Донской армии, – услышал я в ответ, и только кто-то предположил, что надо попробовать поискать в Батайске или Уманской.

Тем вечером уже было поздно вылетать, но на следующий день, как только самолет был отрегулирован, мы полетели прямо в новый штаб миссии в Таганроге, где, как я полагал, можно будет получить самую точную информацию и необходимые полномочия, чтобы забрать эти боеприпасы. Мы летели через Ростов, над Доном и вдоль кромки Азовского моря. Оно походило на озеро, ответвляющееся от Черного моря, но на нем не было заметно никакого судоходства. Я пообедал с Кейсом, а после полудня мы вновь взлетели и направились на Ростов, где нам надо было отыскать генерала Кири, который предоставит остальную информацию и полномочия, которые нам требовались. В тот день было уже поздно заниматься его поисками, поэтому я передал записку Эллиоту, предлагая лететь до Батайска и сесть там, чтобы выяснить, нет ли там каких-либо снарядов на складе железнодорожной станции.

Мы приземлились в чистом поле возле станции при огромном возбуждении присутствовавших, потому что Эллиот сначала совершил небольшой, захватывающий дух трюк. Однако когда мы обыскали склады боеприпасов и вагоны, там не было снарядов, хотя отвечавший за это дело офицер уверял, что их полно в Уманской.

Солнце уже садилось, когда мы вылетели на Ростов, и хотя лететь было всего лишь десять минут, но нам по возвращении пришлось тщательно осмотреть ипподром, так как это было единственно подходящее, о котором мы могли подумать, место для посадки. Становилось все темнее, поэтому Эллиот, невзирая на невидимые с воздуха помехи, решил садиться, мы стали спускаться и остановились в высокой траве без каких-либо помех. Мы выбрались из машины и были несколько потрясены, когда обнаружили, что вся окрестность усеяна деревянными скамейками высотой около двух футов, которые наверняка бы повредили нам шасси, столкнись мы хотя бы с одной из них. Мы принудили группу русских солдат охранять аппарат ночью и направились в миссию.

На следующее утро мы завершили все свои дела, получив необходимые подписи от генерала Кири и его штаба, и решили лететь на Уманскую, что примерно в 60 милях. Но на ипподроме в это время шел митинг, и большая толпа наблюдала за скачками на рысях по пыльной дорожке приличной ширины.

Эллиот ухмыльнулся.

– Эта дорожка – единственное место, откуда мы можем безопасно взлететь, – заявил он. – Как ты думаешь, они нам позволяют это?

– Можем, по крайней мере, попытаться, – ответил я, и мы подошли к распорядителям скачек, попросив их остановить бега на полчаса, пока мы не улетим.

Несмотря на протесты букмейкеров, мы приготовили большой DH-9 к полету и вручную вытолкали самолет на стартовую прямую, а ростовским любителям скачек пришлось подождать.

В Уманской нам повезло, и мы сразу же нашли офицера, заведовавшего полевым складом. Это был небольшого роста казачий полковник по фамилии Архипов, и, к нашему восторгу, так как у нас не было переводчика, его жена, привлекательная женщина, которая проследовала за ним через весь Туркестан и большую часть Средней Азии, пока его полк нес там пограничную службу, безупречно говорила по-английски.

У Архипова были нужные нам снаряды, и мы сделали необходимые распоряжения на погрузку их и отправку следующим утром, а так как у меня было так много письменных приказов на срочную отправку вагонов, адресованных каждому чиновнику железной дороги, я решил передать эту функцию одному русскому офицеру и лететь напрямик в Царицын, чтобы дать русским артиллеристам некоторые инструкции по применению этих снарядов, а также составить планы разумной концентрации британских орудий для того, чтобы дать красным по-настоящему хорошую дозу.

Мы должны были вылететь после полудня, с тем чтобы прилететь в Царицын под вечер, и Архипов с женой пришли нас проводить. Эллиот, как обычно, выполнил все предварительные операции, заправился горючим, и мы по очереди стали раскачивать пропеллер. Я сделал качок и только отошел от винта, как услышал несколько взрывов и, оглянувшись, увидел, что Эллиот лежит на земле и вот-вот потеряет сознание. Он забыл выключить мотор до раскручивания винта, и двигатель завелся.

Его рука была ужасно разбита выше локтя, а кончиком пропеллера оторвало кокарду с его фуражки. Я ускользнул от удара лишь потому, что, пока занимался лопастью винта, в двигателе произошел пропуск вспышки, и он завелся, когда подошла очередь Эллиота.

Госпожа Архипова была великолепна. Она в десять минут наложила ему грубую шину, а сам Архипов сбегал и вернулся с кроватью и восемью казаками, чтобы отнести Эллиота в деревенскую больницу, что примерно в двух милях отсюда. Послали за доктором, он осмотрел перелом и нашел его очень тяжелым. Эллиот ужасно страдал, когда ему вправляли кости, но был заметно жизнерадостен, а госпожа Архипова провела возле него всю ночь. Я пошел на станцию и сумел добиться, чтобы платформу для лошадей вычистили и подцепили к следующему поезду на Сосыку, который ожидался не ранее чем завтра.

Мы довезли Эллиота до станции и погрузили на платформу, но пришлось почти целый час дожидаться, и ее бы никогда не подцепили к ростовскому поезду, если бы Архипов в конце концов не достал свой револьвер.

– Платформа будет прицеплена к ростовскому поезду! – твердо заявил он, потрясая им перед носом начальника станции.

– Ваше превосходительство, – заикаясь, произнес начальник станции, – у меня есть свои приказы, а паровозы имеют свой предел мощности.

– От еще одной платформы ничего не изменится, – настаивал Архипов. – Поскольку поезда движутся с черепашьей скоростью, они медленней не пойдут!

– Ваше...

– Даю вам тридцать секунд на размышления!

У начальника станции округлились глаза, и он с трудом сглотнул комок.

– Она будет прицеплена, – согласился он.

Было важно доставить Эллиота в Таганрог в располагавшуюся там британскую миссию, если еще был какой-то шанс спасти его руку. Он все еще очень мучился, а из-за жары, безобразного состояния железных дорог и антисанитарных условий муки были почти невыносимы. Я очень хотел поехать с ним в Таганрог, но помимо дружеского общения ничего ему не мог предложить, да к тому же уже должен был возвращаться в Царицын, так что я с неохотой расстался с ним в Ростове, вручив Архипову письмо для передачи Кейсу в Таганроге. У меня не было с собой рюкзака с дорожными принадлежностями, кроме бритвы и пары носков, не было переводчика и не было билета, поэтому я сел на первый поезд, на котором, как я заметил, была надпись о том, что он идет в Царицын, и доверился судьбе.

Большой паровоз уже выпустил клуб белого пара, а машинист находился в кабине, настраивая вентили, и я полагал, что он сейчас же отправится. Но, как и все поезда, он был ужасно забит людьми и заполнен перинами, горшками и кастрюлями, и привести поезд в движение стоило огромных усилий. Летом российские поезда, похоже, всегда везут на крышах вагонов столько же людей, сколько их толпится внутри, и почти всегда вагонами были действительно лишь те, что предназначены для перевозки лошадей, то есть так называемые теплушки, потому что они обогревались теплом жаровен, находившихся внутри их. Эти печки поглощали неимоверное количество дров, и зимой люди приходили в ярость, пытаясь отыскать топливо для того, чтоб не замерзнуть. Санитарных удобств никаких.

Забитые людьми поезда были характерной особенностью Гражданской войны, и купе всегда были переполнены беженцами так, что можно было задохнуться, да еще если учесть слишком большое число солдат в отпусках, которые, похоже, доводили использование этих немногих поездов до максимальной, насколько позволяла нехватка топлива, степени. На большинстве паровозов вынужденно использовались дрова, поскольку поставки угля и нефти были урезаны из-за отсутствия транспортных средств для доставки топлива в депо, а так как дорога через степь была однопутной, когда локомотивы ломались или останавливались из-за отсутствия горючего, точно так же останавливались все идущие сзади поезда. Было непривычно видеть целую цепь неподвижных поездов, изгибающуюся вместе с извилинами степи. Однако все еще стояло лето, и никто не волновался. На цветущей равнине пели жаворонки и стремительно взлетали случайные выводки куропаток, дети могли играть рядом с застрявшими поездами, а собак выводили на прогулку, да женщины меняли платья.

Поезд, на котором оказался я, не был исключением из правил. Он состоял из жестких вагонов третьего класса, но мне удалось произвести на охранника почтового вагона впечатление о собственной

значимости.

– Почта, – то и дело говорил я, и меня заткнули меж нескольких неописуемо грязных почтовых мешков.

Это очень отличалось от моей поездки в комфортабельном спецпоезде Холмена, и поезд этот шел дико медленно, а мне приходилось сражаться с толпой на станционных базарах, чтобы получить хотя бы стакан отвратительного вида молока. Однако на станции Торговая мне удалось купить две холодные жареные курицы: одну – чтобы съесть, а другую – чтобы обменять с моими товарищами по путешествию на что-нибудь из того, чем они располагают.

Пока мы двигались на восток, стали циркулировать по телеграфу слухи о том, что красные появились у самых окраин Царицына и что штаб Врангеля был вынужден переместиться в Сарепту, а на второй день, когда мы прибыли в Котельников, начали толпами появляться беженцы с дикими рассказами о сдаче Царицына.

Какое-то время, рассказывали они, каждый день из города уходило по несколько поездов. На первом везли военные материалы, за ним следовала гражданская и военная администрация, а в конце – те гражданские лица, которые желали покинуть город. Была багажная комната для одного чемодана на персону, но поезда были забиты товарами всех видов. Один пассажирский поезд в самом деле был полон пианино, зеркал и ценной мебели, и Врангель все это приказал выбросить и разбить. Потом он обнаружил состав с запертыми вагонами, которые, как утверждалось, были загружены боеприпасами, но они, как выяснилось, были полны пассажиров, главным образом евреев, надеявшихся вывезти свои товары и подкупивших станционного начальника. Врангель выкинул всех их на рельсы, а начальника станции повесил.

От таких новостей мне еще больше хотелось вернуться на фронт, но поезд впереди нас на единственной колее остановился, так что я покинул почтовый вагон, в котором ехал, и устроился на открытой платформе переднего поезда, но, увидев, что впереди есть еще один поезд, переместился на него. В конце концов я прошел пять поездов, пока не очутился на специальном войсковом составе, которым ехал кабардинский кавалерийский полк численностью примерно 200 человек, и все они по виду были самыми свирепыми головорезами, каких только мои глаза видели.

Это были смуглые небритые мужчины афганской внешности, на них были длинные черные приталенные шинели, типичные для кубанских казаков, черные или серые бараньи папахи и комплект кинжалов с черной и серебряной инкрустацией, сабли, старомодные пистолеты и обычная декоративная полоска патронов на груди (газырей). На многих были красные башлыки, или капюшоны, висевшие вокруг шеи, чтобы придать красочный оттенок, но на всех были красные, синие и белые шевроны Белой армии. Никто из их офицеров не говорил по-французски, и я едва ли мог разобрать слово из их кавказского наречия. Как только, однако, поняли, что я – не переодетый большевик, они очень хорошо отнеслись ко мне, но, так как я не был вооружен до зубов, они, вероятно, сочли меня самым подходящим объектом для насмешек! Это были абсолютно дикие люди, и на каждой из многочисленных остановок состава они приводили в действие свой оркестр и пускались в свои варварские пляски.

Я чувствовал себя весьма одиноко, особенно когда они начали размахивать своими саблями и кинжалами и орать на меня. Поскольку у них было полным-полно водки, трудно было быть уверенным, что их жесты в мою сторону всегда будут такими дружескими, как мне хотелось бы. Один из них, отплясывая в теплушке, в которой жил, упал на спину и сломал шею, но никого это, похоже, не взволновало.

После существенной задержки я приехал в Сарепту. На запасном пути стоял целый поезд с недавно ранеными воинами. Они лежали в переполненных деревянных вагонах, в основном без медицинского

ухода, вымаливая воды, помощи или облегчения страданий. От поезда исходил ужасный запах. Я попытался выяснить у переутомленных работой санитаров, что происходит.

Они надолго задержались, чтобы просветить меня.

– Были тяжелые бои, – объясняли они. – Красных оказалось больше, чем мы ожидали, и они отбросили нас.

– Откуда?

– Из района Царицына.

Только это мне удалось выяснить с помощью моего плохого русского языка, но один молодой русский кавалерийский офицер, увидев мои затруднения, пришел мне на помощь.

– Если Царицын падет, – сказал он, – останутся лишь изолированные очаги сопротивления между ним и Саратовом на севере. В этот момент на город наступают 10-я и 11-я армии. Только несколько кубанских полков контролируют район Котлубани.

С ним был его товарищ, которого ранили тем утром, и я поделился с ними всеми продуктами, которые нам удалось купить на станции, а также штукой, которую я до сих пор держал в записке, – моей последней каплей виски. Приняв то немногое, что оставалось в бутылке, мои друзья стали разговорчивее.

– Если Царицын будет потерян, все, что к северу, будет отрезано, – утверждали они. – Но давайте не будем чересчур пессимистичными. Давайте забудем всю эту болтовню об отходе на юг. Врангель все еще в Царицыне, хотя большевики действительно нанесли Кавказской армии тяжелые потери.

Они казались неоправданно оптимистичными, как будто мы чуть ли не одержали победу.

– Так мы все еще отступаем? – спросил я.

Они переглянулись, и их улыбки погасли.

– Да, – неохотно согласились они. – Мы отступаем.

Поздно вечером я приехал в Бекетовку, сидя на паровозе бронепоезда, который шел на подмогу, и отправился на поиски Королевских ВВС.

Эти части находились под командой Реймонда Коллишоу, являвшегося одним из самых победоносных британских летчиков-истребителей во Франции, и представляли собой первоклассную боевую группу. У них был паровоз с тендером, два вагона-пульмана, вагон-ресторан и специальные крытые вагоны, а также вагоны-платформы для их команд наземного обслуживания, мастерских, боеприпасов, масел и продуктов и для самих машин, когда они не могли перемещаться по воздуху. Это были «кэмел» – одни из лучших разведывательных самолетов того времени, и они хорошо поработали для врангелевских армий. Их вагон-ресторан был прост, но удобен, а у одной стены располагался бар.

Я сообщил им, насколько мог, обнадеживающие новости об Эллиоте, а взамен получил вести о Холмене.

– Он уехал в Таганрог, – с удивлением узнал я. – К нему пришло срочное сообщение от Деникина, что тот хочет посоветоваться.

Они также передали мне, что начальник артиллерии Кавказской армии генерал Макеев хочет меня увидеть на следующий день.

Я принял ванну, отыскал свой несессер, который Холмен оставил для меня, и ощутил себя другим человеком. Едва я успел все это сделать, как пришла записка с поезда русского летного корпуса с приглашением пообедать, поскольку в этот день были именины одного из их офицеров. Взобравшись по

лестнице к последней двери длинного вагона-ресторана, который, очевидно, был их столовой, я очутился в окружении, которое по контрасту с убожеством моих последних четырех дней казалось тем более гротескным.

Интерьер вагона-ресторана был переделан в комбинированную гостиную и столовую комнату. В одном конце стояло фортепьяно, а посередине располагался длинный стол, в задней части комнаты, через которую я вошел, были свободные сиденья, ширма и небольшой кустик в горшке. На стенах и перегородке висели многочисленные картины и рисунки, некоторые выполненные самими летчиками, а другие были вырезаны из газет, но на всех были изображены полураздетые девушки либо пилоты и аэропланы, нарисованные красками фантастических расцветок. Такое впечатление, что я оказался в штабе французского батальона, окопавшегося во Франции, за исключением того, что здесь еще за столом сидели пять исключительно симпатичных русских девушек, все очень юного возраста. Все они были хорошо одеты, одна играла на гитаре, другая аккомпанировала ей на фортепьяно, а все остальные напевали русскую народную песню, очень популярную на Кавказе.

– Разумеется, все они замужем, – с серьезным видом сообщил мне один из старших офицеров. – Либо, по крайней мере, собираются скоро выйти.

После моих последних нескольких дней полета, путешествия в лошадиных теплушках и скачек по поездам, во время которых я покрыл примерно 900 миль, я был очень признателен за любой обретенный комфорт, и вечер прошел быстро, хотя одновременно танцевать могли только один или два человека в этом несколько ограниченном пространстве. В один из этих моментов мне пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я действительно нахожусь в пекле Гражданской войны, а большевистские передовые посты – лишь в 30 милях отсюда, а между ними и мной – ничего, кроме нескольких тысяч плохо экипированных и слабо вооруженных кубанских казаков, верность многих из которых весьма сомнительна.

Когда я явился к генералу Макееву, то застал его в очень плохом настроении, и он был не очень-то восприимчив в отношении моих усилий с этими снарядами.

– Батареи с британским вооружением рассредоточены, – заявил он. – Хотя газовые снаряды и поступали, потребуется так много времени на их классификацию, что вряд ли стоит с ними возиться.

После всего того, что я вложил в реализацию плана, я почувствовал, как из меня как будто выпустили воздух, но не стал спорить. Кавказская армия – это не мое дело, а Холмен уехал назад в Таганрог, и мне захотелось возвратиться к моим донским казакам. Посему я попрощался, отыскал место в первом приемлемо чистом поезде, который, как я заметил, шел на Ростов, и после трех дней пыльной, отвратительной поездки опять оказался в Новочеркасске.

Глава 9

Когда я вернулся в Новочеркасск, в городе царило уныние и всюду ходили ужасные вести о том, что Царицын в конце концов пал.

– Госпитали были переполнены больными тифом и ранеными, – рассказывали мне. – Вероятно, их всех невозможно было вывезти до прихода красных. Всегда не хватало обслуги и врачей, и большая часть их времени уходила на то, чтобы уносить мертвых. Бог знает, что с ними всеми случилось. Должно быть, всех их перебили, когда вошли красные!

Я мало что мог сделать, но от этой новости мне стало плохо.

Люди уже укладывали вещи и готовились ехать на юг, и когда я зашел к Смагиным, то обнаружил, что, как и считала Мюся, укладывать ей надо было лишь несколько платьев, но то, что осталось от ее драгоценностей, было тщательно запрятано и готово к отправлению. В правительственной администрации уже царил тревога и шло во многом нарочитое уничтожение документов.

Весь город был полон людей с севера. Они уже испытывали голод и начали умирать как мухи от тифа, потому что не было топлива и никакой организации, и лишь самые сильные и самые жестокие могли надеяться на то, чтоб выжить. За пределами станции стояла в ожидании длинная вереница крытых вагонов, груженных беженцами, которые втискивались в отделения, цеплялись за дверные проемы, заполняли крыши и небольшие площадки, встроенные между буферами. Когда эти поезда совершали повороты, всегда кто-то падал, и при этом либо погибал, либо оставался на ногах, в пыли и в оцепенении посреди степи, отделяемый километрами отовсюду, а тем временем плачущие родные не сводили глаз с фигуры, которая делалась все меньше и меньше по мере того, как поезд уходил все дальше. При таких инцидентах поезда никогда не останавливались, и стены вокзалов всегда были заклеены, по соседству с трескучими фразами, которыми штаб описывал низкую мораль красных, еще и трагическими небольшими записками, адресованными тем, кто оказался оторванным от семьи.

«Михаил! Твоя семья в Ростове», «Петр, ищи нас в Таганроге. Мы будем ждать», «Дорогая Маша! Жди с детьми в Тихорецке». Никаких фамилий не писали, так как никто не осмеливался выдавать их.

Однако, несмотря на мрачность ситуации, я все еще не терял оптимизма, и хотя страхи беженцев давили на меня, я был достаточно молод, чтобы верить, что мы все еще можем победить, особенно тогда, когда стали поступать подробности о знаменитом кавалерийском рейде, предпринятом генералом Мамонтовым по тылам большевиков, в результате которого врагу были нанесены огромные потери. По своим масштабам он походил на массивные кавалерийские набеги, осуществлявшиеся Стюартом и Форрестом в американскую Гражданскую войну. Такой способ ведения боевых действий очень хорошо подходил донскому казаку. Он не любил отстаивать укрепленную линию окопов, а предпочитал наступать, рассеиваться и снова скапливаться, вроде попеременных волн прилива и отлива.

Этот рейд был совершен через Хопер и планировался как часть летнего наступления, в итоге которого Деникин намеревался дойти до Москвы. Фактически я пытался сопровождать этот рейд, но не сумел очутиться в его рядах. Он, казалось, воплощал в себе все хорошие и плохие качества казаков.

К началу июля 1919 г. три армии Деникина были растянуты вдоль линии, которая с перерывами шла от Царицына через Белгород до Екатеринослава. К данному моменту всевозможное британское оснащение, артиллерия, стрелковое оружие, боеприпасы, мундиры и госпитальные материалы поступали в воюющие части, и, казалось, все делается для долгожданного «марша на Москву».

«На Москву!» – говорил каждый. «На Москву!» Это был чудесный лозунг, и все верили в него, и в

кафе, в публичных садах можно было увидеть людей, приветствующих друг друга этими словами или поднимающих тосты за эту перспективу. Похоже, впервые появился шанс на то, что лозунг станет явью.

Даже политические разногласия между Добровольческой и Донской казачьей армиями были урегулированы, всегда политически мыслящие воины Кубани, несмотря на отдельный сепаратизм, а также тенденции к отказу от сотрудничества со стороны обоих казачьих правительств, в целом с готовностью присоединились к ним, чтобы укрепить силы, уже сражающиеся во имя свержения господства советской власти на их территориях. К концу июля в штабе Деникина в Екатеринодаре близилась к завершению разработка планов крупного наступления по всему фронту.

В одно и то же время с генеральным наступлением на север силами Донской и Добровольческой армий намечалось провести крупный рейд по вражеским тылам, атаковать железнодорожную систему Тамбов – Козлов – Орел и дезорганизовать тыловые районы 9-й и 10-й Красных армий. Первоначальный план предусматривал использовать два кавалерийских корпуса – Кавказский под командой Коновалова и Донской казачий под руководством Мамонтова, но, к сожалению, советское Верховное командование, встревоженное успехом недавнего деникинского контрнаступления, позволившего отвоевать так много территории, первым нанесло удар в начале августа.

Красная 10-я армия под началом ренегата, бывшего императорского генерала Ключева, выступив из района Курска и Воронежа, прорвалась на юг в направлении Харькова, а тем временем этот жуткий Буденный со своим кавалерийским корпусом атаковал вдоль линии реки Волги из района Балашова и Камышина с целью очистить район нижнего Дона от белогвардейцев. Поэтому едва планы Деникина были составлены, как войска, требовавшиеся для их реализации, понадобились для борьбы с новой угрозой, и Коновалова, хотя он и удерживал Буденного, нельзя было отвести для наступления на Козлов.

Хотя угроза Харькову и была уменьшена, теперь войска никоим образом не могли принять участие в каком-либо дальнейшем наступлении, и Деникин окончательно решил ограничить масштабы мамонтовского рейда, чтобы снизить размеры проникновения сквозь вражеский фронт в направлении Козлова. Для этой операции с поправками в наличии оставались только 12-я Донская кавалерийская дивизия Постовского, 13-я Донская кавалерийская дивизия, сводная казачья дивизия и одна спешенная бригада.

В каждой дивизии имелось около 2000 сабель, 1000 спешенных конников, одна артиллерийская батарея на конной тяге и группа броневых автомобилей. Первая стадия началась 10 августа, когда войска Мамонтова переправились через Хопер возле Урюпинска и прорвали фронт 8-й и 9-й Красных армий. Затем они устремились на Тамбов, который был взят авангардом казаков Постовского.

Были уничтожены железные дороги и склады боеприпасов, а потом почти без остановок Мамонтов стал продвигаться на запад к Козлову, выделив один кавалерийский полк для борьбы с советскими частями, которые могли бы угрожать его тылу с направления Балашова. И 21 августа после ожесточенных боев Козлов капитулировал, а Мамонтов дошел до точки, откуда до Москвы было всего лишь 225 миль, но вспыхнула большая паника, и советское Верховное командование для стабилизации положения быстро отправило туда свою 21-ю бригаду.

Войска Мамонтова за десять дней преодолели 110 миль и, несмотря на серьезное сопротивление, освободили от большевиков большие территории и завербовали много новобранцев. Однако его войска оказались виновны в массовых грабежах и обильно казнили всех большевистских комиссаров и им сочувствующих, где бы их ни обнаруживали. И к тому времени естественное желание казачьих войск вернуться домой с трофеями вкупе с хорошо известной склонностью не удаляться от дома на большие расстояния удержали Мамонтова от дальнейшего продвижения на север. 25 августа он повернул на запад и прошел 60 миль в направлении Лебедяни, которую занял 28 августа. Здесь он сосредоточил свои силы

для удара на юг, на Воронеж, и 31 августа занял Елец, где войска потеряли целых два дня на грабежи, загрузив своих коней продуктами, напитками, мехами, драгоценностями и всем, что могли унести, – даже мебелью.

Но 3 сентября началось наступление на Воронеж, в котором кавалерия Постовского прикрывала правый фланг от направления на Измаилково, и 6 сентября была взята Кластерная, а дозоры разведчиков были брошены на восток в сторону Воронежа, который был захвачен 11 сентября.

В районе Воронежа к Мамонтову присоединилась бригада, которая в массовом порядке дезертировала из Красной армии и с того момента влилась в антибольшевистские силы. Войска, только что воевавшие на одной стороне, часто оказывались на противоположной, и такая практика оказывала ужасающий эффект на Белую армию в финальной стадии войны, поскольку новобранцы, зачислившиеся в войска, как только освобождалась территория, проявляли мало интереса к причинам этой войны и не имели понятия, за что их призвали воевать. Поэтому они редко были надежны, а когда волна сражения оборачивалась против них, они часто с радостью убивали своих офицеров и переходили на сторону противника. Между 12 и 15 сентября далее к востоку от железнодорожной линии Воронеж – Лиски в Рождественской Хаве Мамонтов перегруппировал свои силы, готовясь к возвращению на Дон, и 15 сентября, имея на правом фланге Постовского, защищавшего группировку от атак со стороны Лисок, он проскользнул между советскими 8-й и 13-й армиями, переправился через Дон 17 сентября и завершил свой поход длительностью 450 миль, которые он прошел за сорок дней. Он нанес тяжелые потери четырем красным дивизиям, уничтожил много важных пунктов в системе железных дорог, набрал значительное количество рекрутов – хотя и сомнительной преданности либо боевой ценности – и захватил очень большое количество трофеев. Он мог бы сделать и больше, но помешала тяга к родному дому, которую казаки испытывали весь рейд, что можно оценить по тому факту, что из первоначального количества примерно 10 000 человек только 4000 были со своими полками, когда те вернулись в свои края. Большинство из недостающих 6000 исчезли со своими трофеями в Воронеже, хотя позднее и добрались до дому, приведя с собой коней, везя продукты, муку и прочее, что пришлось им по вкусу в деревнях, из которых они выбивали большевиков.

Этот рейд пробудил огромный энтузиазм, хотя и последующие следственные комиссии, видимо, считали, что Мамонтову не удалось довести до конца намеченное. Он определенно добился впечатляющих успехов как раз в то время, когда они были остро необходимы, но, как и во многих операциях, из-за полного отсутствия сотрудничества с другими формированиями и безответственного поведения войск белые оказались ограбленными и лишенными всех плодов этого предприятия.

К этому времени были утверждены принципы, на которых организовывались новые группы связи британской миссии, и в течение примерно месяца в Россию прибывали офицеры. Они очень отличались от тех, кто делал это по принуждению, от уставших от войны офицеров, которым Холмен разрешил вернуться домой.

Все они приехали в ответ на призыв генерала Холмена «Лучшие, и только самые лучшие!», и каждый из них не только явно подпадал под эту категорию, но также и устанавливал новый стандарт мастерства.

Я всегда мог рассчитывать на поддержку Роджера Линга, старшего артиллерийского офицера связи при штабе миссии, а среди остальных выделялись Роберт Дики из Аргайла, Катберт Харгривс из Восточного Ланкашира и капитаны Рид из Девоншира, Прикетт, а также Самтер, Друри и Маккей (артиллерия). Помимо этого, Норманн Лак, уезжавший по делам своего частного бизнеса, вновь вернулся в Новочеркасск и с этого момента оставался со мной почти до самого горького конца в качестве моего личного переводчика и помощника, всегда имея поддержку своей отважной супруги-шотландки.

Теперь в Новороссийске для разгрузки и сортировки всех поступающих грузов имелись под рукой офицеры и рядовой состав Королевского армейского корпуса боеприпасов, а на фронте каждой отдельной армии под командованием Деникина были приданы группы офицеров.

К сожалению, у нас не было солдат, которые бы помогали при распределении, а имелись только офицеры. Мы понимали, что дома все внимание приковано к новостям с Северного фронта, где использовались британские войска, а нам так часто хотелось, чтобы и у нас здесь было хотя бы немного наших войск. Тем не менее мы стали чувствовать, что теперь можем избрать более определенную линию поведения с русскими, потому что, находясь в штабе Белой армии и имея связь с Деникиным, сам Холмен – поддерживаемый штатом представителей всех родов войск – был твердо настроен на то, чтобы британское снаряжение было в конце концов справедливо распределено и использовано.

В то время, то есть в начале сентября 1919 г., Донская армия состояла из 1-го, 2-го и 3-го корпусов, а также кавалерии под командованием Мамонтова. Каждый из этих корпусов включал в себя одну или более из девяти пехотных дивизий, которые находились в распоряжении Сидорина, но были также и отдельные приданные кавалерийские бригады, прикрывавшие фланги более крупных формирований, которые находились либо в распоряжении командира корпуса, либо группировались вместе для определенных наступательных действий под руководством одного из самых известных командиров, таких как Мамонтов либо Секретьев.

Общая линия фронта, занимаемая казачьей армией, была, однако, совсем не непрерывной, и поскольку надо было прикрывать там огромный фронт, боевые действия в основном ограничивались пехотными соединениями. Они, поддерживаемые бронепоездами и броневиками, воевали взад-вперед вдоль железных дорог, большинство из которых протягивалось с севера на юг, а промежуточные участки местности патрулировались кавалерийскими группами. Небольшие пехотные части следили за переправами и позициями перед мостами, имевшими большое значение, так как почти все реки в регионе текли на восток и на запад, параллельно фронту, а посему создавали очень серьезное препятствие при наступлении. Однако их работе не позавидуешь, потому что банды кавалеристов, как красных, так и белых, бродили по местности между железнодорожными линиями. Они вполне могли возникнуть в любой момент и, хотя никогда не появлялись крупными группами, всегда могли породить серьезную панику, к какой бы стороне ни принадлежали, потому что обе воюющие стороны носили очень похожую форму, и их можно было отличить только по маленькой полоске белой или красной ткани, пришитой к головному убору.

Вдобавок к удаленности от железных дорог, которую надо было покрывать при доставке питания и боеприпасов, отсутствие лошадей, вызванное тем, что большое их количество угнали красные, а также огромные потери скота из-за отсутствия ветеринарной службы просто не позволяли держать какое-то существенное количество войск вдали от узловых станций. Фактически боеприпасы для 18-фунтовых орудий доставлялись только партиями в 20 снарядов на одноконных подводах, которыми в большинстве своем управляли женщины.

В каждом корпусе Донской армии был свой начальник артиллерии, под чьей командой находились одна или более батарей, вооруженных британским оружием, а также многочисленные батареи русских пушек. Для ремонта как орудий, так и винтовок и пулеметов имелись самодельные передвижные мастерские, установленные в железнодорожных вагонах и работавшие на узловых станциях. В этих мастерских положено было иметь запасные части в дополнение к тем, что имелись на батареях, но я обнаружил, что большая часть запчастей передавалась в мастерские, которые часто находились в 100 милях, а в это время все, что мастерские должны были иметь с собой, лежало на складе в Новочеркасске – если это вообще-то когда-либо высылалось из Новороссийска.

Дабы исправить эту безнадежную ситуацию, я направлял артиллерийских инструкторов в различные корпуса и перед тем, как послать их на фронт, делил между ними все важные запчасти и бочки с маслом, на которые мы могли наложить руки. (Офицеры других родов войск, приданные частям Донской армии, конечно, получали детальные инструкции от глав своих отделов в штабе миссии и были приданы моей группе только в административных целях, где за ними, офицерами, присматривал Роберт Дики, старший административный офицер связи.)

Этим офицерам полагалось отправляться на свои соответствующие узловые станции, организовывать в мастерских участки, отвечающие за ремонт британских орудий, снабжать их всеми имеющимися ресурсами, а потом направляться в штаб корпуса с запасами, требуемыми для батарей. В штабе корпуса они являлись к начальнику артиллерии, докладывали о своих обязанностях и инструкциях, а потом спешили побывать на каждой из вооруженных британскими орудиями батарей на фронте, проведя несколько дней на каждой, обучая персонал и тщательно осматривая технику. В конце месяца они должны были отчитаться передо мной.

В артиллерийском училище сейчас было несколько квалифицированных русских инструкторов, и лучше было училище предоставить самому себе, а так как русские совершенно отказывались вести занятия или организовывать свои классы по нашей системе, я решил, что моих офицеров уместнее использовать на передовой. Конечно, они были вполне способны самостоятельно работать, так что, прикрепляя их к передовой, на которой приходилось трудиться, я прикреплял к ним переводчиков. При этом выделял настолько справедливую долю продуктовых запасов и пайков, насколько мог вырвать с базы, и отправлял их в надежде, что смогу встретить одного-двух из них в свою следующую поездку на фронт.

Что касается офицеров, занятых связью, им приходилось выяснять, какие запасы и форма поступили, устанавливать, где все это находится, и настаивать на справедливом распределении, а прежде всего убедиться, что грузы благополучно дошли до частей на передовой.

Величайшей проблемой был транспорт. Естественно, я не мог дожидаться, пока каждый обеспечит себя личным вагоном, что было бы идеально, поэтому я пошел к Сидорину и атаману Богаевскому и упросил их выделить четыре-пять вагонов для нашего пользования, чтобы можно было гарантировать нашу мобильность. Я оставил на долю Дики добивать этот вопрос в мое отсутствие и, получив на время вагон первого класса из десяти купе, набил его всевозможными материалами и отправился в штаб 3-го корпуса. Правильно это было или нет, но я вывесил над дверью вагона большой британский флаг как символ того, что недалеко отсюда британская военная миссия! Я чувствовал, что настало время, чтобы кое-кто узнал о нашем присутствии.

Глава 10

Миллерово стало штаб-квартирой наступающей армии, поскольку летом началось большое наступление на север, и мы добрались до города после ночной поездки из Новочеркасска.

Путешествие, однако, становилось с каждым разом все тяжелее. Вся местность постепенно опустошалась этими прошлогодними возвратно-поступательными боями, а станции и деревни с каждым приездом становились все более захудалыми и убогими, окна заколочены досками там, где стекла были выбиты при артиллерийском обстреле, зияли ямки в извести от попаданий шрапнели. На одном из домов были небрежно нарисованы серп и молот, двери замазаны красной краской во время последнего прихода красных, а фасады домов отмечены пулеметными очередями. Плакаты с лозунгами – применимыми как для красных, так и для белых: «Покончить с войной!» и «Лучше смерть, чем рабство!» – с каждым разом, как они мне попадались на глаза, становились все более похожими на лохмотья.

В Миллерове, дожидаясь возможности встретиться с генералом Таракановым, который был заместителем начальника штаба Кельчевского, я заглянул в одно подразделение, хотя оно и располагалось значительно дальше на линии сообщения, чем находились бы наши подобные части, и, похоже, соответствовало эвакуационному пункту. Там только что получили более или менее комплектное британское оборудование для полевого госпиталя на 210 мест, но, как обычно, оно было рассредоточено согласно срочным потребностям более мелких подразделений на передовой.

Я поговорил с персоналом госпиталя и получил информацию о местах размещения других медицинских подразделений, взял перечень их основных заявок и поехал к своему вагону. Тем вечером я поужинал с Сидориным, от которого получил дополнительные новости о положении на фронте, а также подписанный приказ, позволяющий мне свободное передвижение на всей территории, занятой армией.

Вечером появился Лак.

– Я договорился с начальником станции, что нас подцепят к поезду, отправляющемуся завтра утром на север, – сообщил он, поэтому мы решили остановиться в Черткове, являвшемся станцией снабжения для 2-го Донского корпуса, так как я хотел осмотреть там мастерские, а также проверить, сколько там накоплено снаряжения и одежды, вместо того чтобы быть отправленным на фронт.

В Черткове мы приехали рано утром, и я нашел офицера по имени Миллиген, выполнявшего обязанности артиллерийского офицера связи, договорился с ним о грузовике, а потом поехал осматривать станционные запасы.

Там были сотни смешанных комплектов одежды и снаряжения, но в таком разбитом состоянии, что оставалось мало надежды на то, что когда-нибудь все это удастся собрать вновь. Тем не менее я запросил помощь по телеграфу и организовал работу. На артиллерийском складе не было абсолютно ничего!

На станции также было несколько аэропланов, но это была достаточно большая мешанина, включавшая в себя и старый «альбатрос», оставленный немцами, и «нюпор», захваченный у красных, – на нем все еще красовалась красная звезда.

Я также побывал в 7-й перевязочной части, или передвижном перевязочном пункте, в тот момент направлявшемся на фронт. Это было новое формирование невоенного характера, организованное и экипированное «Обществом городов» – нечто вроде сельского совета – и состоявшее из одного врача и четырех медсестер. У них было 25 телег и 50 лошадей с извозчиками.

– Но у нас всего лишь 250 бандажей, – говорили они. – Хотя мы и работаем на армию, нам отказывают в какой-либо помощи вообще в отношении материалов с военных складов. Нам говорят, что мы должны

получать все от своей собственной организации.

Они очень хотели добраться до фронта, но доктор сказал мне, что начальник станции в Миллерове отказывается отправлять их поезд, пока не получит бутылку медицинского спирта.

– Чтобы развести его и сделать водку, – объяснил он.

После обеда мы двинулись дальше в путь и к вечеру добрались до штаба 3-го корпуса. 1-я и 2-я дивизии удерживали западный берег Дона, а на своем правом фланге соприкасались со 2-м корпусом. Их фронт протягивался к северу и югу от Павловска, но их отбросили с позиций, которые они занимали во время нашего предыдущего приезда к ним с Холменом в этом году, и им противостояла 23-я большевистская дивизия, состоявшая в основном из кавказских казаков, которые были весьма суровыми воинами.

Слева от 3-й дивизии находилась 2-я Донская стрелковая бригада, пытавшаяся захватить плацдарм за Доном в Лисках, где красные все еще прочно удерживали командные высоты, господствуя над всеми подступами к мосту. Дальше влево 8-я дивизия пыталась обойти Лиски и атаковать город с востока, имея с севера поддержку 2-й дивизии, которая стремилась перерезать железнодорожную магистраль Лиски – Воронеж в направлении Давыдовки. Еще дальше на север мамонтовская кавалерия, хоть и отчаянно нуждаясь в боеприпасах, пыталась перерезать ту же магистраль, а в это время Шкуро со своими кавказцами, еще далее влево, должен был отступить с целью соединения с ней после того, как был отброшен от Воронежа красными подкреплениями.

Мне казалось, что совместное наступление на Лиски развивалось уж слишком медленно и что красным было предоставлено слишком много времени на перегруппировку своих войск и подготовку удара по обоим флангам 3-го корпуса. На левом фланге большая брешь между 3-м корпусом и Добровольческой армией Май-Маевского была очень ненадежно заткнута кавалерией Мамонтова, и все еще оставалась другая брешь справа на стыке с очень слабым 2-м корпусом. Если бы врагу удалось тут прорваться, расстояние до железной дороги было бы очень небольшим и 3-му корпусу выпал бы шанс оказаться отрезанным и, возможно, потерять все свое снаряжение.

Однако штаб 3-го корпуса внешне был весьма доволен ситуацией, а его командир генерал Иванов дал мне разрешение бывать там, где я хотел, поэтому я оставил офицера и груз с командиром артиллерии и вернулся в вагон, надеясь добраться до Пуховой следующим утром.

Наконец мы отъехали, подцепившись к поезду, который шел со скоростью похоронной процессии, а в Евстратовке, чуть к северу от только что отремонтированного моста через Калитву, мы столкнулись с одной из медчастей 5-й дивизии, дислоцированной вокруг Россоши для переформирования и обучения. Конечно, у них не хватало всего: и запасов, и оборудования, но я почувствовал себя в состоянии проявить щедрость, так как получил несколько больших мешков, полных великолепной медицинской одежды, носков, медицинского имущества и лекарств из Англии, и та благодарность, с какой эти важнейшие вещи были восприняты забытыми всеми солдатами, щедро возместила затраты и трудности, вызванные их отправкой. Я никогда не позволял российскому персоналу касаться моих личных запасов.

В Пуховой штаб 2-й Донской стрелковой бригады располагался в деревне вместе с различными артиллерийскими батареями всех калибров, одна из которых была вооружена британскими 18-фунтовиками. Батареи поддерживались донскими бронепоездами. Мы вместе с генералом Янко из финляндских гвардейцев проехали в его резервную роту, и нам показали столько солдат, сколько могли.

– В то время как британской помощью мы заткнули им глотки как средством пропаганды для поднятия боевого духа, – объяснил он, – ее результаты на переднем крае удручающе ничтожны.

Мундиры бойцов были в жутко изношенном состоянии, и только примерно у 10 процентов состава

имелось в наличии максимум две-три вещи из британской униформы. Однако их дух представлялся весьма высоким, а дисциплина была лучше, чем где бы то ни было до сих пор. Они были сформированы вокруг ядра старого Финляндского гвардейского полка, а офицеры были едкие как горчица и обладали существенными военными познаниями. Мне удалось прислать сюда имущество и одежду, а также консервированные фрукты для офицерской столовой этого полка и выдать их офицеру-медику 300 бандажей из своего личного запаса.

Я наконец начал ощущать, что достигаю каких-то результатов, но от моего объявления о том, что собираюсь завтра утром побывать на 17-й батарее, у всех поднялись брови, и послышались громкие возражения.

– О нет, господин майор! – заявили мне. – Возле нее постоянно падают снаряды!

– Ну и что из этого? – вопрошал я.

– Там слишком опасно!

Зная, что некоторые русские имеют в виду под словом «опасно», я решил рискнуть. Но к этому времени неизменная летняя жара уже отступила, и почти незаметно пришла осень с сухой безветренной погодой и легкими похолоданиями по утрам. Листья начали опадать, а вечерний горизонт принимать синий оттенок зимы, так что туман рассеивал свет фар приближающихся автомобилей и грузовиков. В тот самый день стало холодно, начался сильный ливень, и от окружавших меня военных исходил сильный запах влажной шерсти, кожи и меха. Поэтому я принял решение провести это утро с бронепоездами и отказался от поездки на батарею, пока погода не улучшится.

Большинство бронепоездов в этом районе имели легкую броню и состояли из передней и задней бронированных платформ с бронированным паровозом, находящимся между ними. У них на вооружении было одно легкое полевое орудие да шесть пулеметов, число которых иногда доходило и до двенадцати. На тяжелобронированных поездах обычно устанавливали британское 60-фунтовое орудие, французскую 6-фунтовую пушку «канет» или любое тяжелое орудие, которое можно было смонтировать на железнодорожной платформе. Они каждое утро отправлялись на встречу с красными и в течение часа-двух вели дальнобойную дуэль. Бронепоезда также предшествовали всем пехотным атакам и часто сражались с огромной решительностью сами по себе, хотя при этом подвергались существенному риску оказаться отрезанными от своих войск из-за действий блуждающих кавалерийских отрядов противника. Тем не менее их моральный эффект был так велик, что вражеские войска не проявляли склонности заниматься порчей железнодорожной линии, если был хоть какой-то шанс на появление поезда.

Отсутствие артиллерии у обеих воюющих сторон придавало бронепоездам и бронемашинам значительную мощь, и они, похоже, были для рядового русского пехотинца таким же страшилищем, каким были для германцев британские танки при их первом появлении на Западном фронте. Броневики – некоторые из них были сделаны из старых танковых орудийных башен – были особенно мобильны в открытой степи и могли производить окружение крупных пехотных соединений, которые ничего не могли противопоставить им, кроме беспорядочного винтовочного огня.

Запросы командиров бронепоездов в отношении орудий были обычно до смешного велики, но, как и многие русские, полковник Кандерин воображал себе, что лишь он может требовать, а британское правительство тут же пришлет сюда горы современных военных материалов, подобно фокуснику, извлекающему кролика из шляпы. Он выдал мне пропуск на проезд на любом бронепоезде, на каком мне захочется, позволяющий сопровождать их в бою, поэтому на следующий день я устроился на тот, что назывался «Гундорович», чтобы атаковать позиции красных к югу от реки.

Утром пришел поезд командующего армией, с которым прибыли два моих офицера: Ллойд Дейвис,

минер, приехавший в качестве гостя Сидорина, и Прикетт, яркий кокни, не питавший уважения ни к кому – особенно к русским генералам, – он появился здесь, чтобы увидеть в действии стоксову батарею в руках гвардейцев-финляндцев. Я предупредил Дейвиса, что уже побывал в качестве гостя Сидорина, и предложил им обоим составить мне компанию в моем вагоне. Прикетт разыскивал вагон для себя самого, который был ему пообещан одним из офицеров Финляндского гвардейского полка из кучи еще пригодных, но брошенных на запасных путях сразу к югу от моста у Лисок, и в конце концов он отыскал один с тремя хорошими купе, гостиной в натуральную величину с торцовым окном и с великолепной кухней. Преимущество этого вагона было еще в том, что он был небольшой и светлый, и мы им пользовались до самого момента прощания с нашими домами на колесах в марте следующего года.

Сидорин уехал на машине, чтобы осмотреть левый фланг, где воевали 2-я и 8-я дивизии, а поскольку в машине не оказалось места для его гостя, Ллойда Дейвиса, то последний неожиданно был предоставлен самому себе. Поэтому я пригласил его походить вокруг вместе с Прикеттом, который отныне был прикреплен к финляндской гвардии и был уверен, что лучше находиться «перед» передовой линией огня, чем «на» ней, для ведения боевых действий предстоящих нескольких дней.

В 2 часа пополудни дождь прекратился, так что я получил лошадей, и мы с Лаком, имея на руках приблизительный план местности для ориентирования, отправились на поиски 17-й батареи, тогда являвшейся частью 2-й стрелковой дивизии артиллерии. Была влажная, но солнечная погода, земля покрыта лужами, и мы двигались со скоростью пешехода, ощущая холод тумана, висевшего над голой, черной и недружелюбной степью, которая, казалось, простирается до бесконечности, монотонная и пустая, сворачиваясь в складки и долины с холмами, окрашенными в такой же мрачный цвет.

Мы отыскивали штаб батареи в Лисках и встретили там ее командира, полковника Подцепукова, и полковника из 3-й Донской стрелковой дивизии, чей штаб находился в той же деревне. Я пообещал им немного материалов и медицинского содействия, а затем уехал на поиски позиций батареи.

Мне придали несколько нервозно выглядевшего казака-проводника, но так как Норманна Лака нельзя было назвать опытным наездником, нам пришлось двигаться медленно. Как только мы отъехали, красные начали обстрел деревни, но огонь велся с большим разбросом. Снаряды падали в 70 – 100 ярдах, и от них вспыхнули дома. Охваченные паникой жители бросились спасаться кто как мог – хотя ни один снаряд не лег ближе 50 ярдов от меня, – и дым от разрывов чернел на фоне ясного неба.

Мы проехали мимо позиции русских гаубиц – шестидюймовок, которые вели бой, – одна пушка вышла из строя, и артиллеристам оставалось едва ли по 20 снарядов на орудие на какое-то время, – и в конце концов отыскали так называемую «опасную» позицию 17-й батареи.

Град снарядов, к которому меня привели, вероятно, появлялся там в какое-то другое время, и голая степь вообще была лишена вида рвущихся снарядов. Определенно то тут, то там можно было насчитать от 40 до 50 воронок от снарядов, но офицеры отрицали наличие у себя каких-либо потерь в живой силе, и хотя шел уже четвертый день боев, вся череда их телег и бивуаки располагались в каких-нибудь 150 ярдах по прямой в тылу оружейных позиций. Орудия были безукоризненно чистые и отлично действовали, наблюдательный пост был там, где ему было положено находиться, то есть примерно в 600 ярдах впереди, а командир батареи стрелял в красный бронепоезд, только что появившийся, как медленно движущийся кусок металла, к югу от моста у Лисок. Солдаты в основном были удовлетворены имевшимся у них количеством британских снарядов, хотя тут не было запасных частей и масла для тормоза отката.

Над нами гудели два аэроплана, бомбившие станцию Лиски, но они никак не опускались до высоты ниже 1500 метров, что при отсутствии противовоздушного огня со стороны противника представлялось излишне большой высотой. Однако красные вступили в бой с ними, подняв ствол полевого орудия, осколки заставляли нас разбегаться, когда они стали со свистом врезаться в землю поблизости. Велся

артиллерийский обстрел и наших передовых постов, находившихся перед предмостными укреплениями. Использовались главным образом бризантные снаряды, потому что имевшаяся у них шрапнель была очень ненадежна, и снаряды взметали вверх фонтаны черной земли и глины.

В вагон мы возвратились вечером прилично измотанными и нашли там несколько офицеров из окружения Янко, включая самого генерала, которых развлекал неумолимый Прикетт. Он обращался с высокопоставленными офицерами точно в той же самой манере, что и с молодыми и шумными, и те безоговорочно ему подчинялись.

На следующее утро после завтрака с финляндскими гвардейцами мы с Лаком поехали в Острогжск. Лак, испытывая боль, на этот раз сидел в деревенской подводе рядом с моим дорожным мешком и несколькими комплектами медицинского имущества, и в конце концов мы его оставили одного.

Мой казак-ординарец, видимо, хорошо знал дорогу, и мы проехали через деревню Конорицы, где были расквартированы Луганский и Гундоровский полки. Эти части удерживали южный берег Дона вдоль линии железной дороги с помощью небольших постов, поскольку между Лисками и Коротояком не было переправ.

Солдаты расположились у обочины дороги, занимаясь стиркой рубаш, приготовлением еды и расчесыванием своих локонов, косясь одним глазом в сторону девушек и крестьянских женщин, приходивших со своими детьми поглазеть на бойцов. Воздух был полон запахов дыма и копоти, и хотя магазины были пусты, одна закусочная все же была открыта.

Эти два полка были укомплектованы спешными казаками из района Луганска и завоевали себе большую славу во время последнего изгнания красных с Дона. В состав их бригады входила батарея британских 18-фунтовых орудий, и я дал ее командиру записку, по которой он мог забрать материалы из моего вагона, а также приписку Прикетту с просьбой дать посыльному, который предъявит эту записку, чаю и джема. Я все еще готовился к отъезду на Острогжск, как появился Лак, так что, оставив его заканчивать мой в любом случае несовершенный инструктаж на русском языке, я сбежал оттуда и продолжил свой путь. Едва успел я выбраться из деревни и повернуть на юг, как услышал справа от себя грохот канонады из всех видов орудий и увидел несчастный городок Коротояк под мощным обстрелом, а в некоторых местах виднелись огни пожаров, от которых дым черным столбом поднимался в ясное синее небо.

Я не имел представления о боевой обстановке, и несколько отрядов, очевидно, полностью по собственному намерению продвигались по степной дороге, по которой держал путь и я. Я с опаской поглядывал на них, но, похоже, никто особенно мной не интересовался или не был в состоянии просветить меня, так что я продолжал ехать в сторону Острогжска, потому что провел очень долгий день и хотел устроиться на ночлег до наступления темноты. И еще я пришел к выводу, что так как, видимо, все двигались от фронта, вполне возможно, что красные начали отгонять нас назад с северного берега реки.

Лак был в добром часе езды сзади меня, так что, напоив и накормив коня, я побрел в Острогжск в одиночку. Это была типичная степная деревня с низкими, стоящими вплотную друг к другу домами, на некоторых из них были крашенные причудливые резные украшения на карнизах крыш и дверных проемах и ярко разрисованные ставни. По широким деревенским улицам бродили куры и свиньи. На площади стоял запах лавра, а осенний ветер продувал село, расшвыривая красновато-коричневую листву.

Мой французский, как обычно, оказал мне добрую услугу, и только я отыскал штаб 8-й дивизии, где меня до места ночлега довел сам комендант лагеря, как появился Лак и смог свести меня с командиром дивизии генералом Гулыгой, который завоевал себе хорошую репутацию кавалерийского генерала на германском фронте. Я прошел все обычные формальности в отношении распределения материалов, взял заявку, передал медицинское имущество их врачу и в течение получаса пытался выяснить у гулыгинского

начальника штаба, как идут дела на его участке фронта. Однако тот был весьма беззаботен относительно боевой обстановки, хотя, как обычно, гостеприимство было щедрым.

Следующим утром я бродил по городу, когда вдруг мимо меня проскакала большая группа всадников и послышались звук горна и крики, стали появляться люди, на ходу надевавшие на себя оружие.

– Наступление на Лиски отложено из-за отсутствия войск, – сказали мне. – Гулыге и его 8-й дивизии приказано немедленно идти на Пуховую для поддержки 2-й Донской стрелковой бригады, чтобы провести его как можно скорее.

Я попрощался с генералом, и на отъезд он дал нам продуктов и вызвал к себе своего личного ординарца, этакого громадного бородатого разбойника.

– Выпей за здоровье британских офицеров! – приказал генерал.

У вестового, должно быть, глотка была из асбеста, потому что он влил в себя огромный стакан чистой водки – проглотил, стоя строго по стойке «смирно»!

Мы послали телеграмму в штаб 2-й дивизии и выехали – Лак на подводе, а я на казацкой лошади. По пути мы проехали через одно из немецких поселений, датирующихся еще временами Екатерины Великой, которая завезла их для внедрения эффективных методов ведения сельского хозяйства. Это была деревня такая же, как и остальные, но тут была бросающаяся в глаза чистота, и, учитывая, что немцы впервые появились здесь сто пятьдесят лет назад, их система просуществовала весьма долго.

В Рибенсдорфе, где сейчас находился штаб 2-й дивизии, я предложил генералу Краснянскому считать, что мое посещение передовой, где солдаты, должно быть, воюют по-настоящему, будет нормальной вещью. Он с готовностью согласился. Были заказаны две подводы, в каждую было впряжено по три белые лошади, и мы галопом поскакали в разбитый и сожженный городок Коротояк.

Там, где падали снаряды, дома стояли в руинах, виднелись обгорелые стропила, и тут и там валялись останки коров или лошадей на испещренной рытвинами земле. Курятники были разбросаны вокруг, а трупы их недавних обитателей затихшие лежали на траве, окруженные собственными перьями, а немногие оцепенелые жители беспомощно взирали на обломки своих домов.

Это зрелище было не по мне, и как только я очутился в городе, который лишь вчера горел, подвергаясь сильнейшему артобстрелу, я понял, что попал в действительно нормальную гущу солдат, с которыми я смогу поладить. В окрестностях, произведя несколько выстрелов по деревне к северу от реки, находившейся в руках красных, была моя старая подруга – 3-я батарея гаубиц калибра 4,5, которую я обучал и комплектовал в Ростове.

Мы с Краснянским поехали в штаб 1-й бригады и, поскольку большая часть Коротояка все еще просматривалась красными, решили оставить верховое средство передвижения белого цвета и пошли пешком по главной улице к площади. Многие дома все еще горели.

Было видно несколько воронок в местах падения снарядов, и несколько мертвых лошадей лежали на площади, иногда в оглоблях своих телег. Они начали смердеть, и воздух был отравлен этим смрадом. Церковь была почти целиком уничтожена, и белые передовые посты удерживали разрушенные дома вдоль берегов реки. Когда мы проходили мимо них, высывались головы. Свирепые глаза скалились на нас из-под косматых казацких папах, а зубы сверкали под неровными кромками усов. Вслед нам неслись редкие восклицания, приветственные взмахи и свист.

Наплавной мост через реку из лодок и эстакад был в огне, дым низко стлался над водой в камышах, а на дальнем конце виднелась жуткая мешанина из убитых солдат, падших лошадей и разбитых машин – это там, где колонну захватили врасплох во время попытки переправиться. Какой-то конь бился, пытаясь

подняться и вырваться из упряжи, которого удерживали его сотоварищи, а еще один с блестящей от воды шкурой лежал замертво на отмели, задрав вверх копыта, а брюхо было напрочь распорото. Ветер доносил запах трупного разложения. Трупы были навалены среди разбитых на куски подвод, блокируя тот конец моста, и немногие очумелые от ужаса люди вяло помогали лошадям, пытаясь расчистить место разрушений. Красные удерживали берег примерно в 500 ярдах отсюда, и продолжалась отрывочная снайперская стрельба. Пока мы наблюдали эту картину, к нам подошел сельский священник с двумя маленькими мальчиками, и, к моему ужасу, генерал хладнокровно повел нас всех вниз, на открытое место.

– Нам надо взглянуть на мост, – произнес он, – поговорить с некоторыми людьми на месте.

Если бы это происходило на Западном фронте, нас бы подстрелили за пять минут, но тут, хорошо все осмотрев, мы вернулись назад и не услышали ни одного выстрела в свою сторону. Уже в штабе полка я встретил других офицеров и младший состав, но ни на одной душе не было британской униформы!

– Но боже мой, – воскликнул я, – весь штаб Донской армии получил шестьдесят тысяч комплектов!

Мы добрались до штаба дивизии к вечеру и сели ужинать под музыку великолепного оркестра. Там были также три исключительно симпатичные девушки, а среди них, к моему изумлению, я увидел Наташу, которую видел в штабе 2-го корпуса и которую на прошлой неделе подвозил в своем вагоне. Как и многие другие, она нашла работу там, куда и хотела поехать. После ужина мы танцевали, хотя я был смертельно усталым, а утром надо было рано вставать, чтобы успеть на бронепоезд на Лиски.

Состав, однако, тронулся раньше назначенного времени, и – я считаю – по приказу генерала меня не подняли вовремя, чтобы я успел на него. Поскольку мне пришлось провести несколько весьма напряженных дней, я об этом не сожалел и решил остаться со штабом; и провел время в ожесточенных спорах, пытаясь уговорить офицеров распределить британское обмундирование, которое я смог добыть для них, по более рациональной схеме. Я отдал Краснянскому все оставшиеся медицинские запасы, чай, сахар и табак, что имелись у меня, и предложил ему отправить со мной на следующий день какого-нибудь офицера, чтобы взять еще из моего вагона. Но вместо офицера он послал Наташу, которая поехала на деревенской телеге вместе с Лаком, к очевидному взаимному удовольствию обоих, и сумела с помощью лести выманить у британских офицеров, которых она, приехав, подстерегла в засаде, куда больше, чем просто справедливая доля джема и шоколада.

Из имевшейся у нас информации вполне логично вытекало, что красные оставят нам Лиски без сопротивления, но были и признаки растущей концентрации красной кавалерии в нашем тылу на правом фланге напротив участка Казанского. Было похоже, что они пытались заставить 3-й Донской корпус с занятием Лисок еще больше растянуть коммуникации, так что у главной контратаки красных через Дон появится дополнительный шанс на прорыв в направлении Кантемировка или Миллерова, и тогда штаб армии будет отрезан от основных сил.

По мере того как тянулся вечер, стали все более настойчивыми слухи о том, что красные фактически уже переправились через Дон и рвутся напрямую к железной дороге, и стало очень отчетливо звучать знакомое выражение «сматываться».

– Сколько мы будем здесь оставаться? – услышал я, как кто-то тревожно интересовался, и с того момента посыпались вопросы во все стороны:

– Правда, что красные в пяти милях от нас?

– Останется ли эта толпа верной нам?

– Правда, что кубанцы откололись?

Я не знал, что отвечать, но знал, что кубанские казаки митинговали и замыслили в какой-то момент

выйти из войны.

Однако посреди всей этой суматохи возник комический элемент, который привнесло прибытие представителя американского Красного Креста в виде американского лейтенанта Бойла в сопровождении моего старого друга Абрамова – переводчика и героя эпизода во время ужина у д-ра Чайла.

Состояние, в котором прибыли эти двое, было жалким. Они, полные оптимизма, отправились на фронт в багажном вагоне без каких-либо продуктов и запасов и за три дня пути чуть не умерли с голода, поскольку вместо торжественных приемов и почетного караула, на которые они рассчитывали, на них нигде не обращали внимания, и они сейчас были отчаянно голодны, уставшие и несчастные. Вдобавок к этому Абрамов слишком остро воспринимал распространившиеся слухи о перерезанных коммуникациях и был доведен до состояния абсолютного ужаса.

– Господин майор, – заявил он, – вы обязаны спасти нас!

Мы все подыгрывали его нервному состоянию, и на впечатляющем притворном совещании, на котором все мы играли роли мрачных героев, был разработан план действий «последнего очага сопротивления» британской миссии.

На следующий день мы отправились на юг, и над бронепоездом развевался британский флаг рядом с флагом Донской армии, но перед отъездом я сурово отчитал Абрамова.

– Ваш долг – оставаться с этим храбрым американским офицером, – заявил я. – Поскольку вы так бездумно довели его до опасности, не имея на то причины, вы обязаны вызволить его целым и невредимым!

По правде говоря, опасности практически не было, и все благополучно добрались до Миллерова 18 сентября.

Глава 11

На следующее утро я опять поднялся вовремя, забрав с собой все, что оставил из медицинских принадлежностей, чай и сигареты, потому что оставалась последняя дивизия 3-го корпуса, в которой я должен был побывать, – это 1-я дивизия в Новой Калитве. Она считалась лучшей в Донской армии, а в ее 1-ю бригаду входили казацкий полк из личной императорской охраны покойного царя, а также полк охраны донского атамана, причем все это были отборные солдаты, хорошо обученные и дисциплинированные. В эти два полка шли все уцелевшие воины из старых гвардейских полков, но пока их кастовый дух и достоинства их офицеров были на высоте, им обычно давали самые трудные задания.

Тут я впервые увидел своими глазами организованную воинскую часть из знаменитой калмыцкой кавалерии, бойцы которой, хотя и были натурализованными донскими казаками, фактически являлись кочевыми племенами, жившими в степях возле рек Сал и Маныч. Они были монголами по внешности и буддистами по религии и занимались коневодством. Несколько хорошо известных племенных конезаводов Южной России находилось в их краях, и калмыки в большом количестве поили своих детей молоком кобылиц, так что когда большевики отобрали у них почти весь скот, калмыки стали яростными антибольшевиками в своих политических симпатиях. Они были великолепными и хорошо вымуштрованными воинами, но стоило только ослабить узду, как они становились такими же жестокими, как и любой дикарь. В полку было лишь 400 человек, а их полковник, молодежавый мужчина с одним из самых жестоких и самоуверенных лиц, какие мне довелось увидеть, был европейского типа, хотя и калмыцкой крови, проявлявшей свое присутствие в смуглом цвете кожи и узких, раскосых глазах.

Калмыцких казаков всегда можно было отличить по желтой ленточке, которую они крепили поверх своих темных с синим верхом папах, в отличие от красной у обычных донских казаков, у сибирских казаков была розовая лента, у уральских – розовато-лиловая. В 1-й дивизии два гвардейских полка также носили отличительные папахи: казаки лейб-гвардии – с красным верхом, а атаманская охрана – с ярко-синим. Также все казаки имели широкие лампасы на своих походных штанах, цветом соответствовавшие цвету папахи, в отличие от узкого красного канта у остальной части русской армии.

Из-за нехватки коней организация полков строилась на принципе трех пехотных рот и одной конной сотни, вооруженной как пиками, так и саблями, поскольку донской казак – улан, в отличие от кавказского, который по натуре – только фехтовальщик. Пулеметы использовались по полковой системе, каждая часть имела свою группу, а в этой бригаде было несколько пригодных на вид орудийных передков, на которых перевозились пулеметы с помощью специальных креплений на сиденьях, так что они могли вести стрельбу поверх зарослей кукурузы либо сена во время летних боев в степи. Эти солдаты не получили вообще никакого британского обмундирования из самых последних поставок, и я разглядел лишь десяток или около этого старых тренировочных курток хаки на всю батарею. Им, однако, были даны орудия «льюис», хотя всего лишь с шестью запасными тормозными цилиндрами к каждому орудию, и при этом никаких инструментов, но эти пушки никогда и не были популярными у русских, которые всегда громко требовали орудий «викерс».

Мы побывали на наблюдательном пункте 2-й батареи 18-фунтовок, и перед нами открылся вид через реку в направлении Казинки и Варваровки. Враг внешне вел себя очень спокойно, и когда была предпринята попытка переправиться через реку, она не встретила никакого сопротивления. Однако выяснилось, что мост возвести невозможно, и поэтому вся дивизия переправилась на плотках, вызвав этим огромный интерес у Ллойда Дейвиса, который хотел тут же отправиться за одним из поездов, с помощью которых наводят понтонные переправы, а эти поезда уже пришли в Миллерово, и сделать все испытанным «саперским» способом. Я передал все свои резервы запасных частей, носков и продуктов в полковые

столовые и решил вернуться в Кантемировку на следующий день. Так как неподалеку, однако, был участок хорошей болотистой местности, вечером я отправился пострелять бекасов, и меня сопровождали офицер с двумя уланами верхом в качестве загонщиков. К их огромному восхищению, мне удалось подстрелить четыре пары, мы видели несколько зайцев, а за все это, как в награду, меня растерзали комары.

Я провел обычное совещание с дивизионным штабом и командирами по поставкам и распределению обмундирования, уходу за британской техникой, обучению и общей ситуации – не только в данных краях, но и в Европе в целом. Мне задавали бесконечные политические головоломки, на которые приходилось давать осторожные ответы. До моего сведения доводились все проявления германского содействия большевикам, и я видел, что всю эту дивизию, которая была первой из образцовых дивизий Краснова, созданных под наблюдением немцев, пронизывает давнее восхищение этой системой.

Я пообещал прислать еще одну 18-фунтовку и офицера, чтобы отремонтировать их технику и обновить резерв запасных частей.

В ожидании, пока мой вагон прибудет в Евстратовку, я встретил новую воинскую часть на поездах, стоявших на запасных путях этой железнодорожной станции. Это была Тульская бригада, которая в массовом порядке перешла от большевиков и присоединилась к кавалерийскому корпусу Мамонтова во время рейда последнего. Это было закаленное и хорошо оснащенное воинское соединение, где командовали большей частью офицеры старой императорской Российской армии, вынужденные перейти на службу большевикам из страха, что будут перебиты их жены и семьи.

– Именно коммунисты виновны за все зло, совершенное большевиками, – утверждали они. – Это они ввели дисциплину с помощью смертной казни, но сами не подчиняются ни законам, ни правилам.

Похоже, Красную армию обучали несколько высококвалифицированных германских офицеров, и мои информаторы сообщали мне, что ожидается прибытие новых. В Тульской бригаде было свыше 400 бывших царских офицеров.

– Теперь наши семьи в безнадежном положении, – говорили они. – Мамонтов казнил слишком много большевистских комиссаров и еврейских революционеров!

Впоследствии я слышал, что красные проводили систематические облавы на всех их родственников, как молодых, так и старых, и расстреливали.

Я уехал оттуда в полночь и на следующий день приехал в Кантемировку, где генерал Иванов выдвинул свои требования в отношении того, что считал важным. От меня ожидали, что всего лишь через несколько дней я представлю 15 000 комплектов обмундирования, 8 автомашин, 20 мотоциклов, 5 минометных батарей «стокс», неограниченное количество орудий «викерс», аэропланы и медицинские инструменты, 1000 кавалерийских седел, 12 батарей 18-фунтовок и множество комплектов британского офицерского обмундирования.

– Что-то будет прислано с офицером связи корпуса, – осторожно заявил я и возложил бремя объяснений причин нехватки на эту несчастную личность, когда она прибудет сюда.

Я сразу же хотел отправиться в Новочеркасск, но по пути к начальнику станции, где я хотел договориться, чтобы мой вагон был отправлен на юг с первым возможным поездом, увидел подходивший к станции увешанный флагами паровоз, с которого спрыгнул Жеребков, адъютант атамана Богаевского, чтобы поприветствовать меня словами:

– Да вы как раз тот человек, который нам нужен! – После обмена рукопожатиями он продолжил: – Прежде всего, премьер-министр Алферов хочет назад свой вагон, который одолжил вам. А во-вторых, его превосходительство атаман собирается на фронт и хочет, чтобы вы присоединились к нему.

Это была отличная новость, и я не колеблясь перенес свои вещи. Богаевский сердечно меня приветствовал.

Первым он должен был посетить 2-й корпус, но, как обычно, все в последний момент переменялось, и поезд вместо этого отправился в Евстратовку, откуда мы опять поехали в 1-ю дивизию, чей штаб уже находился к северу от Дона в Гороховке. Воевавшая там русская батарея была полностью экипирована в британское обмундирование, за исключением казацких папах, и из Кантемировки были посланы резервы для батарей 18-фунтовок. Мы вернулись на автомобиле к поезду вечером и ночью же поехали в Подгорную.

Продвинувшись следующим утром на восток, в Семейке мы погрузили машину на паром, которым шестью управляли старые бородатые селяне, и последовали за войсками на Варваровку, которая прошлым вечером была взята 6-й пехотной бригадой. В деревне было захвачено 2 полевых орудия, 16 пулеметов и 300 пленных. Пленные были охвачены ужасом, потому что ожидали – и, как оказалось, совершенно справедливо, – что будут расстреляны теми, кто их захватил. И они вовсю уверяли, что были насильно завербованы красными, что не осмеливались дезертировать из страха, что с их семьями расправятся. И опять это была Тульская бригада, но на этот раз их вывели из города и всех расстреляли из пулеметов. Так что не только красные совершали жестокости.

Именно такими боями характеризовалась эта война. Смерть от настоящей встречи в разгар боя с пулей или снарядом была не такой обыденной вещью, а вот резня пленных или горожан, голод и, что еще хуже, эпидемия сыпного тифа и холеры – вот это были настоящие враги.

Впечатление было жуткое, но ненависть, порожденная Гражданской войной, исключала всякую пощаду, и, по нашему мнению, о ней и не просили, самым разумным было стараться не видеть того, что происходило.

Ни в одном из полков 6-й бригады не было носилок – только длинные шесты, соединенные дерюгой, – а солдаты были экипированы отвратительно, у многих не было ботинок. Что происходило с британским обмундированием, которое приходило на фронт, я не мог понять, но ходили слухи, что казаки отсылали его домой, а сами на фронте ходили в тряпье!

До нас доносился шум продолжавшегося на востоке боя, поэтому мы отправились без эскорта в Гилушу, где обнаружили калмыцкий полк и 4-й Донской пехотный полк, которые захватили деревню этим утром ударом с юга. Казаки лейб-гвардии выставили вокруг деревни посты, а их штаб разместился в доме священника, но наши самые передовые посты стали отходить, столкнувшись с сильным сопротивлением примерно в трех милях к северу и востоку от села.

Мы думали вернуться следующим утром через Павловск, захваченный 7-й бригадой, поэтому уснули на соломе на полу с заряженным оружием. Рано утром начали постреливать снайперы, но с казаками лейб-гвардии я чувствовал себя в такой безопасности, как нигде еще в России. На другой день утром до нас дошли свежие новости.

– Павловск все еще в руках врага, – сообщили мне. – Наше наступление на Журавку отбито.

Наши войска отходили точно на юг, и если бы мы поехали дальше, как и намечали, то приехали бы прямо в руки большевиков. В качестве альтернативы Богаевский решил вернуться к железной дороге и осмотреть войска 8-й дивизии, но пришла еще новость о том, что Лиски наконец-то взяты, поэтому он приказал немедленно двигаться в этом направлении, и до наступления темноты мы въехали по железнодорожному мосту на станцию. Слева от нас Добровольческая армия все еще стойко удерживала позиции, а ее передовые уже приближались к Курску, так что весь Донской край теперь был очищен от красных, и ожидалось наступление на районы Воронежа и Тамбова.

На следующее утро мы отправились на бронепоезде, поддерживавшем 2-ю Донскую стрелковую бригаду, стремившуюся, преодолевая сопротивление противника, перейти реку Корец, но один из командиров батальонов подвел бригаду, и операция закончилась неудачей, солдаты начали отступать, бросая боевую технику и волоча за собой винтовки. Появилась подвода, набитая ранеными, головы людей подбрасывало, когда колеса попадали в рытвины и колдобины. Проскакали несколько человек на лошадях, сгорбившись на своих седлах, у одного или двоих из них бинты были пропитаны кровью. Лица были мрачные и ужасные, будто они проклинали штаб за свой разгром.

Потом, пока я наблюдал, примерно в 600 ярдах из-за взгорка появился красный бронепоезд. Никто не знал, что он там был, и это оказалось весьма неожиданно. Кто-то вскрикнул, и все стали крутить головой, потом кто-то нырнул в укрытие, а кто-то поспешно бросился к безопасному месту. Подводы полевого госпиталя понеслись галопом, находившиеся в них раненые молили о пощаде, потому что тряска причиняла еще большую боль их ранам, а всадники на взгорке рассыпались во все стороны – сбруя позвякивала, сабли шлепали по седлам.

Поезд остановился, и первый треск выстрела его орудия заставил каждого замереть на месте на секунду в ожидании, куда упадет снаряд. Он взметнул землю и камни вблизи от нашего собственного бронепоезда, который сразу же повел ответный огонь. К счастью, стрельба была плохой с обеих сторон, и легкобронированный поезд перед нами получил наибольшую долю повреждений – мы видели, как щепки отлетали от вагонов, когда возле них взрывались снаряды. Однако схватка не выявила победителя, и обе стороны разошлись на безопасное расстояние, не нанеся большого урона.

По возвращении в Лиски Богаевский отвел меня в сторону.

– Вам надо выступить перед толпой на станции, – заявил он. – Рассказать о Британии. Вы должны объяснить свои причины, по каким желаете восстановления мира в России.

Это был случай, когда антибольшевистские силы впервые заняли Лиски, и у меня оказались самые внимательные слушатели, стоявшие на телегах и ящиках, эти косматые, бородатые лица на фоне старомодных резных карнизов станционных зданий. С широкими улыбками подошли крестьянские женщины после пахоты такими древними устройствами, каких мы никогда в Европе не видели, и стали вокруг, наблюдая за происходящим, окруженные своими детишками в лохмотьях. Мужчины в плоских фуражках и крестьянских рубахах стояли на краю толпы, некоторые из них были настроены не так дружелюбно, как женщины, и явно ломали себе голову, что они могут выиграть от этого приезда.

Мы выехали после полудня на машине и направились на юг в поисках контакта с кавалерийским корпусом генерала Коновалова, который опять перешел Дон и продвигался к Калачу. Дорога была в ужасном состоянии, потому что всю ночь шел дождь, но мы в конце концов, шатаясь и скользя, добрались до Бычка, где провели смотр нищенски экипированных и измотанных физически войск 2-го корпуса. Однако Коновалов выступил раньше и, как сообщили, устроил свой штаб на ночь в маленьком селе на полпути к Калачу, который он надеялся взять на следующий день.

Атаман решил попробовать нагнать его еще до прихода ночи, и мы поехали прямо по степи в могучем «паккарде». Дорога была разрушена – очевидно, утром ею пользовалась кавалерия, и мы встретили по пути несколько групп всадников, бесцельно бродивших по степи, и, похоже, никто из них нами особо не интересовался. Те, кого мы остановили, не были в состоянии дать нам хоть какую-то информацию. Мы остановились, и началась обычная нескончаемая дискуссия о том, на правильной ли мы дороге или нет, которая, похоже, всегда является частью любой поездки на автомашине.

Погода портилась, пошел дождь, опустился туман, и я не особенно горел желанием провести ночь в степи, особенно ввиду того, что у нас не было доказательств, что большая кавалерийская группа, которая

прошла впереди нас, была нам дружелюбна.

Споры становились все громче, мы выбрались из машины и стали вглядываться в сгущающуюся тьму, чтобы разглядеть колею. Мы уже стали испытывать замешательство и абсолютное утомление, когда неожиданно в тумане перед нами замаячил отряд всадников, двигавшийся прямо по той колее, что и мы.

– Тихо!

Наступила такая тишина, что можно было чуть ли не разрезать ее ножом, и мы совсем ясно увидели очертания лошадей, двигавшихся к нам, крупные при слабом освещении, винтовки и лохматые папахи. В тумане они казались огромными, и мне просто подумалось, что лучше всего делать, если окажется, что это красные. И тут они остановились.

От отряда отделились три солдата и направились к нам. Всадник в центре был в фуражке набекрень, и, к нашему большому облегчению, им оказался сам Коновалов. Остальная часть группы – его личный эскорт.

– Мы выехали вам навстречу, – сказал Коновалов атаману. – Думали, что вам понадобится охрана на оставшуюся часть пути. Тут красная кавалерия вокруг.

Я ответил, что мы, вероятно, не особенно много видели кавалеристов, но, слава богу, те, которых мы останавливали, выясняя дорогу, не проявляли враждебности.

Коновалов согласился.

– Возможно, это были красные дезертиры, – сказал он. – Вчера мы разбили их группу, и они, наверно, пробираясь к своим станицам, высматривают добычу. Вряд ли они причинят вам какие-то помехи.

Но я не был в этом уверен. Если б они знали, что с нами атаман, любой из более крупных отрядов, который мы видели, наверняка решил бы, что атаман стоит того, чтобы взять его в плен.

– Поступило сообщение, что кавалерийский отряд большевиков численностью около тысячи человек продвигается из Богучар, – продолжал Коновалов. – Мы полагаем, что они вступят в контакт с нами в любой момент до наступления темноты, так что, чем скорее мы окажемся у своих пикетов, тем лучше.

Он отдал приказания и развернул коня, а другие всадники окружили его кольцом. Мы последовали за ними на автомашине, подскакивая на неровной колее в тылу у группы. До безопасного места оставалось еще две мили пути, и мы, наконец, потеряли казаков из виду, пока они неслись более коротким путем, но в конечном итоге и мы въехали в село, где Коновалов разместил свой штаб, примерно через час после отряда Коновалова и поужинали омлетом, супом с хлебом, маслом и вином, что подавала нам привлекательная девушка-турчанка по имени Айша.

Перед самым нашим приездом начался дождь, и сейчас он лил как из ведра. Когда мы поужинали, послышался глухой звук пушечного выстрела, и все вскинули голову, прислушиваясь. Вновь раздались выстрелы, а затем равномерный грохот перестрелки, за которым последовала пулеметная и винтовочная стрельба рядом с нами.

Казалось, поначалу никто не обращал на это внимания, но я заметил, что стали прибегать вестовые с донесениями от командиров кавалерийской группы Коновалова. Мой сосед наклонился ко мне.

– Говорят, красные в Журавке и вокруг нее, – сказал он.

Вероятно, красная кавалерия, которую они ожидали, получила подкрепление в виде других частей и теперь стала мощным и угрожающим формированием. Другие части красных, хотя и действительно все еще отходящие прямо на север от Нижнего Мамона, продвигались по нашим коммуникациям и были достаточно сильны, чтобы стать угрозой.

Интенсивность перестрелки возросла, нерегулярно вспыхивая и затихая, и мне показалось, что она стала приближаться. Тут я заметил пару перешептывавшихся офицеров и почувствовал, как атмосфера в штабе становится все более напряженной. Мой сосед заверил меня, что все в порядке.

– Мы отводим свои эскадроны для сосредоточения, – утверждал он. – Волноваться совершенно не о чем!

Поведение некоторых офицеров Коновалова не совсем вязалось с тем, что он говорил мне. Они все еще перешептывались, и я несколько раз уловил слово «большевик».

Турецкая девушка Айша все еще выполняла свои обязанности с неизменным выражением лица, но я все время видел, как ее глаза вспыхивали при взгляде на Коновалова. Было совершенно очевидно, что что-то висит в воздухе, и, даже пока задумывался, о чем же все они переговариваются, я заметил еще одну группу офицеров и поймал несколько тревожных взглядов в направлении атамана. До меня дошло, что ситуация, вероятно, более опасная, чем я полагал, и что красные серьезно угрожают нашим коммуникациям да и нашим нынешним позициям.

– Нам придется трудно, если ночью или рано утром нас атакует красная кавалерия, что обретается по соседству, – сказал Жеребков, а поскольку у меня не было желания попасться по неосторожности, я настоял не только на том, чтоб установить пушку «льюис» на «паккард» и заставить шофера каждые два часа заводить мотор, но также и позаботился, чтобы кони и солидный эскорт держались под седлом во дворе нашего жилья. Я знал, насколько безнадежно беспечны русские, и хотя уже были отданы приказы о более обширных мерах предосторожности, чем эти, ни один из них не был выполнен.

С наступлением темноты активность скорее возросла, чем спала, маленькие вспышки, а затем мощное крещендо огня доносилось в спокойном воздухе, когда у казаков сдавали нервы, и они вели непрерывный огонь по любому – будь то друг или враг, – кто оказывался поблизости. И все это время атаман оставался внешне невозмутимым, а Айша развлекала нас рассказами о своей жизни в качестве медсестры Красного Полумесяца. Она трудилась у казаков-мусульман Кавказа и у большевиков, которые насильно заставили ее прислуживать им.

Примерно в 11 часов ночи мы все легли на пол, но перед тем как заснуть, атаман сказал мне с вялой, спокойной улыбкой:

– Спокойной ночи, мой майор, думаю, завтра утром мы увидим очень красивое кавалерийское сражение.

Вскоре после рассвета возобновилась стрельба, и храп коней в селе говорил о том, что предстоит атака на большую колонну красных, которые вступили в бой с частью нашей кавалерии не так далеко отсюда. Улицы были полны солдат, покидавших места ночлега и становившихся в строй, их обувь и одежда были забрызганы грязью, оставшейся от дождя. Они уже громыхали, строясь в полки на открытом месте за деревней, и через короткое время длинные их колонны позвякивали на пригорке примерно в миле отсюда. Их разведчики были уже от противника на расстоянии огня дальнобойных пулеметов, если судить по звукам, доносившимся с дальней околицы села, и иногда мы видели, как один из них поворачивал либо скакал туда-сюда вдоль бровки холма, обозначая тем самым, где залег враг. Я весьма надеялся, что мы увидим хороший пример кавалерийского боя, но то, что происходило, оказалось изрядно унылым делом.

Казачьи эскадроны, позвякивая, мчались по степи, а потом, одолев участок подъема на дороге, появилась красная кавалерия, за которой последовали пушки и колонна телег. Наши собственные орудия и подводы двигались им навстречу, издавая этот особый шелестящий шум колес по траве, и до того, как они осознали, где находятся, красные обнаружили, что по обоим их флангам находятся казаки, и тут началась беспорядочная стрельба. Командовавший казаками офицер был на бугорке, за которым расположилась

батарея. В 100 ярдах от нее были два казачьих эскадрона ее прикрытия. Враг позволил завлечь себя в ложбину в двух милях отсюда.

Красная артиллерия открыла огонь, и казаки заколебались, когда среди них стали рваться снаряды. Упала какая-то лошадь, дергая ногами, потом, когда офицеры накинулись на казаков, стегая их саблями плашмя, подгоняя вперед, они стали занимать позицию, и мы увидели, как заблестели их похожие на серпы сабли.

Соседний эскадрон пронесся мимо нас, позвякивая снаряжением, поскрипывая кожей, кони храпели, и под крики и призывы офицеров они присоединились к общему движению вперед. По команде они одновременно обнажили свои сабли, и бег лошадей сменился на легкий галоп, потом они развернулись и помчались на соединение с другими частями, размахивая оружием и крича на скаку, и каждый боец, напрягшись в своем седле и устремившись вперед, рвался в бой. Когда они проскакали и достигли красных, рубанули сабли, и пара человек рухнула вниз из седел. Один из них сел, держась за голову, а казаки пронеслись мимо, кружась вокруг арьергарда красной кавалерии, и красные начали вскидывать руки до того, как два соединения плотно сомкнулись. Полетели вниз флаги, а за ними последовало и оружие. Еще несколько человек сползло с седел до того, как утихло возбуждение боя, потом казачьи эскадроны отпустили поводья и образовали цепь позади и по бокам от красных, крича и наезжая на своих пленников, чтобы построить их в линию, и вся масса начала медленно двигаться в нашем направлении.

Я вернулся в свой штаб в Новочеркасске на следующий день поздно вечером, испытывая крайний восторг от результатов своей поездки. Я хотел опять побывать в 1-м корпусе на правом фланге, но у меня было очень мало имущества и запасных частей, поэтому я решил ехать прямо в Новочеркасск на ремонт и провести там неделю перед тем, как вновь отправиться в путь.

В Новочеркасске я обнаружил великолепную партию имущества для столовых, рационов, обмундирования – фактически все, что можно украсть со склада. И самым главным из моих призов было несколько тюков мундиров хаки, присланных для починки нашего собственного обмундирования. Это я передал в военное училище шитья для переделки в мундиры для русских офицеров.

Я не стал тратить время зря и зашел к атаману поблагодарить за поездку, и он пригласил меня сопровождать его на большом празднике в Старочеркасске, где отмечалась годовщина битвы при Азове. Мы отправились на речном пароходе, который был приобретен для него, но это была пугающая старая развалина. Церемония состояла из обычного не производившего впечатления памятного богослужения на открытом воздухе, за которым следовали смотр войск и ужин в городской управе старой столицы донских казаков. Поскольку сезон дождей еще по-настоящему не начался, в Старочеркасск можно было попасть со всех сторон, хотя зимой он превращался в остров, окруженный водой на несколько миль, внутри которых было невозможно отыскать настоящее течение Дона.

По моем возвращении атаман сообщил мне, что назначил Алекса Смагина моим связным.

Глава 12

Я сразу же заглянул к Смагиным. Я ощущал все большую привязанность к ним во время коротких приездов в Новочеркасск. Алекс был приятным, несмотря на свои недостатки, парнем, а его жена Муся была большой красавицей и выдающейся личностью, человеком большого мужества, и в течение минувших беспокойных трех месяцев я, хотя и встречал ее менее десяти раз, очень привязался к ней.

Мы сразу же поняли, что оба преданы делу Белой русской армии, и в последующие недели она постоянно помогала мне в моей поддержке донских казаков, и в конце вышло так, что я сам помог ей и немногим из ее друзей спастись. В последний короткий период, когда мы были вместе в Новочеркасске, она работала на меня как исключительно компетентный офицер разведки и точно так, как это делал Норманн Лак со своей женой, собирала обрывки разговоров и много другой бесценной информации в отношении сепаратистских интриг, которые уже начали развиваться в казачьем командовании. Все это помогало мне при подготовке планов, предусматривающих все возможные случайности, и к этому времени стало очевидно, что таковые могут произойти. В то же время она проявила себя неоценимым консультантом в моих встречах с беженцами, которые зависели от меня, и была незаменима при подготовке их организованной эвакуации.

Помимо этих прозаических талантов она обладала и высшим даром – как вспышка молнии, могла моментально реагировать на дух текущего момента и задействовать весь свой огромный потенциал – о котором она хорошо знала! – чтобы вызвать улыбку, вселить в душу уверенность и чувство близости. Кроме того, она вела себя как тактичный и грамотный посредник между всеми слоями беженцев, помогая успокоить их и поторопить при подготовке к последней эвакуации.

Все мы по возможности старались видеть только яркие стороны и не думать об эвакуации, но с прошедшего лета дела чудовищно изменились, и все чаще и чаще нам приходилось теперь задумываться о вероятности поражения.

Несомненно, эта возможность вызывалась полной неспособностью белых организовать, а генералов – действовать согласованно друг с другом для координирования своих атак, неизбежной коррупцией, ленью и безразличием многих офицеров и чиновников, а также русским неумением быстро реагировать на события или принимать простейшие меры предосторожности от катастроф. «Санитарный кордон» через Европу против распространения коммунизма, который мысленно видел Черчилль, очевидно, начал рушиться, но я старался не осуждать русских за их недостатки. Признавая их существование, я всегда стремился занять позицию сочувствующего друга, пытающегося вместе с ними преодолеть жуткие трудности, с которыми мы, несомненно, сталкивались.

Когда я появился, Смагины приняли меня с распростертыми объятиями, и у них в доме я опять столкнулся с мадам Рештовской, Абрамовыми, Чебышевыми, которые сейчас оба работали в парламенте, и Еленой Рутченко, которая с мужем жила в Ровеньках, что примерно в 60 милях к северу от Новочеркаска, но для большей безопасности переехала в столицу. Они все были немного опечалены – один из наших товарищей, Елена Абрамова, умерла от тифа.

Мы пробыли вместе недолго, потому что почти сразу же мне надо было уезжать в Суrowsикино, но в течение недели, пока я находился в Новочеркасске, Лак был занят, а его огромная ценность была в том, что он переводил, используя как свой мозг, так и язык, и улавливал такие косвенные намеки, которые никакой русский переводчик не смог или не стал бы переводить мне. Муся часто разговаривала с генералами и передавала то, что слышала, как делал и Алекс, когда бывал достаточно трезв для этого, но у Лака были и другие достоинства. Приехав с женой из Петрограда, он был хорошо знаком с теми, кто часто устраивал

званные вечера для вновь прибывших беженцев, и мог просеять всевозможные слухи. Впрочем, этим могла заниматься и его жена.

В тот вечер, как мы прибыли в Суровикино, впервые пошел снег. Какое-то время то начинался, то прекращался холодный мелкий дождь, который, по сути, не был ни дождем, ни снегом, а чем-то средним, но теперь поднялся ветер, деревья склонились под напором бури. Ветер стаскивал одежду, ползал по спине и морозил пальцы, потом пошел снег, из темноты вихрем возникли легкие хлопья и толстым слоем легли на землю, выделяясь белизной на черном, стальном фоне домов. Становилось все холоднее, люди уткнули носы в поднятые воротники, и округа стала чудесно выглядеть под мантией белого цвета, полная домов с теплыми желтыми огнями окон. За ними лежали холмы в четких черных и фиолетовых красках.

На следующий день опять пошел дождь, но от этого первого снега царило какое-то ощущение возбуждения, особенно среди британцев. Уже снова стало грязно, канавы были полны снежной жижи, но мы заметили, как звук колоколов церкви приглушается падающими хлопьями, и нам захотелось поскорее увидеть знаменитую русскую зиму.

Мы намеревались осмотреть одну медицинскую часть, устроившуюся в деревне, потому что бывший со мной офицер по имени Роч крайне интересовался вопросом немедленной и длительной изоляции больных тифом. Он перенес, однако, жестокий шок, увидев полное отсутствие каких-либо мер в этом направлении. Подготовка больных к перевозке в санитарных поездах, завернутых только в стерилизованные одеяла, в то время как их инфицированная одежда систематически пропаривается и готовится к повторной выдаче, представлялась нам достаточно простым делом после того, что мы видели во Франции, но здесь для русской медицины это все еще было недостижимой вещью. Дело еще осложнялось тем, что вся одежда, одеяла и любое другое имущество, побывавшее в пользовании у солдата сколь угодно короткое время, с этого момента считалось его личной собственностью. Однако Роч настоял на посещении стерилизующих и дезинфицирующих устройств, и нам раскрылось страшное состояние дел.

Какой-то подвал использовался как «серный ящик» для дезинфекции одежды, но, судя по стремлению потянуть время и изменить распоряжение русского офицера-медика, этот аппарат не использовался. В конце концов нас подвели к неприглядного вида бойлеру на колесах.

– Он постоянно использовался вплоть до самого недавнего времени, честное слово, – уверяли нас. – Он только сейчас простаивает, потому что человек, который в нем разбирается, заболел.

Машина, несмотря на вид, была совершенно в рабочем состоянии, но наверняка не использовалась уже несколько месяцев, и, несмотря на протесты со всех сторон, Роч упорствовал в своем наступлении на этот «серный ящик». Опять начались проволочки и предложения альтернативы.

– Я хочу видеть серный ящик! – настаивал Роч.

– Но мы же показали вам серный ящик! – отвечал русский.

– Это не серный ящик.

– Разве?

– Нет!

– Но очень эффективный.

– Это не серный ящик.

В конце концов кто-то что-то шепнул русскому доктору, и тот обратился к Рочу.

– Надо отыскать человека, у которого ключи, – сообщил он. – Похоже, он куда-то исчез. Мы уже

послали поискать его.

К тому времени как нам удалось дойти до цели, они сумели развести серную горелку в подвале, от чего можно было убить всех вшей в радиусе шести миль, и уже практически удушили весь персонал, которому полагалось отвечать за эту работу. Эти люди явно никогда до этого не работали с установкой.

Единственным светлым пятном во всем этом безразличии и неумении было то, с чем я все чаще сталкивался и что проливало яркий свет на один из самых мучительных вопросов, касавшихся общественных условий в России. Это были пронизательность, умение, деловитость и настойчивость в требовании помощи и совета, проявленные еврейскими врачами, которых всегда было один или два в каждой медицинской части. Это была единственная должность, в которой евреям разрешалось служить, и в сравнении их методов с теми, что применяли ортодоксы-русские, было легко разглядеть причину того выдающегося положения, которого они достигали в любом районе или обществе, где обосновывались. Более резкий контраст трудно себе представить.

– Проще было бы дать евреям править Россией, – сказал Роч. – Похоже, они – единственные люди, способные управлять всем, чем угодно.

Фактически их компетентность и энергия, подкрепляемые чувством обиды за поколения несправедливого обращения и нетерпимости, привели многих из них в авангард большевистского движения.

На следующий день мы отправились верхом и добрались до Манелина, где находился штаб 1-го корпуса. Командир корпуса генерал Алексеев был на передовой, но мы встретили его заместителя генерала Маркова, и предметом обсуждения стал болезненный вопрос артиллерии. У него были лишь две батареи, вооруженные британскими 18-фунтовиками, и одна батарея гаубиц калибра 4,5 дюйма.

От Манелина на следующий день мы поехали на машине с самим генералом Марковым и его адъютантом. Марков, который всегда носил белую меховую папаху, был много старше большинства русских генералов и обладал вспыльчивым характером, но он также умел произносить шутки самым обыденным голосом и был, должно быть, очень хорошим солдатом старой школы.

В Усть-Медвединку мы приехали поздно ночью, свет фар машины желтел в тумане и резко подскакивал, когда машина преодолевала ухабы. Сейчас Усть-Медведицкая была штабом 6-й дивизии, и так как мы все время упорно рвались вперед на север с тех пор, как отошли от железной дороги, я не удивился, увидев вокруг изобилие снега. Он вместе с грязью, оставшейся после дождя, за которым последовал первый снегопад, привел дорогу в жуткое состояние – появились огромные глубокие рытвины, где останавливались целые вереницы всевозможных автомобилей. Первой застряла машина с вращающимися колесами, в которой с удобством сидел офицер, и, пока заляпанные грязью солдаты трудились, чтобы высвободить машину, позади остановилась еще какая-то телега. Скоро образовалась огромная пробка из транспортных средств, все увязли в этой грязи, которой было по колено, солдаты матерились, изо всех сил стараясь привести машины в движение, возницы стегали своих лошадей, а старшины бродили из конца в конец, пытаясь навести хоть какой-то порядок в этом хаосе.

Уже наступил ноябрь, прошло пять месяцев с тех пор, как я нанес первый визит в долину Дона в палящий зной и встреченные мной люди были полны оптимизма в связи с победоносным наступлением казаков. Сейчас лица были суровее, и не было уже радостного ожидания, присущего тем дням. Времена переменились, и вместо желанного наступления на Москву белые армии повсюду отступали.

Сейчас приходили самые тревожные вести.

– Происходит общее отступление Добровольческой армии из района Курского выступа, – сообщили

нам. – Это вызывает отход кавалерии Шкуро. Войска понесли тяжелые потери в ходе воронежских боев. Также отходит весь 3-й Донской корпус. Он удерживает линию, идущую от железной дороги из Подгорной до Валук.

Похоже, задачей 1-го корпуса было удерживать подступы к плацдарму Усть-Медведицкой и сохранять контакт с левым флангом Врангеля. Но и Врангель был в опасности на Волжском фронте, где большевистские речные канонерки играли очень важную роль в крушении его надежд, а переменчивый характер его кавказских кавалеристов свидетельствовал о непригодности к длительному, упорному сопротивлению, на которое их вынуждало навязанное им численное превосходство красных.

Мы доехали на машине до села Красное, чтобы побывать в 4-й пластунской бригаде, и, учитывая состояние колеи, я был удивлен, что наша тяжелогруженная машина вообще смогла доехать до места. Каждую минуту я ожидал, что лопнет какая-нибудь шина. Но мы доехали и остановились у первого воинского отряда, который увидели, и это оказалась резервная рота, шедшая на фронт. Нерегулярно на дальнюю дистанцию вела огонь батарея британских 18-фунтовок. Поскольку я заметил нерешительность и паузы в стрельбе, а также явное оцепенение вокруг пушек, пошел взглянуть, что там случилось. Из-за отсутствия достаточного количества тормозной жидкости или из-за неисправных пружин орудия приходилось толкать назад вручную после каждого выстрела. Несмотря на проблемы, расчеты продолжали, прилагая огромные усилия, вести стрельбу, и я не мог понять, почему стволы орудий были подняты для огня на такую максимальную дальность.

– Почему бы не подождать, пока враг подойдет поближе, чтобы сократить дистанцию? – предложил я командиру батареи. – Или, что еще лучше, подкатите свои пушки ближе, поставьте их позади окопов пехоты.

Ответ меня озадачил.

– Я не могу приблизиться к пехоте, – сказал офицер. – Там еще дальше, в пятистах ярдах, есть окопы, и если я не открою огонь, как только наша пехота увидит наступающего противника, она покинет окопы и разбежится.

Да, это была трудная дилемма, согласился я и попросил разрешения сопровождать его до наблюдательного пункта, чтобы посмотреть, как стреляют орудия. Мы прошли мимо окопов пехоты и подошли к НП в 300 ярдах перед ними, на ничейной земле. Имелось возвышение площадью примерно 70 квадратных ярдов, и на нем и вокруг него сосредоточилась группа, которой было суждено привлечь огонь всей красной артиллерии в Азии – два офицера НП с батареей, командир и 20 конных казаков, рядом полыхали два крупных пожара, да еще было 10 – 20 коноводов и вестовых. Все мы стояли на вершине этого возвышения с биноклями, перед нами открывался восхитительный вид, и мы оставались совершенно безмятежными.

Примерно в 6000 ярдах отсюда были большевики, главным образом кавалерия, которые спокойно прохаживались по селу небольшими кучками, группы всадников с флагами да редкая пушка или подвода темнела на фоне снега. В нашем направлении двигалась пара патрулей, и один из наших передовых постов вел по ним пулеметный огонь с расстояния не менее 3000 ярдов. Похоже, этот огонь вызывал у них не очень большие потери. Тем временем одно 18-фунтовое орудие и одна гаубица калибра 4,5 посылали в деревню и ее окрестности по одному снаряду каждые три-четыре минуты. Я заметил, как рухнул дом в дожде черепицы и каскаде деревянных планок, а из окон вырвался клуб пыли и дыма. Во все стороны бросились человеческие фигурки, и я увидел, как свиньи и куры ринулись по улице, а потом к небу начал подниматься столб дыма там, где вспыхнул пожар среди деревянных строений, и стало видно мерцание красных языков пламени.

Огонь был очень эффективным, и красные бросились врассыпную, а потом я увидел, как часть их орудий, вступивших в деревню, приступила к стрельбе на сельском дворе – полностью на виду! Однако наши канониры им не досаждали, так что, дождавшись примерно полчаса того, что я ожидал увидеть через пять минут, и будучи готов в любую минуту нырнуть за угол в укрытие, если красные снаряды начнут падать на холмик, я наконец увидел вспышки орудийных выстрелов и услышал доклады. Но куда они стреляли, одному богу известно, и снаряды падали, не долетая до нас с 1000 ярдов, на незащищенный участок степи, взметая вверх куски грунта и грязи. Красные произвели около сорока выстрелов, не меняя, очевидно, ни дальности, ни горизонтального угла обстрела. Взорвалось лишь около пятнадцати снарядов.

Мне страшно не терпелось увидеть контрбатареиную стрельбу, и даже на этой дистанции, думалось мне, мы могли бы переместить орудия. Но вдруг все внимание отвлеклось на основную атаку, которая, видимо, велась силами примерно 400 красных пехотинцев в три цепи – они появились на нашем левом фланге, вынырнув из низины примерно в 4000 ярдах от нас. Они несли большие красные знамена, и их звали вперед офицеры, размахивавшие саблями, сверкавшими на солнце. Однако, похоже, солдаты не особо хотели идти вперед, и то тут, то там какой-нибудь офицер прищипывал лошадь вперед и хлестал какого-нибудь ленивого солдата саблей плашмя. Цепи приближались, расходясь и раздуваясь понемногу здесь или там, и до нас доносились выкрики офицеров, а затем по ним открыли огонь, и гаубица калибра 4,5 через несколько минут стала их обстреливать. Командир батареи 18-фунтовок находился слишком далеко слева, но как только они пристрелялись, первые полдюжины снарядов придавили наступающую пехотную цепь к земле, и красные бросились плашмя на землю. Еще три залпа заставили красных мчаться сломя голову туда, откуда они пришли, – орда бегущих фигурок, максимально пригнувшись к земле, понеслась в поисках укрытия. Позади них остались разбросанное оружие, флаги, отдельные раненые и взбешенные орущие офицеры да еще одна бесцельно бродившая лошадь.

При виде отступающего врага огромное возбуждение выказал по-спортивному выглядевший невысокий офицер поблизости, полностью одетый в британское обмундирование: дорогой плащ «барберри», краги на пуговицах и фуражка цвета хаки с мягким верхом. Он непрерывно призывал бригадира к действию и, получив одобрение, свистнул, вложив пальцы в рот, чтобы собрать всех имевшихся всадников. Взобравшись на лошадь, он поскакал галопом, а за ним его казаки, в направлении врага, размахивая саблями, взметая куски земли и облачка снега и поддерживаемый возгласами зрителей.

– Битва закончена, – весело произнес генерал, похлопав в ладоши. – Красные отступают, а кавалерия бросилась преследовать их. А мы поедем в штаб бригады и попьем чаю!

Мы наслаждались великолепной едой, когда после бесконечной ходьбы взад-вперед возле телефона до меня дошло, что что-то идет не так. Я слышал треск артиллерийских выстрелов, раздававшихся на гребне холма, прямо над нами, и, когда спросил, что происходит, мне сказали, что враг получил подкрепление, что мой друг в «барберри» был вынужден отступить и что есть опасность, что наш левый фланг будет отрезан от кавалерии, которая находилась в пяти милях в том же направлении.

Это вызвало у всех взрыв смеха.

Я ожидал, что будут приняты хоть какие-то меры, но мне заявили:

– О, все в порядке! Даже если бы они прорвались, остается лишь один час светлого времени, так что на ночь они отойдут назад в деревню!

Я усомнился, что действительно все в норме, допил чай, мы уселись в машину и в чернильной тьме вернулись назад в штаб дивизии.

С дальнего левого фланга Донской армии все доносились тревожные слухи о мощном наступлении

большевиков, которое развивалось в районах, где Добровольческая армия соединилась с Донской армией возле Валук. Знаменитый командир большевистской кавалерии Буденный упорно пробивался на юг, и, если он вклинится между Добровольческой армией и казаками, ситуация станет угрожающей.

Мы много слышали о Буденном и видели его фотографии. Это был высокий, стройного телосложения мужчина с грубым лицом и усами, похожими на конский хвост. Он был в царской кавалерии с 1903 г. и прошел с наградами Русско-японскую и мировую войны. Он был продуктом Санкт-Петербургской школы верховой езды, великолепным всадником и крайне беспощадным; это был человек, которого следовало опасаться – что было видно по лицам людей, окружавших меня.

Мне не довелось увидеть буденновские войска в бою, потому что по телеграфу мне сообщили, что в Новочеркасске в любой день ожидается приезд Холмена, поэтому я решил поспешить назад, и мы к концу дня приехали в Боковскую и вовремя поменяли лошадей, чтобы к наступлению темноты добраться до Распопинской.

Последние семь миль проходили по заброшенной земле на южном берегу Дона, где красная кавалерия несколько раз переправлялась, грабя что можно, перед тем как вернуться на другой берег. Мы видели убогие деревни, где стены домов помазаны глиной и крыты соломой, а единственным светлым знаком были белые стены и зеленые купола православных церквей, и в конце концов доехали до небольшого, еще не замерзшего ручья, вившегося черной струйкой по чистому галечниковому руслу среди снега, огибая пучки травы. Степь была зловеще молчаливой, и мы не видели никаких признаков наших кавалерийских разъездов, которым полагалось быть в этих местах. К счастью, не встретили мы и большевиков.

На следующий день мы возвратились в штаб 1-го корпуса в Манелине и пообедали у генерала Алексеева. Он был очень сдержан и, похоже, не хотел делать никаких договоренностей на будущее. Из этого я сделал вывод, что у него больше информации, чем у меня, и это оказалось правдой, потому что в последующие десять дней 1-й корпус вывел свои соединения с северного берега Дона. Зная, что я спешу, он одолжил мне машину, чтобы добраться этой же ночью до Суровикина, но мы замучились со сломанными рессорами и лопнувшими шинами, и нам пришлось провести ночь в маленькой деревушке.

Все мы сгрудились в одной комнате, где в печке полыхали дрова, а хорошо утепленные окна и двери удерживали тепло внутри дома. Ночью приходили и уходили люди в одежде покрытой снегом, лежавшим тяжелыми складками на их шинелях, и из тумана появился, размахивая руками, начальник станции, чтобы сообщить нам, что красные приближаются и что пути напрочь забиты неподвижными составами. Несмотря, однако, на все тревоги, ночь мы провели с комфортом, но, к сожалению, у меня украли револьвер 12-го калибра, и, что еще хуже, я опоздал на проходящий поезд на Лихую, так что мое возвращение в Новочеркасск задержалось на целый день.

С того времени как я уехал, поезд 1-го Донского летучего отряда пришел в Новочеркасск со стороны Царицына, и пилоты сообщили, что армия Колчака отступает на восток по Транссибирской магистрали.

Поддерживавшие его британцы уже отводили свои первые контингенты и исчезали на востоке в снежной пелене, многострадальные солдаты задумывались, ради чего все эти их мучения. Колчак на самом деле начал свое отступление еще в июле, а когда начался вывод британских войск, это было уже начало конца. Его соединениям не хватало продовольствия, горючего, обмундирования и боеприпасов, свирепствовал тиф, и уже по железной дороге на восток намертво замерзли насосы и стрелочные переводы на путях. Сибирские армии становились такими же деморализованными, как и зависевшее от них гражданское население.

– Его войска – под угрозой гибели, – заявил один летчик. – А мы готовимся к эвакуации Царицына.

– Боевой дух Кавказской армии Врангеля быстро падает, – сообщил мне другой офицер. – Она несет большие потери и ведет тяжелые бои, а большевики прислали против них еще войска, которые высвободились в результате отступления Колчака.

Это звучало зловеще, но худшее было впереди, потому что кубанские казаки проявляли явное стремление в любой момент поднять руки вверх и уйти домой, и Врангель передал командование Покровскому, а сам взял на себя руководство группой Добровольческой армии на Харьковском фронте от Май-Маевского, чьи пьяные оргии в конце концов привели его к падению. Он не обращал внимания на важные сообщения, и Деникин отозвал его с поста командующего.

Ситуация была тяжелой, и летчики перебазировались на запад к Суровикину, потому что не питали иллюзий в отношении будущего, если будет перерезана дорога между ними и их единственной линией отхода в донские края. У меня было немного времени на разговоры с ними, да я никак и не мог им помочь, поэтому договорился с начальником станции по поводу проезда на идущем на запад поезде. Я предчувствовал, что по приезде в Новочеркасск буду занят по горло.

Когда я приехал, все вроде в моем штабе выглядело нормально, но в городе, казалось, было очень много народу. Происходил огромный приток беженцев из районов Воронежа, Курска и Киева, многие из них, прежде имевшие высокое общественное положение, бежали в самую последнюю минуту и проделали свой путь почти впроголодь и без каких-либо личных вещей. Они жили в товарных вагонах для лошадей, если не удавалось вымолить место на одном из немногих поездов для личного состава, которые временами шли туда или сюда по железной дороге. Некоторые из этих вагонов были переделаны в нечто вроде гостиных, у некоторых в стенках были прорублены окна, а раздвижные двери заменены. На крыше складывалось всякое мыслимое имущество, и вагоны беженцев окружали крестьяне, торговавшие продуктами или менявшие кур у окон, из которых высовывались беженцы, предлагавшие драгоценности, меха и все, что у них было, в обмен на пшеничные блины и сваренные вкрутую яйца да жилистое мясо. Поезда были набиты людьми и являлись очагами, в которых тиф, стоило ему лишь вспыхнуть, распространялся как пожар.

Иногда приходили санитарные поезда, неся с собой остатки белых полков, и зловоние, сопровождавшее эти поезда, было ужасным. Всегда им чего-то не хватало, и дефицит бинтов и средств для дезинфекции приводил к тому, что раны кишели личинками, и от них несло запахом болезни и гниения. Всегда можно было различить негромкий шепот раненых, и было видно в окна, как они слабо двигались, а группы санитаров спускали вниз трупы тех, кто скончался за ночь.

Прибывали огромные массы людей на санях и подводах и собирались в приемной, где большие пузатые печки, раскаленные чуть ли не докрасна, окружала шелуха подсолнечных семечек. Поскольку все окна были плотно заперты, стояла жуткая духота, которая, хотя и утешала полузамерзших беженцев, являлась мощным источником заболеваний.

Немногие приезжали в вагонах британской миссии, чьи офицеры были только рады предоставить имущество, одежду и жилье в их распоряжение. Многих в течение недель держали в заложниках в тюрьмах Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией – она являла собой самое гнусное сборище агентов-provокаторов, шантажистов и убийц, которых могли отыскать большевики, чтобы те выполняли для них эту работу. Многие из беженцев уже были в дружеских отношениях с британскими офицерами. Сделав крюк по пути в гостиницу «Центральная» на следующий после возвращения день, чтобы узнать новости от Прикетта и живших там инструкторов-пулеметчиков, я попал на вечеринку, где главой была госпожа Лак, единственная англичанка в городе.

Гостями в данном случае были Светлана и Ирина Муравьевы, две исключительно красивые девушки. Они вместе со своей матерью сбежали из Киева, обе были весьма очаровательны и к тому же идеально

говорили по-английски. Они вовсе стремились компенсировать те ужасные переживания, через которые только что прошли, и так как Рождество было на носу, идея устроить вечеринку показалась нам очень хорошей.

Глава 13

В связи с неожиданно ухудшившейся обстановкой я был тверже, чем когда-либо, уверен, что первое дело каждого офицера – находиться на передовой, помогая тем самым восстановить боевой дух, а сейчас, когда приближаются холода, следить за тем, чтобы ни единый предмет обмундирования, который можно накинуть на плечи воюющего солдата, не остался на складах железнодорожных станций снабжения.

И поэтому как раз за месяц до нашего английского Рождества – русское Рождество отмечают на тринадцать дней позже – я попытался устроить так, чтобы все инструкторы и офицеры связи отправились в воюющие части и две недели оставались с ними. А потом все они вернулись бы в Новочеркасск за несколько дней до Рождества, которое мы потом отметили бы в английском стиле, а затем вернулись бы на фронт, чтобы быть вместе с русскими во время их праздника.

Дела на фронте, однако, шли все хуже и хуже, и деникинская стратегия, на ошибки которой ему так часто указывали, стала приносить свои губительные плоды, и многие простаки, которые, как мы рассчитывали, всегда найдутся, в конечном итоге разбежались по домам на свои насесты. Все те рекруты, которых так внезапно набрали в Белую армию, оказались теперь совершенно никуда не годными и были заняты тем, что со всех ног перебежали то на одну сторону, то на другую. Полки были просто каркасом, а у многих офицеров не было ни умения, ни мужества что-либо предпринять. Помимо этого, ненадежное финансирование, безразличие союзников и излишняя разбросанность ресурсов; лень, беспечность и презрительное отношение офицеров – все это приносило свои плоды, поскольку испытывавшие трудности солдаты наконец стали брать инициативу в свои руки. В конце концов из-за отсутствия организованности, недостаточного контроля над железными дорогами и плохого управления в только что завоеванных районах Деникин оказался абсолютно неспособным ни удержать огромный фронт, который он создал, вопреки советам всех от Днепра до Волги, ни создать те лучшие жизненные условия, которые его пропаганда постоянно обещала взамен большевистской тирании.

Деникин – сам по себе чуткий, решительный и рассудительный человек – был храбрым и честным, но он был плохим оратором и никогда не мог воздействовать на воображение войск. Кроме того, у него не было командного вида, и ему не доставало той не поддающейся описанию вещи, которая захватывает воображение и возбуждает душу, – своим успехом он был обязан только упорному труду. Он также был патологически чувствителен по отношению к аристократам, придворным и офицерам бывшей императорской гвардии и щепетилен при защите своего достоинства от проявления пренебрежения со стороны этих лиц, которое часто было плодом его воображения. Многие из окружавших его людей не любили воевать, и эти люди, одетые в абсурдные мундиры, при шпорах и кружевах, изо всех сил старались избегать работы. Но хоть и была у Деникина сильная воля и сам он был негибким, он выказывал необъяснимое отсутствие решительности в отношении этих лиц. Сам по натуре настоящий солдат, он, похоже, не осмеливался потребовать чего-либо от своих подчиненных.

Кроме этого, тиф вместе с тяжелыми боями начал наносить большие потери его войскам, а мелкая ревность и интриги стали занимать умы слишком многих его военачальников. Помимо этого, общее поведение войск – как офицеров, так и рядовых – в тыловых районах, где их оставалось слишком много, быстро охладило симпатии крестьян и рабочего класса, и это охлаждение усердно поддерживалось неутомимой германской и большевистской пропагандой, и все более росло подозрение, что Деникин и его начальник штаба Романовский, хотя и не боровшиеся в действительности за реставрацию монархии, в конечном итоге восстановят многие злоупотребления и деспотические институты, которые вызвали падение старого режима.

Самой худшей была новость – опять же преувеличенная и искаженная враждебными союзникам агентами – о повороте, который обрели политические события в Англии. Последним ударом стало сообщение о речи Ллойда Джорджа 9 ноября в Гильдхолле в Лондоне, в которой, если подвести итог, русским роялистам было заявлено, что они не смогли сделать то, чего от них ожидали, а поэтому сейчас пусть варятся в собственном соку!

Как резко изменилась обстановка!

Я столкнулся со множеством затруднительных вопросов и любопытствующих взглядов. Образованные беженцы и старшие командиры оставались со мной в дружеских отношениях и принимали мои неубедительные объяснения типа «политических интересов, над которыми солдат не имеет контроля», но от многих более молодых офицеров и более безответственных гражданских лиц я заработал много гневных взглядов и невнятных оскорблений, которые после выпитой за вечер водки они ничуть не старались скрыть от меня.

Все это было очень вредно и оскорбительно, и что меня ранило больше всего, когда я пытался примириться с быстро падающим барометром британского престижа, – это то, что, несмотря на все наши старания в письмах домой объяснить, что все куда более серьезнее, чем простая семейная распря между русскими, мы теряли почву под ногами благодаря сознательным усилиям политиков, чье знание предмета недалеко уходило от способности определить, что Харьков – это город, а не генерал; что Азовское море большую часть зимы покрыто льдом; политиков, которые бодро описывали кровожадного Троцкого как «спасителя демократии» .

Пока я изо всех сил старался успокоить наших критиков, вдруг из ниоткуда появился Холмен, сопровождаемый двумя специальными поездами с отборными летчиками 47-й эскадрильи. Он объявил, что направляется в город Валуйки, находившийся в месте стыка Донской и Добровольческой армий, бывший под угрозой и к которому сейчас продвигался мощный большевистский кавалерийский корпус Буденного с целью захвата железнодорожной линии, идущей на юг. В планы Буденного входило оттеснить Добровольческую армию на запад, к Крыму, а Донскую армию – на восток, в глубь ее собственных степей, из которых, как он хорошо знал, она с неохотой будет отходить на юг. И в качестве самого окончательного и решающего удара он намеревался совершить мощный кавалерийский рейд прямо на юг, чтобы перехватить железнодорожную линию между Таганрогом и Ростовом и тем самым отрезать все склады, аэропланы и танки в Таганроге от войск.

Для отражения этого наступления надлежало использовать все резервы, которые были у Деникина под рукой, и Холмен лично должен был руководить серией налетов, сопровождаемых бомбометанием и пулеметным обстрелом, которые предстояло выполнить первоклассным британским пилотам 47-й эскадрильи. Изо всех сил спешили танки – со скоростью, которую позволяла им развить быстро разрушающаяся железнодорожная система, и была надежда, что, если б только удалось вырвать сердце у агрессивного большевистского кавалерийского командира, его наступление можно было бы отразить, а некоторые действия на Балтийском, Польском или Дальневосточном фронтах могли бы отвлечь внимание красных армий, а тем временем суровые зимние страдания в голодающих российских городах могли бы вызвать серьезные антивоенные настроения и тем самым создать значительные затруднения советскому правительству.

Сейчас город был весь белый от снега, и проезжавшие подводы и машины были залеплены им. На перекрестках улиц горели костры возле огромных замерзших сугробов убранного с дороги снега, а с каждого дома гирляндами свисали сосульки. Окна заиндевели, и только маленькие кружочки в этом инее показывали, что кто-то внутри проделал их. С грязных улиц снег был убран, но колеи и рытвины,

оставшиеся еще с лета, накрепко замерзли и были заполнены водой, которая превратилась в каток для лошадей и людей, а общественные упряжки, проносясь мимо, громыхали по бугристому льду, а их седоки ежились в полинявших меховых накидках и качались из стороны в сторону на неровной поверхности. С трудом продвигавшиеся мимо фигуры людей чернели на фоне белизны, шли опустив голову, подняв воротники, грузные в своих зимних одеждах, а над всем этим – тяжелый свинец неба, которое, казалось, опустилось так низко и было таким тяжелым, что чуть ли не покоилось на крышах домов.

Хотя и Холмен явно был занят своими планами, он все же устроил живописную церемонию в атаманском дворце с целью вручения верному Богаевскому звания Командора ордена Святого Михаила и Святого Георгия. Я был рад, что атаман получил эту награду, потому что, когда ситуация уже не была благоприятной, он доказал, каким стойким солдатом является и насколько верным союзником остался.

Холмен отбыл вскоре после церемонии, и в Таганроге до меня дошел слух, что он лично в районе Валуек бомбит большевиков. Также я слышал некоторые тревожные новости относительно того, что только что из Англии прибыли старшие штабные офицеры, чтобы принять на себя командование группами связи, и что в любой момент я смогу передать свою группу Донской армии одному из них. Атаман сразу же написал Холмену письмо с просьбой сохранить за мной мою должность, поскольку мы всегда хорошо с ним ладили, но события в последующие несколько недель разворачивались так стремительно, что у меня не было больше времени беспокоиться об этих вещах, пока приезд моего сменщика примерно месяц спустя не уладил это дело.

Среди всего прочего, чем я был занят в Таганроге, были поставки морских орудий для донских бронепоездов, и капитан Фримантл из ВМФ Великобритании, старший морской офицер связи, сообщил мне, что из Новороссийска уже идут шестидюймовые пушки «армстронг», а другие, которые устанавливают на специальные платформы в Таганроге, должны быть готовы к отправке через две недели. Тем временем он отправил в Новочеркасск двух морских офицеров и около десятка матросов, чтобы раскрыть пушечные «тайны» личному составу батальона бронепоезда.

Все мы в то время испытывали некоторое нетерпение, потому что среди персонала танкового корпуса в Таганроге возникли некоторые проблемы. Как и во многих британских формированиях, которые все еще использовались на дальних фронтах после перемирия, дух нетерпения и жажда демобилизации привели к нарушениям субординации. К счастью, все это было не так серьезно, но все были несколько обеспокоены, потому что войска в России часто подвергались коммунистической пропаганде, и на севере был случай, когда русские солдаты убили своих британских офицеров.

Тем не менее, когда я отправился в Таганрог, там было мало или вообще не было признаков бури, которая зрела прямо на горизонте, или признаков скорого ухудшения событий. Чувствовалась некоторая тревога за Холмена, который, похоже, тратит больше времени не на той стороне большевистских окопов, чем этого требовал его высокий ранг, но мы знали, что он находится в хороших руках 47-й эскадрильи, и по возвращении в Новочеркасск я обнаружил несколько приятных сюрпризов, нейтрализовавших растущую мрачность новостей.

Прежде всего, это было прибытие морского офицера Дарнфорда и группы флотских старшин, а во-вторых, пришла большая партия посылок из дому с зимними вещами. Для меня там был комплект штрипок, которые я считал во Франции бесценной вещью, защищающей от обморожения, шуба, обшитая тканью хаки, и серая каракулевая казацкая папаха под цвет воротнику. Последние вещи были подарком от атамана, который часто говорил мне, что я легко одеваюсь. Эти вещи были сшиты из британского материала для шинели серого цвета и наверняка пришли в важный психологический момент, потому что зима уже была на носу и холод становился все злее.

Улицы покрылись толстым слоем льда, было трудно дышать, меховые кепи, которые мы носили,

серебрились слоем инея, а затвердевшие усы щекотали лицо. Было так холодно, что казаки обматывали стремяна тканью, чтобы не обморозить ноги. Сани заменили собой дрожки, колокола звонили с весельем, странным при наличии мрачных вестей, а улицы изобиловали горами затвердевшего снега, сваленного на перекрестках. Сырой холод октября и ноября уступил место настоящей русской зиме, и, несмотря на бодрящую атмосферу и все еще энергичный оптимизм большинства персонала Донской армии, замечался упадок боевого духа у нижних чинов и апатия у населения в целом.

По унылому и весьма подавленному тону разговоров на любом русском собрании легко было заметить, что люди стали задумываться, что же будет дальше. В эти дни уже редко слышалось «На Москву!», а все разговоры о взятии столицы к Рождеству прекратились.

– Если б только не пал Царицын! – слышал я. – Если б только союзники прислали настоящие войска!

К сожалению, при такой подвижной войне никто в действительности не знал, что происходит на самом деле, и, как всегда, там, где господствует отсутствие какой-либо информации, домыслы обретают пессимистический оттенок. И наверняка было полно причин для пессимизма, потому что к этому времени нехватка топлива для паровозов была такова, что его доставало лишь для использования таких поездов, которые считались важными для эвакуации военного, гражданского персонала и имущества из районов боевых действий. Шансы гражданского лица на поездку уже почти испарились, потому что не было обычных пассажирских поездов, и во многих случаях из-за отсутствия паровоза вереницы железнодорожных вагонов, бывшие домом для многих людей уже долгое время, просто оставались на запасных путях. И вот в этой ситуации мне удалось получить два вагона, выделенные для членов моей группы и некоторых беженцев в Новочеркасске, и обеспечить их охрану казаками по приказу донского правительства.

Конечно, вокруг было слишком мало полиции и слишком много войск, которые, видимо, покинули фронт и проводили время проклиная союзников и взламывая винные магазины. Как обычно, все лучшие люди до конца держались на передовой, но что касалось Донской армии, падение Царицына на правом фланге и Харькова – на левом привело к общему отходу на Новочеркасск и Ростов. Более того, новые отряды красной кавалерии переправились через Дон на фронте, удерживаемом 2-м корпусом, и его защитники быстро отступили к железной дороге Царицын – Лихая и линии по реке Донец через Каменскую и Луганск.

Это была практически та же самая линия, удерживавшаяся казачьей армией, когда я впервые приехал сюда в мае. Тогда она была очень крепкой, но сейчас ситуация изменилась. С наступлением холодов реки замедлили течение, а вдоль берегов образовались глыбы льда, которые затем откалывались, их увлекло потоком, отчего они затрудняли судоходство и ударяли по сваям мостов. Они застывали, когда что-то их останавливало, и вокруг этих глыб нарастало еще больше льда, пока сама река не покрывалась ледяной оболочкой, а лед не проникал дальше на середину течения до тех пор, пока вода не становилась целиком покрытой льдом. Он твердел и утолщался, пока не становился достаточно прочным, чтобы выдержать вес человека, лошади, орудия. Тем самым преимущества речного фронта нейтрализовались, и уже везде можно было переправиться через реку, так что не было вероятности удержать рубеж с меньшими усилиями, чем какую-либо иную позицию.

Врангелевский контрудар на нашем левом фланге, несмотря на личную поддержку генерала Холмена, очевидно, полностью провалился. Врангель был изумительным командиром, блестяще возглавлявшим очень пеструю по составу Кавказскую армию, но основными ее элементами были казаки с Кубани, которые уже подверглись влиянию политического сепаратизма и начали сворачивать боевые действия. Буденный, казалось, действительно достиг своей цели отделить Добровольческую армию – кроме ее правого корпуса – от донских казаков. Армия уже отступала на юго-запад, в сторону Крыма, а

корпус правого фланга отходил в направлении Ростова – единственного места, куда он мог эвакуировать по железной дороге свое имущество, персонал и санитарные поезда через Дон.

В дополнение к этим проблемам все линии, идущие из районов боев, быстро оказались забиты подвижным составом и заблокированы сломанными паровозами. Станции и запасные пути были полны брошенных, занесенных снегом поездов со сгоревшими локомотивами, а двери вагонов распахнуты настежь. Даже передислокация войск приостанавливалась, и тысячи пассажиров из брошенных поездов брели на юг, удрученные и отчаявшиеся, нервно оглядываясь назад, слышав позади себя треск красных винтовок.

Казалось, вдруг весь фронт рухнул в хаосе, и для нас стала очевидной необходимость эвакуировать из Таганрога все имущество танковых, авиационных и пулеметных складов, а также технику деникинского правительства по единственному узкому мосту в Батайске, что в миле от ростовского железнодорожного узла.

Глава 14

Мрачное настроение царило 1 декабря, когда я готовился вновь отправиться на фронт в 3-й корпус в Лихой, чтобы забрать своего офицера связи и вернуться назад до наступления английского Рождества.

Как обычно, перед отъездом я зашел к атаману, чтобы узнать самые последние новости. Он был мрачен.

– Из-за разногласий во мнениях между командирами и критической ситуации на фронте, – произнес он сразу же, без преамбул, – я взял на себя командование всеми казачьими армиями на фронте.

Ранее это командование было в руках Сидорина, а атаман являлся лишь формальным главнокомандующим, но Деникин призвал его взять на себя командование, поскольку имело место общее недовольство, если не сказать подозрение, в отношении поведения Сидорина. Деникин намеревался перенести свою столицу в Екатеринодар для того, чтобы расчистить передовую систему железных дорог исключительно для использования войсками и беженцами, которые начали прибывать толпами на юг во все более возрастающем количестве, и хотя Сидорин все еще удерживал в своих руках командование полевыми войсками, теперь он во всех делах подчинялся атаману. Богаевский был очень популярен среди всех чинов, и смена руководства была встречена с огромным удовлетворением всеми, кроме собственной шайки Сидорина – возглавляемой, конечно, жирным и гениальным дю Чайла, – которая в то время всерьез обдумывала возможность заключения сепаратного мира с красными на условиях, которые считались благоприятными для их амбиций, нацеленных на создание независимой военной республики донских казаков.

Планы и обещания Деникина восстановить единую Россию под властью правительства, избранного народом, никогда не привлекали донских сепаратистов. Хотя они и противостояли большевизму, но точно так же были твердо намерены никогда вновь не попадать под контроль центрального российского правительства, которое могло оказаться таким же реакционным в своей земельной политике, как и старое царское. А нежелание казаков оставлять свои края в руках посягателей, пока они сами продолжают свою борьбу где-то в других местах, с каждым днем становилось все более очевидным. В то время как были сосредоточены силы, готовые переправиться через Дон и, если понадобится, через Маныч к югу, было очень много войск, сознательно разбежавшихся по своим деревням, дезертировавших из своих полков, собираясь стать на сторону наступающих большевистских армий, когда те вторгнутся в донские края. Леса были полны таких солдат, некоторые из них были вооружены для самозащиты и твердо намеревались отстаивать свою свободу.

Хуже того, среди верной части армии была и партия, которая, прислушиваясь к голосу политических интриганов, все еще выжидала, куда ветер подует. Эти люди, хотя формально и являлись преданными сторонниками дела Деникина, даже в этот самый момент получали предложения от красных властей и вскоре действительно стали обсуждать условия, при которых были готовы предать своих товарищей в обмен на обещание амнистии и автономии для того конкретного уголка Южной России, в котором они надеялись провести свою жизнь в тщеславном ощущении безопасности.

В конце дня 23 декабря ко мне домой пришла записка от Му си Смагиной.

«Поскольку близится ваше Рождество, – писала она, – поскольку вы вдалеке от ваших домов, ваших родителей и друзей и так как вы приехали издалека, чтобы помочь нам, мы с Алексом надеемся, что вы поужинаете с нами в Рождественскую ночь и захватите с собой одного-двух своих друзей. Светлана

принесет свою балалайку и споеет для нас».

Я намечал устроить нашу собственную рождественскую вечеринку в ту ночь у себя дома, но так как некоторые офицеры все еще не вернулись в Новочеркасск, я отложил ее до 27-го, на которое к тому же приходился и мой собственный день рождения, и с радостью принял приглашение Смагиных.

А тем временем эвакуация Новочеркасска уже представлялась не только неизбежной, но и близкой. Штаб превратился в свалку макулатуры, всюду горели костры, уничтожались документы. То и дело появлялся какой-нибудь верховой, тащившийся на лошади без стремян, либо проносилась какая-нибудь машина с двумя-тремя жуткого вида офицерами в занесенной снегом одежде. Беженцы готовились к следующему переходу и укладывали свои скромные пожитки в узлы и потрепанные чемоданы.

Я приступил к обдумыванию собственных планов, которые, как я в то время полагал, надо будет привести в действие самое позднее 2 января. Лично я считал, что по политическим причинам русское командование будет заинтересовано в том, чтобы не допустить, чтобы кто-либо из британских офицеров был глубоко вовлечен в заключительные операции, но я также знал, что многие русские, как гражданские лица, так и военные, следили за каждым нашим движением и только ждали возможности, чтобы пожаловаться на то, что мы бросаем их на произвол судьбы. И поэтому я решил, что ко мне присоединятся два офицера, Дики и Рид, и мы последними оставим город с арьергардом под началом генерала Янова.

Остальным офицерам вместе со Смагиными, Муравьевыми и некоторыми более молодыми и более активными людьми, связанными с группой связи, надлежало быть готовыми в течение шести часов отбыть в вагонах миссии, как только ситуация станет критической. Всем другим, перед кем я чувствовал свою личную ответственность, я дал совет в самое короткое время при первой же возможности покинуть Новочеркасск, пробираться через Ростов и через Дон на Батайск, а оттуда – в Екатеринодар или даже в Новороссийск. Там, насколько это будет возможно, им поможет британская миссия.

Я намеревался ясно дать понять молодой группе, что, за исключением переводчиков, русских офицеров связи и их иждивенцев, все вольны поступать как им пожелается и что я окажу им помощь, какая в моих силах, но они не могут рассчитывать на вагоны миссии, все из которых предназначены для офицеров и тех, кто до последней минуты остается со мной. Конечно, невозможно было установить какой-то твердый порядок, но я полагал, что эти планы – лучше, чем вообще отсутствие таковых, и они повысят шансы для каждого. Хотя в конце концов первая группа столкнулась со второй, все равно они сработали.

Однако на какой-то момент у меня в распоряжении оказались лишь те вагоны, которые были отведены для меня, но с помощью Норманна Лака и полномочий от Сидорина и атамана я смог отобрать еще два, которые мог при случае прицепить к идущему на юг поезду. Я так и не смог вызвать в нужный момент специальный локомотив либо вагон, и дело повернулось таким образом, что пришлось выпрашивать отдельные вагоны – а в одном случае паровоз в комплекте с машинистом – и по возможности помогать разным людям. Сотрудничество с работниками железной дороги и машинистами стоило нам много рома и рублей.

К середине декабря все мои надежды вновь попасть на фронт иссякли, и из всех британских офицеров связи недоставало только пулеметчиков да того, что находился в 3-м артиллерийском корпусе. Эти три офицера не появлялись до 27-го, потому что оказались вовлеченными в беспорядочный отход по магистрали Каменская – Луганск, потеряли весь свой транспорт и были вынуждены сжечь свои вагоны на станции Лихая.

Сидорин уже отошел со своим штабом в Персиановку, симпатичное маленькое село в 10 милях к северу от Новочеркасска, состоявшее в основном из небольших деревянных домиков, принадлежавших

горожанам, – летних дач. Разбитые воинские части уже брели через город. Первыми появились поезда со множеством раненых, жалких и трясущихся на соломе, окровавленной от их ран; потом – верховые, ссутулившиеся, с опущенной головой, на плечи наброшены мешки, старые пальто, платки – все, что могло удержать тепло; потом побрела сквозь снег несчастная пехота, лица солдат посерели от усталости. И наконец, беженцы, молчаливые, изнуренные, большинство из них едва держались на ногах и умирали с голода, толкая телеги, на которых были узлы или дети, рядом – беспорядочные группы в повозках, которые тянули истощенные и спотыкающиеся лошади.

К этому времени все движение поездов из Новочеркасска в северном направлении было приостановлено, чтобы освободить рельсы для потока на юг, но вдоль всей магистрали поезда один за другим застыли в неподвижности с заснеженными и обледеневшими корпусами и замерзшими окнами.

Поскольку новости из прифронтовых районов становились все мрачнее, я пошел к генералу Попову, который отвечал за организацию обороны города, и предложил услуги свои, а также еще пяти-шести других офицеров на тот случай, что, как только вступят в силу мои планы эвакуации, мы отдадим себя в его распоряжение, либо присоединимся к какой-нибудь воюющей части, либо выполним какие-то иные обязанности, связанные с обороной города.

Однако определенного ответа от него я не добился, потому что, похоже, русских командиров охватило типично восточное настроение покорности судьбе и «будь, что будет». Они выглядели удивительно безразличными к состоянию своих войск и к положению на фронте. Старое ленивое, безразличное отношение российского императорского Верховного командования проявлялось в их легкомыслии, в том, как им удавалось жить в сравнительном комфорте в своих штабах или в поездах, тогда как войска вокруг них голодали или замерзали; или в том, как они разъезжали на автомашинах и в колясках, тогда как раненые шли пешком.

Генералы, казалось, отдалились от политики, не делали никаких попыток развивать хотя бы какую-то. Лак делал все, что мог, чтобы получить что-то положительное из своих контактов с русскими, но безуспешно, и я в отчаянии отправился к командиру охранного отряда казачьего личного атаманского полка Янову и попросил его взять нас с собой. Как британский офицер, я ни капли не боялся того, что могло случиться. Я всегда чувствовал, что, даже если дела станут разворачиваться вопреки плану, меня спасут. Конечно, я ошибался, и, как я узнал впоследствии, британское правительство столь же быстро отказалось от своих слуг, как и любое другое.

Я понимал, что атаман, возможно, останется здесь до самого последнего момента и покинет столицу с арьергардом, но все, что я смог получить удовлетворительного от Янова, было приглашение мне и еще одному офицеру на мой выбор присоединиться к его полку, как только начнутся бои в городе, и идти с ним так далеко, как я этого пожелаю.

Однако на то время моей главной проблемой было спасти все, что я мог, из тех технических артиллерийских запасов, которые еще оставались на складе «Утенок». Борясь со снегом, черные фигуры уже сновали взад-вперед, загружая имущество в тележки, грузовики и подводы. Они справлялись с этой работой очень хорошо, поэтому я занялся организацией безопасной эвакуации моей второй группы, которая была совсем беспомощна – в ней было много гражданских лиц, пожилых мужчин и женщин, большинству из которых никогда не приходилось много работать – или даже много думать – для самих себя, и они были в нерешительности, как вести себя в этом новом кризисе, обрушившемся на них.

Как только я увидел их, они стали дергать меня за рукав, засыпая такими вопросами, как «что нам делать?», «куда нам ехать?», «кто за нами присмотрит?» Сердиться на них было просто невозможно. Да и не было такого права. Они были в таком жалком состоянии и были совершенно не способны – из-за сложившихся обстоятельств – помочь самим себе, даже если бы и могли по характеру сделать это, и я со

всей сдержанностью постарался сделать для них все, что мог.

И тут мне повезло, что у меня был Норманн Лак с женой, которая оказалась надежной опорой в борьбе с паникой и помогла вселить уверенность в этих людей. Один-два человека грозились покончить с собой, если придут красные, и ей пришлось их убеждать, что наше стремление – не бросить ни одного человека. Она поддерживала их дух и давала мне отличное средство, с помощью которого я мог контактировать и контролировать поток полных страха русских, столпившихся вокруг нее в надежде получить место в одном из вагонов миссии. Стойкая и здравомыслящая, она настаивала на том, что и она, и ее маленькая дочь уедут лишь тогда, когда отправится последняя группа. Я решил, что Лак поедет вместе с ней, поскольку он был плохим наездником и было бы куда лучше использовать его для разборок с путешественниками по железной дороге, чем заставить мучиться от неумения скакать по занесенной снегом степи с кавалерией Янова. Пашков, один из русских, учившийся в Кембридже, останется с нами, чтобы исполнять обязанности переводчика.

С приближением Рождества холод усиливался, а облака почернели как сажа, и снег падал все чаще. Солнце было похоже на холодный апельсин, повисший над сизо-серыми снегами, а на севере виднелась дымка в том месте, где расходился буран, но, хотя улицы содержались в неплохой чистоте, тротуары были завалены сугробами. Тревогу усиливали слухи о том, что буденновская кавалерия прорвалась в районе Валуек, угрожая и Донской, и Добровольческой армиям, но, насколько я знал, Сидорин и его штаб хранили каменное молчание по поводу этой новости.

К этому времени во мне стала расти уверенность, что многие члены Верховного командования всерьез обсуждали свое разъединение с Белой армией, и отсутствие новостей из штаба миссии укрепляло меня в мысли, что я вот-вот окажусь в трудной ситуации.

Тем не менее мои нечеткие планы выполнялись, персонал был оповещен, а покрытые снегом железнодорожные вагоны на запасных путях проверялись (не украли ли их за это время), и мы были готовы к вечеринке у Смагиных.

Там был генерал Павлов, которого я встречал раньше, Светлана Муравьева со своей балалайкой и Елена Рутченко – ее муж только что умер от тифа, поэтому она была грустной и печальной в черной траурной одежде. Она пренебрегла строгим для русских вдов правилом, так рано показавшись на людях, но посчитала это своей обязанностью.

– Сейчас не время для правил, – настаивала она. – И я знаю, мой муж хотел бы этого.

Муся вышла встретить меня, вся светясь от радости. Она явно была воодушевлена идеей организовать эту особую вечеринку, и, поскольку она стояла и улыбалась, я должен был вести себя как русский и поцеловал ее руки.

Закончились первые приветствия. Дики получил строгий выговор от Алекса за то, что не пришел в своей юбке, мы устремились в столовую и уселись за ужин, сопровождаемый провозглашением бесчисленных тостов; потом, охваченные напряженным ожиданием, мы перешли в гостиную, в которую нас до сих пор не допускали. Там на столе в мигающем свете свечей, искрясь на инее из мишуры и снегу из хлопка, которым она была украшена, стояла настоящая рождественская елка. А к ее ветвям розовыми ленточками были привязаны подарки для всех нас. Мне от Муси достался миниатюрный белый коврик из медвежьей шкуры, а от Алекса там лежала бутылка водки с кружкой, на которой были выгравированы его инициалы. Я был настолько тронут этим жестом, что смог лишь молча сидеть рядом с Мусей и бормотать свои недостаточные для этого случая благодарности.

К этому времени я уже был к ней неравнодушен – если только можно было влюбляться в тех условиях, в каких мы жили. Мы были преданы одному делу, и я бы позволил себе больше по отношению к

ней, если бы не был всегда так безумно занят или если бы мной не руководило чувство лояльности к ее мужу.

Это были очень необычные отношения, и до того времени, когда я стал оглядываться назад, я никогда не догадывался, как мы были близки. Буквально до этой рождественской вечеринки я никогда по-настоящему не уделял ей особенно много внимания, потому что был чересчур занят работой, чтобы замечать ее как женщину. Мои прошлые встречи с ней всегда становились чудесным средством для снятия напряжения, но этот вечер вдруг очень сблизил нас.

После того как Павлов ушел, чтобы принять командование кавалерийским отрядом, которому было суждено оборонять Новочеркасск, Алекс, сидя рядом с Еленой, которой он просто восторгался, начал рассказывать нам истории о том, как он был офицером уланского гвардейского полка ее императорского величества. Он был очень привязан к страдавшему гемофилией царевичу и по долгу службы сопровождал его. При мальчике всегда был солдат либо матрос, чтобы он не упал или не поранился, что могло привести к кровотечению и смерти; но все, как офицеры, так и солдаты, всегда были настороже, обеспечивая ему безопасность. Он также близко знал императорскую семью и ездил на вечеринки с четырьмя великими князьями.

Пришло время воспоминаний, и я, к своему удивлению, обнаружил, что Муся ходила в школу в Истберне, где играла в травяной хоккей на площадке по соседству с моей собственной школой, и она вспомнила, как мы перебивали мяч на их площадку, чтобы получить возможность поговорить с ними. Светлана, чей отец был советником в российском посольстве в Мадриде, тихо сидела на диванных подушках, подбирая несколько аккордов на своей балалайке и напевая отрывки из русских песен мягким контральто. Вместе с матерью и сестрой Ириной она провела несколько недель в большевистской тюрьме в Киеве в качестве заложницы, пока их не спасли деникинские войска. Дом Елены Рутченко в Ровеньках во время предыдущей оккупации был конфискован местными комиссарами для штаба, и они с мужем были вынуждены развлекать сборище жестоких недоучек, которые разрушили их дом и унизили их, заставив прислуживать себе. Казалось, каждый перенес какую-то огромную личную трагедию, и, за исключением британцев, все, похоже, потеряли близких родственников в этой ужасной катастрофе, охватившей Россию.

Что за странная это была вечеринка! В тот момент красные были в каких-то 30 милях отсюда, а наши разгромленные и утратившие волю казаки отступали в большом беспорядке прямо на север. И все же нас, британских офицеров, принимали и для нас устроили празднование Рождества в нашем, английском, стиле, и это делали те немногие уцелевшие представители цвета старого императорского российского режима, которые вряд ли могли позволить подобное себе. Я был тронут глубиной этой ситуации.

А время шло, и свечи одна за другой с шипением догорали, беседа обретала все более личный характер. Уже умолкла балалайка Светланы, и вскоре продолжали гореть лишь пять свечей. Несколько минут никто не произносил ни слова. У меня было ощущение, что произойдет что-то жизненно важное, и я чувствовал, что Муся ощущает это так же остро, как и я. Тем временем большевики наступали, а мы жили в экстраординарной ситуации.

По мере того как свечи тухли одна за другой, голоса становились все тише и тише, фразы становились несвязными. Алекс, сидя подле Елены Рутченко в дальнем углу комнаты, был почти невидим в тени. Муся была рядом со мной, на большом диване возле камина, но защищенной от его света. Две свечи зашипели и погасли, а затем и третья. Светлана спела пару тактов из какой-то казацкой народной песни, и несколько грустных, минорных аккордов аккомпанемента, казалось, были снесены со струн ее балалайки скорее легким ветром, чем извлечены пальцами.

Я мог чувствовать силу доминирующей личности Муси рядом с собой. Она дрожала под влиянием тех эмоций, которые обострились до высочайшей точки напряжения.

Потухла и четвертая свеча, и при ее внезапной вспышке я сравнил угасающие свечи с «ушедшими навсегда» минутами перед часом «Ч» великого наступления на Западном фронте. Но здесь не было ни тщательно сверенных часов, ни минуты, состоящей из шестидесяти секунд, ни больше, ни меньше. Здесь была лишь одна шестнадцатая дюйма воска и шипящий фитилек, все еще оставшийся между нами, и еще что-то необъяснимое, для чего не написан ни один оперативный приказ, чему не придано никакой определенной цели, не ясно даже, существует ли это что-то вообще. Все молчали, но я полагал, что все глаза, как и мои, устремлены на эту последнюю свечу, которая становилась все меньше... меньше....

Последняя вспышка, и на миг воцарился такой полный мрак, который следует за тем, как гаснет мощный свет, а глаза еще не могут приспособиться к слабому мерцанию углей в камине. Потом все кончилось... кончилось в реальности, но осталось в памяти, которую не сотрет никакое время, потому что за эти несколько секунд, когда все были слепы, я почувствовал присутствие какой-то мягкой, излучающей тепло фигуры, склонившейся надо мной, в своей быстроте подобной вспышке молнии. Мягкие губы покоились на моих лишь одну секунду, за которую я понял, что страсть, которую они излучали, была невероятно сильной. Рука слегка коснулась моей и оставалась на ней, и через это прикосновение промчался стремительный поток невыраженной и невыразимой симпатии, которую высвободило потухшее пламя.

Четыре или пять секунд, пока мы все молчали в красном отсвете огня в камине, каждый ждал, когда заговорит кто-то другой, и тут поднялась Муся и предложила зажечь еще свечи и выпить вина за здоровье. Все кончилось, чары рухнули, когда загорелись новые свечи. Были выпиты прощальные тосты, и, с трудом забираясь в шубы и зимние суконные боты, мы собрались у порога для прощания. Я какое-то время стоял отдельно с Мусей. Этот вечер был скорее эмоциональной интерлюдией, то есть кульминацией всевозможных нагрузок. Во все время нашей дружбы существовало более сильное чувство – даже большее, чем я осознавал, но обстоятельства никогда не позволяли нам развить его.

Наконец мы неохотно попрощались друг с другом и побрели по белой замерзшей улице, под холодным и ясным светом полной луны, которая превращала ночь в день. На удалении слышались звуки нескольких выстрелов, возможно произведенных шумными казаками в какую-то бродячую собаку, – и уже больше не было Рождественской ночи 1919 г., и мы вспомнили, что Новочеркасск, столица донских казаков, находится под угрозой захвата.

Следующий день я провел, занимаясь последними приготовлениями к погрузке резервов имевшихся запасных частей, потом надо было перевести железнодорожные платформы с запасных путей на основной. Я также раздал все обмундирование и медикаменты тем частям, с которыми смог связаться, когда они отступали через Новочеркасск, и обратился к русским с призывом очистить свои склады от всего, что нельзя было эвакуировать. А затем начал готовиться к собственной вечеринке, назначенной на 27-е.

Все прошло неплохо, благодаря усилиям оркестра командующего армией, который он мне одолжил. Пришел весь старый состав, и мне редко доводилось видеть Алекса более возбужденным. Он все пытался подраться с капельмейстером, и Норманн Лак вылетел спиной через окно и упал в снежный сугроб. Симпатичная сестра Светланы Муравьевой Ирина закармила своего французского бульдога шоколадом до такой степени, что тому стало плохо, а генерал Янов, несмотря на мольбы уехать домой из-за головной боли – чему никто не поверил, – танцевал лезгинку с такой энергией, что рухнул на спину и не мог встать.

Мы закончили пением Auld Lang Syne (шотландская песня «Доброе старое время» на слова Роберта Бернса, исполняемая в конце праздничного события. – Примеч. пер.), и, когда мы скрестили руки, я почувствовал, что быстро приближаются последние часы нашего пребывания в Новочеркасске, и этот вечер в самом деле стал концом моей связи с казаками, которым я стал так предан.

К этому времени железные дороги находились в хаотическом состоянии, и каждый поезд был сверх всякой меры перегружен беженцами, многие из которых оставались крепкими, годными к военной службе людьми. На некоторых поездах, медленно двигавшихся через сортировочные станции, среди пассажиров было больше солдат, чем беженцев, набившихся вплотную и внутри, и снаружи, люди цеплялись за крыши и буфера, висели из окон. Было много пьяных, набравшихся от безнадежности ситуации. Поезда эти часто принадлежали полкам, и войска часто жили за счет населения, реквизируя больше, чем нуждались на самом деле, и распродавая излишек. У одного полка было 200 вагонов, резервированных только для багажа, а в это время станции кишели беженцами, преимущественно женщинами и детьми, часто больными и голодными, из последних сил стремящимися на юг. Военские части нередко были перемешаны, и почти у каждого полка были поезда, блокировавшие основную трассу. Их больные и раненые были, однако, в жалком состоянии, и во многих госпиталях уже не было лекарств, медсестер и врачей, а голодающие, заразные пациенты бродили вокруг в поисках пищи. Крайне необходимая кавалерия была окончательно измотана, а разорванные коммуникации и отсутствие дисциплины делали штабную работу невозможной.

Пока мы с трудом справлялись с собственной эвакуацией, с юго-запада дошел слух, что штаб миссии эвакуировался из Таганрога. Я не мог поверить этому, потому что меня бы об этом известили, и всего лишь несколько дней назад я получил приказ ни в коем случае не переносить место дислокации, не сообщив об этой в миссию. Этот приказ, как я впоследствии узнал, привел к паническому отъезду на юг других групп связи, которые отступали вместе с армиями и более или менее прекратили функционировать.

Моя главная тревога была связана с Холменом, который, как я знал, не вернулся в Таганрог. Эвакуация из этого района во время его отсутствия наверняка не только помешала бы его планам, но и оставила бы его в неведении о происходящем у него в тылу. С другой стороны, я чувствовал, что, если бы это было правдой, я бы тогда был целиком предоставлен самому себе и мог предпринимать любые действия, которые сочту необходимыми, чтобы вывезти мой персонал и запасы и провести переформирование к югу от Дона, как только штаб Сидорина там обоснуется.

На самом деле я ничего больше не слышал о штабе миссии около двух недель, а к этому времени он расположился в Екатеринодаре, куда Деникин перевел свой штаб, но с приближением русского Рождества стало очевидно, что у любого из нас будет мало шансов на то, чтобы провести его в Новочеркасске; и в ночь на 2 января, получив вечернее сообщение из штаба, я решил, что все оставшиеся из моих людей должны уезжать на следующий день.

За ужином я предупредил офицеров, и на протяжении всей ночи оставшееся личное снаряжение и запасы имущества, кроме легких дорожных вещей, что придерживали при себе последние из нас, перевозились на санях и подводах до вагонов миссии, стоявших на запасных путях, и при этом кучерам приходилось пробиваться через толпы народа, устремившегося из города, через все эти маленькие транспортные средства и ручные тележки, на которых крестьяне увозили свой личный скарб.

На запасных путях царил хаос. Выставленные вдоль пути охранники согревали руки растиранием и притопывали ногами на морозном снегу, а люди с аншпугами возились на стрелочных переводах, и в воздухе стоял звон ударов металла о металл. Локомотив вздохнул, залязгал, и поезд рывками сдвинулся с места, провожаемый завистливыми взглядами тех, для кого на нем не нашлось места, медленно пробираясь через заполненную людьми станцию и дворы – некая змея из вагонов, тянущаяся за перегруженным паровозом. Изредка мимо проходил по открытой трассе какой-нибудь большой поезд, возможно генеральский, с окнами, матовыми от мороза, либо санитарный поезд с красными крестами, различаемыми на боках.

Начались обязанности Лака по организации поездов, и на следующее утро, с морозным инеем,

сверкающим на деревьях по широкой улице в центре города, я отправил курьера обойти оставшиеся русские семьи с лаконичным предписанием быть готовыми к посадке на станции в 5 часов дня. Всех их предупредили о том, чтобы они были готовы к отъезду с вещами в течение шести часов, так что, давая им восемь часов, я еще и дарил щедрый резерв. Сейчас офицерам не оставалось ничего иного, как помогать группам, к которым они были приставлены, и беженцы были очень рады, что оказалось так много народу, о них заботящегося.

Я отправился к дому Смагиных сам. Повсюду были видны следы сборов, но узлы, которые они готовили, выглядели жалкими, и большинство упакованных вещей было совсем не таким ценным, как сокровища. Как и большинство беженцев, устремившихся на юг, они не задумывались о трудностях и брали с собой больше сентиментальных вещиц, чем теплой одежды, и вот сейчас они укладывали такие вещи, как семейные иконы и тому подобное. Появилась Муся, босая, с распущенными волосами и с совершенно воинственным видом. У нее был подлинно русский характер, она могла в любой момент взорваться.

– Спешить некуда, – энергично заявила она. – Полагаю, вы не пугаетесь? Алекс уехал в Ростов повидаться с отцом и тещей и не вернется до завтрашнего дня, а без него я уезжать не могу.

Для такого рода споров у меня не было времени.

– Я заеду сюда с тремя дрожками в 4 часа дня, чтобы забрать тебя и твой багаж, все равно уложенный или нет, – сказал я и поехал посетить остальных, чтобы убедиться, что все идет нормально.

Так оно и было, кроме одного вагона с артиллерийским снаряжением, в котором должны были ехать Лак с женой и еще два офицера, и этот вагон застрял на путях под Новочеркасском и уже вряд ли прибудет на станцию вовремя, чтобы отправиться этой же ночью. Однако, что касается остальных, благодаря отличной работе Дики и Лака, а также раздаче изрядной доли рома и бумажных денег и опять же частому использованию названия «британская миссия», все другие вагоны были прицеплены к надежным поездам, принадлежавшим либо правительству, либо армейским штабам, либо специальному поезду командующего армией, который должен был отойти до полуночи. Недавно прибывший морской офицер Джон Дарнфорд и матросы расположились в двух вагонах для перевозки лошадей и взяли на себя ответственность за сопровождение, переноску грузов, приготовление пищи и общее поддержание бодрого духа среди беженцев, которым предстояло отправиться в неизвестное будущее, имея мало надежд на лучшие условия, чем те, что они оставляли позади.

Матросы были великолепны. Они приехали в Россию как раз посреди этого разгрома и не имели ни малейшего представления о том, что происходит вокруг них. Но они ни в малейшей степени не поддавались смятению, хотя я заметил, что они путешествуют вроде бы налегке.

– Что случилось с вашими пушками? – задал я вопрос.

Они усмехнулись.

– О, все в порядке, – был ответ. – Мы сбросили их у дороги, чтобы не мешать движению поездов.

В 5 часов я опять заехал к Мусе, и, к моему удивлению, она была готова. Она что-то ворчала, но без злости.

– Все улажено, – заявила она. – Не понимаю, из-за чего весь этот шум!

Ее казачка-служанка, оставшаяся здесь, со слезами на глазах принесла нам чаю, а Муся подарила мне прекрасную розовую перьевую ручку производства Фаберже, покрытую эмалью.

– Чтобы помнил меня, – просто сказала она.

В молчании мы ехали на станцию, а снег шуршал и скрипел под колесами. Только раз она заговорила, и вот все, что она произнесла:

– Дай мне честное слово, что ты отыщешь Алекса, когда он вернется из Ростова, и позаботишься о нем.

– Да, – отвечал я, – обещаю.

Она вздохнула.

– Ведь он такой глупый, – сказала она. – Он пропадет и погибнет, если никого не будет рядом, чтобы о нем позаботиться.

К 7 часам вечера все вагоны были заполнены. На станцию привезли детей Рутченко и ее мать, и все мы стояли в снегу между железнодорожными путями, поедая шоколад и поддерживая обычный глупый, несвязный разговор, который происходит, когда в тесном пространстве ожидают отхода поезда. Прощание на вокзале было тем, что я всегда ненавидел и взял себе за правило избегать его во время войны, но в России люди, похоже, годами наблюдали за отходящими поездами и махали рукой на прощание половине страны.

Я решил, что с меня хватит прощаний и надо ускользнуть отсюда, но это оказалось труднее, чем я думал. Когда наступил момент, русский темперамент прорвался через все границы сдержанности. То, что мы делали, было делом коллективным, но выражения благодарности были адресованы мне, как будто я один отвечал за все это, и для меня стало трудной задачей выдержать все это спокойно, пока я проходил через забитые и смутно освещенные вагоны для рукопожатий и прощальных слов.

Некоторые из пожилых женщин молились и благословляли меня.

– Мы, старые, слабые и никому не интересные люди, не были забыты в угоду молодым и красивым, – говорили они, и то, мимо чего я надеялся пройти вскользь, сказав лишь «до свидания», оказалось трагическим и действующим на нервы делом.

Старые дамы плакали на моем плече, и мне захотелось, чтобы они поскорее уехали. Я был достаточно молод, чтобы прийти в смущение от эмоций, и все еще стремился обрушиться на врага со своим арьергардом.

В конце концов я вырвался, чтобы переговорить с Дарнфордом и остальными отъезжавшими офицерами, кому я отдал приказы, как распорядиться имуществом, а также заняться реформированием группы в новом штабе армии в Сосыке, к югу от Дона. Потом вместе с Лаком мы пошли в контору начальника станции. Едва я успел отвернуться, как услышал рев пара, а когда он прекратился, – острое шипение, похожее на вздох, и поначалу медленный перестук колес на стрелках. Я обернулся и стал наблюдать, как поезд медленно двинулся, весь грязный и занесенный снегом, увидел лица, прикившие к маленьким отогретым клочкам замерзших окон, машущие руки, трепещущие платочки.

Увидел залитое слезами лицо Муси и услышал ее крик: «До свидания! Береги себя!» Потом поезд стал поворачивать, следуя изгибу пути, и последнее, что я услышал, это Мусю, выкрикивавшую мне в напоминание обещание позаботиться об Алексее, и я уставился в белый пустой хвост последнего вагона, пока он проползал сквозь скопление подвижного состава и, наконец, исчез из вида.

Той ночью, на русское Рождество, я вывез все свои вещи из дома, где жил, и мы сосредоточились в гостинице «Центральная».

Глава 15

На следующее утро оба пропавших офицера – Кларк и Фитцджеральд – прибыли с фронта без вещей, и нам пришлось призадуматься, как устроить их в переполненный вагон, в котором тем вечером должны были уезжать Лак с супругой. К этому времени в городе нарастала паника, появились большевистские листовки, угрожавшие британским офицерам, которые будут схвачены, пытками или смертью либо сообщавшие жителям о том, что Колчак отступает на Иркутск и что белые армии повсюду отходят под напором красных. Листовки были краткими и точными и звучали настолько правдоподобно, что это пугало, и люди в поношенных пальто стали сновать от одного фонарного столба к другому, вчитываясь в официальные сообщения, и всматриваться в флажки на картах военных действий в окнах магазинов.

Начались грабежи, кто-то бил окна пустых домов, выламывал двери, крушил мебель, взламывал сундуки, а вдоль дорог валялась домашняя утварь и различное имущество. Повсюду в округе вспыхивали пожары, а улицы были забиты людьми, стремившимися на юг. Возле штаба кто-то грузил телеграфную аппаратуру на занесенные снегом грузовики, и люди умоляли солдат забрать их с собой. Но ни у кого не было времени, кроме как на свои собственные дела, и на эти призывы ответа не последовало.

Погода становилась все хуже, и русские кутались во все, что было под рукой, некоторые даже поверх рубашек обвязывались пучками соломы. Железная дорога на юг блокирована, вода на станциях замерзала в насосах, и один за другим тянулись часы мучений, пока длинные цепочки вагонов вились вдоль улиц, прокладывая себе путь сквозь толпы пеших людей, бредущих на стертых ногах вместе со своими пожитками.

Теперь даже войска были охвачены тревогой и старались укрыться в безопасности, и генерал Карпов из пехотного училища, к тому же военный комендант города, стремился подавить эти проявления жесткими мерами. На улицах дефилировали кавалеристы, и он повесил какого-то казачьего капитана прямо перед нашей гостиницей в качестве предупреждения дезертирам.

Я провел весь день вместе с Лаком, пытаюсь перегнать последний искалеченный вагон на главный путь станции Новочеркасск, но железнодорожники бунтовали и были неуправляемы. Их обещания никогда не стоили многого, потому что поставлявшиеся ресурсы всегда распродавались, а боеприпасам никогда не удавалось доехать до места назначения. Многие из них были к тому же красными и по возможности вредили. Временами нам приходилось угрожать, но это не особенно помогало, иногда мы использовали солдат, чтобы перегнать вагоны, а тем временем за нами наблюдали мрачные железнодорожники, многие из которых только дожидались прихода большевиков.

Со вздохом облегчения я увидел, что задержавшийся вагон миссии в конце концов был прицеплен к поезду, идущему на Ростов, и, попрощавшись с Лаком и его женой, а также двумя офицерами, уезжавшими вместе с ними, по пути со станции поднялся по холму в последний раз с огромным чувством облегчения, что уже впредь не буду отвечать за склады или беженцев. Все они отправились на юг – теперь сразу же за мостом у Батайска, что в 40 милях отсюда, они будут в безопасности.

А красные уже были в двух днях перехода от Новочеркаска.

Я понимал, что русский штаб в ту ночь слишком занят, чтоб я мог беспокоить людей, поэтому с Дики и еще одним офицером, краснолицым крепким парнем из Девона, Ридом я принял меры к отъезду в получасовой срок, загрузил три деревенские подводы нашими вещами и фуражом для лошадей и поставил наших ординарцев дежурить по очереди во дворе гостиницы, чтобы ничего не украли и не забрали силой. Все еще стоял леденящий холод, изморозь все покрыла толстым слоем, и я опасался, что кто-нибудь

воспользуется попытками наших сторожей погреться.

В 3 часа ночи меня разбудили взволнованный переводчик и штабной офицер из дворца.

– Атаман! – прокричал он. – Он не остается с арьергардом Янова! Он уезжает в 5 часов утра и очень хочет, чтобы вы и все ваши офицеры воспользовались его спецпоездом и уехали вместе с ним!

Мне по-прежнему была не по душе мысль об отъезде, но, похоже, это был подходящий транспорт для Кларка и Фитцджеральда, а поэтому их отыскивали и сказали, чтоб отправлялись.

Пришел Пашков и тоже посоветовал мне уехать.

– Вам лучше бы исчезнуть, пока есть какой-то шанс, – заявил он. – Многие из солдат и горожан превратятся в большевиков, как только уедет атаман.

Однако я решил остаться, и Дики с Ридом согласились со мной. Наша группа теперь сократилась до размеров первоначальной маленькой ячейки, и все, что нам сейчас надо было делать, – это держать связь с Яновым и попытаться выбраться и пострелять по красным в день русского Рождества, когда предстояло последнее большое контрнаступление для спасения города. И лишь тогда я подумал, что предстоит довольно курьезный способ отпраздновать рождение Христа.

На протяжении всего дня через город лились толпы отставших солдат из 2-й дивизии, и единственными войсками, готовыми сражаться и принести какую-то пользу, были кавалеристы корпуса, которым сейчас командовал Павлов, задерживавший продвижение врага возле Персиановки, что в 10 милях отсюда.

В канун русского Рождества вернулся Алекс Смагин, и он с Павловым, который по какой-то странной причине оставил командование войсками, ужинали с нами в гостинице «Центральная». К этому времени почти все, включая и большинство слуг, ушли – кроме двух ярко одетых горничных, даже не пытавшихся скрыть своего восторга перед неминуемым приходом большевиков. Огромное здание, где царил гулкое эхо, где вход был испещрен следами пуль, было пусто, ковры в грязи там, где по ним топтались тяжелые сапоги. Здание становилось убогим и пыльным, а в зале валялось опрокинутое растение. Мы с трудом добывали себе какую-то пищу, и для этого даже приходилось самим искать ее на кухне. Снаружи, в городе, там, где украшенные снегом крыши собора чернели на фоне свинцовых туч, в местах, где появились сочувствующие красным, слышалась спорадическая стрельба, а агитаторы возбуждали народ в рабочих районах. Было опасно выходить на улицу, и несколько человек были подстрелены, так что каждый, насколько возможно, держался подальше от улицы.

Все мы к тому времени были здорово измотаны и ожидали, что следующий день будет трудным, а потому легли спать рано. Но заснуть было трудно, потому что по коридорам взад-вперед постоянно бегали немногие из оставшихся постояльцев гостиницы, хлопали двери и грохотали ящики, которые перетаскивали в безопасные места. Я встал в 3 часа ночи и пошел проверить наш транспорт на случай, вдруг кто-то из отчаянно нуждавшихся обитателей либо какая-нибудь группа мародеров из отставших казаков удерет с ним, а день русского Рождества обещал быть отличным и светлым, под шум артиллерийской стрельбы, совершенно отчетливо доносившейся в неподвижном воздухе со стороны Персиановки.

Сидорин говорил мне, что собирается взять на себя непосредственное командование сражением, и, когда он попросил меня поехать вместе с ним, мы отправились в его штаб, который сейчас располагался в брошенном дворце. Наши кони были оседланы, а вещевые мешки собраны, поскольку я был вполне уверен, что следующую ночь мы проведем уже не в Новочеркасске. Через город текла хаотичная колонна из всех видов транспорта, в которой смешались и беженцы, и вооруженные, и невооруженные солдаты. Станция была забита охваченными паникой людьми и военными автомобилями, которые как очумевшие

на бешеной скорости пронеслись мимо. Продолжали появляться деморализованные и утратившие порядок войска, солдаты в лохмотьях, не желающие подчиняться своим офицерам, а за ними последовали объятые ужасом торговцы и крестьяне, старики, женщины и маленькие дети верхом на лохматых лошадях, с собой они тащили свои перины, кастрюли и сковородки. Похоже, они знали, что мы уходим, и не стеснялись продемонстрировать свое отвращение. Вокзал превратился в преисподнюю грохота, и мы то и дело видели на удалении вспышки насилия и пожары.

И все же, несмотря ни на что, другие солдаты и большое число жителей все-таки беззаботно прохаживались с этой раздражающей русской беспечностью по улицам возле собора, в котором собралась масса верующих по случаю Рождества.

Все утро мы прождали возле канцелярии Сидорина, но он не пошевелил пальцем, а потом Пашков подслушал жуткий разговор, который пролил заметный свет на многие последующие события. Группа старших казачьих офицеров обсуждала ситуацию приглушенными, но все равно возмущенными голосами, и кое-что из сказанного ими дошло до ушей Пашкова.

– Какой смысл? – говорили они. – Зачем покидать свою страну и свое имущество ради войны за Деникина и помещиков? А что они сделают для нас, если победят, кроме того, что опять отберут у нас землю и вернутся к старым традициям монархистов? Красные заключат с нами мир и оставят нас в покое, поэтому какое нам добро от Деникина и англичан?

Уже было около 3 часов дня, и я отказался от всяких надежд добраться до места боевых действий, поэтому решил поехать верхом в направлении «Утенка», откуда была отчетливо слышна ожесточенная перестрелка. Когда мы пересекали площадь по пути к гостинице, нам показалось, что пулеметная дробь раздается вблизи, и я прикинул, что это в конце длинной улицы, проходящей мимо казарм.

Забрав лошадь и отдав всем приказание сесть на коней и двигаться вместе с транспортом на соединение с кавалерией Янова, я поехал на край города, и копыта моей лошади мягко ступали по скрипящему снегу. Вдруг по улице пронесся галопом какой-то казачий капитан. Когда он осадил своего взмыленного коня, тот рухнул на колени от изнурения.

– Все пропало! – завопил он. – Контрнаступление провалилось! Красные скоро будут в городе!

Люди немедленно бросились бежать, выкрикивая эту новость, и толпа с большой скоростью рассыпалась, извозчики колясок стали изо всех сил хлестать своих кляч, и те понеслись галопом. Я заметил, что сам-то с безразличием воспринял эту новость, и направился к вершине холма, откуда просматривалась равнина в сторону Персиановки, и на этой равнине черным по белому виднелись небольшие отряды пехоты и скопления пушек, отступающих в большом беспорядке, лошадей хлестали до безумия, а всех их преследовали группы, которые, как я полагал, представляли красную кавалерию. Но их, однако, покрывали плотным огнем пулеметы и легкие полевые орудия, которые вели стрельбу недалеко от места, где находился я на краю города; они рявкали на врага и застилали гребень холма дымом, а красные, возможно, оттого, что уже считали город своим, похоже, не очень стремились рваться вперед. Это явно была финальная сцена Новочеркасска, и, чувствуя подавленность, я повернул лошадь и ускакал на поиски Янова, чтобы убедиться, собирается ли он контратаковать до того, как станет слишком темно.

Ничего подобного! Из 120 человек, которые должны быть в наличии, можно было отыскать лишь не более 60, да и те случайно забрели на площадку для парадов перед штабом. У главного входа было три или четыре машины, в которые поспешно усаживались Сидорин и большинство его штабных. Увидев здесь Агаева, я спросил его, что случилось.

Он улыбнулся в ответ своей обычной энигматической улыбкой и красноречиво махнул рукой в южном направлении.

– Мы уходим! – произнес он.

– А что же с нами? – воскликнул я.

– Не знаю, – ответил он.

Сидорин нарочито отвернулся от нас и сел в свою машину. И они уехали еще до того, как я успел поблагодарить их за «заботу».

Я стоял в снегу, уставившись на них, пока машины удалялись от меня, а их следы от колес все уменьшались с расстоянием. Когда они исчезли, казалось, наступила невероятная тишина, потом вдали послышался одиночный выстрел – какой-нибудь агитатор либо пьяный солдат выстрелил из винтовки, и этот выстрел привел меня в чувство.

Поскольку я уже давно догадывался, что о нас заботиться не станут, я заранее подготовил свой план. Собрав свою группу у дворца, я объявил, что мы присоединимся к кавалерии Янова, как и ранее договаривались, и что никакой ценой нас не разлучат с нашим багажом.

И тут я вспомнил...

«Дай мне честное слово, что позаботишься об Алексе».

Я обещал Мусе сделать все, что смогу, для ее мужа, но не имел ни малейшего представления, где этот Алекс находится. Прошлую ночь он говорил мне, что останется с нами и что у него есть подвода для себя и скарба, но я слышал рассказы о взбунтовавшемся в то утро отряде и поэтому спешно бросился к его дому, где и обнаружил его – как и вполне ожидал – слегка пьяным и совершенно неготовым к отъезду, хотя, как обычно, абсолютно, занудно, до бешенства веселым!

– Все будет хорошо, – не устывая, твердил он. – Еще куча времени!

Он вел себя крайне бесцеремонно, и я был не очень с ним вежлив, потому что к этому времени сторонники большевиков в городе становились все наглее и все чаще вели снайперскую стрельбу по отставшим белым. На улицах валялись трупы, сложенные в кучи в лужах крови, а то, что было брошено как военными, так и гражданскими лицами, сейчас совершенно открыто грабили. То тут, то там можно было увидеть какого-то человека, юркнувшего за угол с дорогой картиной или чем-то из мебели, и его ничуть не трогали страдания длинной вереницы людей, направлявшихся на юг.

Уже темнело, и, когда я добрался до Янова, он был готов вот-вот уйти. Поэтому с применением больше силы, чем церемоний, Алекс, его вещи и какой-то старый седовласый генерал, оказавшийся с ним, были препровождены мной и Пашковым в их повозку, и мы присоединились к остальным, которые с тревогой дожидались нас, как раз в тот момент, когда колонна Янова тронулась.

Мы медленно проехали эту длинную милю из города и через небольшую речку, которая текла у его края, и углубились в степь. Она уже была покрыта снегом, а температура составляла около десяти градусов ниже нуля. На лицах русских отсутствовало какое-либо выражение. В кустарнике стояла вечерняя дымка багрового цвета из-за травы, шелестевшей под ветром, который поднялся ночью и сейчас лизал обледеневшие пригорки на этой равнине. Впереди нас зловеще простиралась нескончаемая череда холмов, неестественно пустынных, а под ногами снег по дороге был растоптан до состояния жижи.

На центр города уже падали снаряды, и вспыхивали пожары. К нам приближались маленькие отряды всадников и вновь исчезали в сгущающихся сумерках, при этом нельзя было разобрать, свои это или чужие, и через станцию медленно двигались два бронепоезда в направлении Ростова, а дым от их локомотивов хмуру висел в небе.

Доскакав до открытого места за Новочеркасском, Янов собрал 200 казаков, все еще оставшихся с ним, и построил их в шеренги; лица людей посерели и выглядели напряженными в этом бледном свете, храпели кони и били копытами о землю. Когда все вокруг стихло, кроме позвякивания удил, лязга снаряжения и скрипа кожи, он обратился к ним с речью. Он выглядел очень возбужденным и затратил массу времени, занявшись награждением двух или трех солдат. Я так и не понял смысла этой церемонии. Насколько я понимал, в округе уже не было других донских войск, а патрули из трех-четырех кавалеристов, которых можно было разглядеть в полумиле отсюда, были, скорее всего, большевистскими разведчиками. Янов, однако, не обращал на них внимания, и, когда это маленькое представление закончилось, он просто поскакал на юг к переправе через Дон. Его, похоже, совсем не интересовало происходящее вокруг него.

Моя группа скакала в промежутке между его передовым отрядом и главными силами. Уже взошла луна, снег стал ослепительно белым, но и жестким для коней, чтобы ступать по нему не проваливаясь, кроме, пожалуй, тех мест, где дорога была разбита. Свет придавал снегу бледный, трупный оттенок, и эта плоская, голая степь, покрытая замерзшими лужами, казалась бесконечной, так что наша колонна походила на гигантскую змею, ползущую через пустыню. Злой ветер пробирался и под одежду, а впереди нас была холодная неподвижность холмов, лишенных деревьев и вообще какой-либо жизни.

Насколько нам было известно, красные кавалерийские патрули к этому времени уже занимали окраины Новочеркасска и пока, как предполагалось, наш кавалерийский корпус удерживал их, но если он так же быстро отошел, как это сделали и другие войска, которые я сегодня видел, то сейчас определенно не было никаких частей между нами и противником. И все же Янов не принимал никаких мер, чтобы занять либо боевое, либо защитное построение, и колонна вилась, незащищенная, сквозь этот бесконечный снег, который иногда прерывался лишь в темных пятнах сосновых лесов; люди ехали, опустив голову и съездившись в седле, безразличные к тому, что с ними происходит. Ни на флангах, ни впереди разведчиков не было, так что нас мог захватить, при наших мучениях, любой рыскающий в окрестностях отряд большевистской кавалерии. Ресницы и брови сковало жутким морозом, и время от времени мы были вынуждены идти пешком, чтобы восстановить циркуляцию крови. Рты и носы мы замотали шарфами, чтобы не замерзнуть, и сосульки возникали просто от нашего дыхания.

Мы направлялись в Старочеркасск, где надеялись переправиться через Дон по льду. Мы оставили Новочеркасск только в 6 часов вечера, но уже за полночь мы добрались до переправы, за которой Янов рассчитывал найти пристанище в первой деревне, где уже раньше нас побывал передовой дозор. Благодаря шубе и овечьей папахе, которые подарил мне атаман, деревянным стременам, которые я скопировал с тех, что увидел во Франции у генерала сэра Генри Роулинсона, командующего 4-й армией, а также шерстяному трикотажному шарфу, которым я обмотал шею поверх высокого мехового воротника да еще дважды – тело, мне было вполне тепло, хотя папаха покрылась инеем.

Рядом со мной Рид просто переживал мучения. Лошадь его скользила и падала на этой смеси льда, грязи и воды, которая была выплеснута из полоски мелкого ручья бесконечными колоннами транспорта и верховых, проходивших здесь в течение последних двадцати четырех часов. Лошадь его сбросила, и в те пять минут, пока он поднимался, его одежда от мороза стала деревянной, и он испытывал исключительное неудобство. Мы дали ему все, что могли, но было просто чудо, что он не подхватил пневмонию.

Лед на Дону, должно быть, был весьма толстым, когда через интервалы были установлены факелы, указывающие, где проходит гладкая дорога, а ведь только день-два до этого через реку тащили шестидюймовые гаубицы. В темноте лошади вытянулись в длинную колонну, чуть видимую на светлом фоне льда, и двигались небольшими группами, кучками или длинными отдельными цепочками. Никто не говорил, было слышно только шарканье копыт да изредка хриплый окрик всадника в адрес одной из темных фигур, стоявших со своими лошадьми у костра.

Мы добрались до зарослей деревьев на той стороне и оказались в безопасности, но деревня, где надеялись отдохнуть, была полна беженцев, и не было ни одного свободного кусочка на полу, а также никаких признаков нашего передового отряда. Либо они, либо мы не туда попали.

Мы печально отправились к следующей деревне в пяти милях дальше и тут нашли то, в чем так остро нуждались: отдых, возможность накормить коней, осмотреть транспорт и составить планы дальнейших действий. Место выглядело очень красиво, с белым снегом и крепкими, манящими теплом домами с замерзшими окнами, очерченными черно-белым цветом, со звездами, сверкающими в чистом воздухе, что делало эту ночь неземной.

То и дело в избе, где мы улеглись, освещаемые фитильком в плошке с маслом, распаивалась настужь дверь и входили люди, неся с собой облака пара, крестясь перед иконой на стене, снимая меховые шапки и что-то ворча, когда принимались вытаскивать сосульки из своих бород. Однако люди Янова провели ужасную ночь. Для них не нашлось места, и многие оставались снаружи без огня, столпившись в кучки спиной к спине, чтоб хоть как-то удерживать тепло, и лошади остались без отдыха и щипали редкую траву, которую очистили для них от снега.

В 4 часа утра я закутался на связке соломы. Я договорился, что меня разбудят в восемь, но когда я пришел в штаб к Янову, то обнаружил, что тот со своими офицерами пьянствует и совсем не собирается двигаться дальше.

– В полдень, – твердили они. – А полдень уже совсем близко.

Я не мог отыскать на карте ни малейших следов нашей деревни, но, вероятно, она находилась в четырех милях к востоку от Ольгинской. Русские все еще сидели или лежали в комнате возле остатков своей еды, некоторые спали, другие все еще беседовали, и все свидетельствовало о том, что выпито порядочно вина и водки.

Одеревеневший и замерзший, с посеревшим от усталости лицом, я, наконец, решил, что сделал все, что мог, оставаясь верным этим непредсказуемым казакам. Сейчас мы находились к югу от реки, и красные наверняка стекуются в Новочеркасск пограбить и отдохнуть перед переформированием для дальнейшего броска на юг, чтобы выкинуть Деникина с рубежей на реках Дон и Маныч. Из-за льда эти реки использовались очень редко, но мои офицеры, мои склады и штаб миссии, я надеялся, к этому времени благополучно перебрались по мосту у Батайска, и мне хотелось выяснить, что делать дальше и что собираются предпринять Богаевский и Сидорин. Мне также надо было заняться переформированием группы в каком-либо штабе, которым они решат воспользоваться, и раздать все имущество, которое было спасено из «Утенка».

В соответствии с этим я распрощался с Яновым и Алексом, который сказал, что останется с кавалерией.

– Я поеду с ними напрямик до Сосыки, – сказал он. – Они рассчитывают найти штаб армии там.

Какое-то время все пребывали в состоянии суматохи и неразберихи, не зная, что делать дальше, не зная, как распрощаться, топчась на месте, окруженные шарканьем конских копыт, с трудом вдыхая морозный воздух. Дики, Рид и я выехали примерно в 11 часов утра и поскакали, насколько возможно, напрямую к Батайску. Я полагал, что у нас совсем нет времени, поскольку у меня была идея добраться самим вместе с лошадьми до любого из поездов миссии или штабов, который все еще мог задержаться здесь, либо идти по дороге как можно дальше на юг, чтобы достичь нового штаба Сидорина.

Лошади, однако, были очень измотаны, потому что вместе с нашей тяжелой одеждой, седельными мешками и т. п. им приходилось нести еще много другой поклажи, хотя снег уже был неглубокий и лежал бугорками вдоль дороги. Вне колеи лошади тонули в снегу чуть ли не по колени.

Сейчас было очень важно добраться до Батайска до наступления темноты, потому что поиск железнодорожных вагонов в той сумятице, с которой, я знал, мы столкнемся на любом запасном пути этой крупной станции, окажется нелегким делом. В Ольгинской мы пересекли направление движения нескольких воинских частей 8-й дивизии и отдельных кавалерийских частей 1-й дивизии, но те не имели понятия, что происходит, и проявили к нам полное безразличие, с трудом двигаясь вперед, скрючившись в седлах, а у лошадей головы просто повисли от усталости, и каждый человек был окружен облачком бледного дыма – это выдыхаемый им и его лошадью пар висел в воздухе. Сосульки свисали с потрепанных папах и усов – и образовывались вокруг лошадиных ноздрей. Они переправились через реку прошлой ночью, но, похоже, никто не знал, останавливались ли они в Ольгинской или нет и какие части следуют за ними.

Глава 16

Вновь опустились сумерки, когда я увидел столб черного дыма на горизонте и понял, что перед нами Батайск. Лошадь Пашкова была изнурена до предела, но, подгоняя наших коней еще четверть мили, а потом спешившись и проведя их еще три четверти мили, мы смогли как-то справиться с ними и добрались до места примерно в 4 часа пополудни. Путешествие было сплошной нервотрепкой, потому что, помимо его условий, мы просто не знали, где наткнемся на кавалерию Буденного.

Дики уехал вперед на деревенской подводе и был дозорным, а меня со всех сторон встречали неожиданной хорошей новостью. Вагоны с беженцами уже благополучно исчезли на юге, кроме Лака, который должен был проехать этой ночью. Два грузовика с имуществом, в основном кроватями и другими не столь важными вещами, а также вагон-платформа с установленной на ней автомашиной «форд» пропали в Нахичевани, где в большом количестве был брошен подвижной состав, а самому Лаку было очень трудно убежать. Но в конце концов ему удалось это сделать, и все остальное было в целости.

Несколько вагонов миссии, вагон Богаевского и вагон Сидорина – все находились на станции в своих поездах и ждали отправления. На платформах ждали беженцы рядом с вагонами, выпрашивая для себя места и выставляя своих детей, в глазах которых виднелась безысходность. Но люди, висевшие на подножках в ожидании сигнала отправления, сами пережили столько личного горя, чтобы еще тревожиться о других.

Мне было велено немедленно прибыть в вагон атамана, пока мои лошади и имущество будут погружены и прицеплены к поезду миссии, который скоро должен отправиться на Тихорецк, где мы все собираемся для получения дальнейших распоряжений.

Из-за продолжавшегося отсутствия Холмена нельзя было сделать ничего определенного, но генерал Коттон, главный советник по артиллерии, одолжил мне еще 20 лошадей, на которые я собирался посадить столько офицеров, сколько мог, и сформировать чрезвычайную военную группу для какой бы то ни было цели, например спасательных операций, какие могли возникнуть. Не хватало не только нескольких британских танков и находившихся при них офицеров, но и ходили слухи, что Самтер, Фрешвилль и его переводчик – все были членами моей группы – с другими британскими офицерами все еще пропадали где-то на севере от Ростова. И мы испытывали за них глубокую тревогу, потому что к этому времени красные в тех местах уже кишели повсюду.

Однако все кончилось ничем, и станция Батайск постепенно пропустила весь этот транспорт на юг в направлении Тихорецка, кроме поезда с Сидориным, который остался в Сосыке, где был занят устройством своего нового командного пункта.

Тяжелогруженный локомотив трогался с места с судорожными торможениями и рывками, колеса проворачивались на месте. Затем, когда они обрели сцепление, поезд медленно двинулся вперед, потом все быстрее и быстрее с бешеным громоуханием колес, так что вздрагивали рельсы, когда он пронесся, расшвыривая вокруг себя сажу и загрязняя снег. Один поезд следовал за другим, провожаемые мрачными взглядами железнодорожников и несчастных беженцев, которые стояли, безнадежно уставившись вслед составам.

Стояла небольшая оттепель, и дороги были по колесо покрыты тающим снегом и слякотью, когда я отправился дожидаться возвращения вагона, который использовал Лак и которым я намеревался воспользоваться сам. Почти тут же меня приветствовали сообщением, что прибыл долгожданный британский полковник, который возьмет на себя командование моей группой при Донской армии, и что он пожелал сделать это сейчас же.

К счастью для меня, я знал его, и он был вполне в курсе того, какое разочарование испытывал я. Его, похоже, было так много, что я сдался. Несмотря на суматоху, мы оставались до самого конца, эвакуировав в своих вагонах более 50 беженцев, и забрали с собой из артиллерийских складов все, что представляло хоть какую-то ценность, а мои офицеры уже собрались в Сосыке, пытаюсь связаться со своими русскими частями и восстановить старые связи. Как воинская часть, мы не прекращали функционирование в течение всей эвакуации Новочеркасска и Ростова.

Я не знал, что Холмен вернулся из Екатеринодара, куда он ездил по возвращении с места своей деятельности в Добровольческой армии. Во время его отсутствия, как я узнал ранее, штаб в Таганроге самостоятельно прекратил работу, бросив большое количество снаряжения и совершенно новые аэропланы, и все это учреждение ринулось через ростовский мост до того, как магистраль была перерезана. Я был взбешен, потому что они совершенно неожиданно оставили меня без какой-либо информации и инструкций.

Ростов лежал в руинах. Врангель, которого не так давно приветствовали в здании оперы, в конце концов в досаде отказался от командования и уходил на юг. Его осаждали толпы людей, умоляя забрать с собой, а другие хотели узнать, почему он отказывается от командования, и жаловались на безразличие штабистов. Доходили слухи о подстрекательстве к мятежу, но даже в этот опасный момент Деникин продолжал заниматься лишь изданием политических программ, полных захватывающих фраз, которые никоим образом не помогали в борьбе с растущим беспорядком в Ростове.

Карты с положением на фронте, висевшие в витринах магазинов, которые раньше демонстрировали летние успехи, сейчас показывали лишь, как красные армии охватывали в кольцо такие города, как Омск и Харьков. На железнодорожных сортировочных станциях образовалась фундаментальная пробка, в которой застряли поезда. На многих из них остались шрамы от артиллерийских обстрелов, и составы эти тянулись на многие мили в степь, а персонал станции был подавлен этим хаосом и проявлял к нему безразличие, но при этом даже требовал увеличения заработной платы.

Узловые станции были переполнены забитыми доверху поездами, что, впрочем, происходило на каждой станции на всем пути к побережью, пока их пассажиры пытались взятками подкупить начальников станций и машинистов, чтобы те отправляли поезда до того, как придут красные. И каждый раз, когда какой-то поезд подавал признаки того, что трогается, толпы людей бросались на штурм его, ломали конечности и давили детей и стариков, в свалке опрокидывали барьеры и срывали двери с петель.

Люди сражались за место в поезде и протискивали свои узлы в разбитые окна, и в течение нескольких секунд каждый дюйм пространства в вагоне оказывался занятым как внутри, так и снаружи, каждый буфер, крыша и площадка были забиты людьми. Плакаты с изображением зверств, учиняемых красными, должны были содействовать активной записи в Белую армию, но они лишь увеличивали ужас и ухудшали ситуацию. Многие поезда были полны войск, многие из солдат были пьяны и не обращали внимания на своих командиров, и когда мимо проходили поезда с личным составом, в их окнах были видны мрачные лица офицеров.

В тихих уголках солдаты даже стали объединяться с теми, кто грабил гражданское население, используя свое оружие, чтобы заставить людей отдать свои драгоценности или лишнюю одежду, а на станционных перронах на тачки для всеобщего обозрения укладывали тела детей, задушенных в этой давке при посадке на поезд, надеясь, что это поможет остановить панику.

В центре города было полно идущих людей – два огромных человеческих потока, двигавшиеся в противоположных направлениях через снег и слякоть. По магазинам – все еще украшенным в честь Рождества – люди искали что-нибудь, из чего можно сделать красную полоску, чтобы приобрести

иммунитет, когда в город вступят красные. Наконец, на станции появились полуголодные, инфекционные, больные тифом, выпрашивая для себя места на поездах, уходящих на юг.

Шел снег, и говорили, что красные заняли позиции на холмах к северу от города и обстреливают его. Насколько это было правдой, мы так и не узнали, но проезд через Ростов, похоже, был внушающим страх делом. И Холмен был так взбешен тем, как некоторые офицеры из Таганрога подключились к этой свалке, что заявил о своем намерении завести книгу в конторе чиновника при железной дороге, в которой каждый британский офицер, проезжающий через станцию, должен будет расписаться с указанием причин, по которым он оказался здесь.

Говорили, что город в таком хаотическом состоянии, что военный комендант вешает и мужчин, и женщин и как средство восстановления порядка оставляет их трупы качаться на фонарных столбах.

Все магазины были заперты, и не было еды для несчастных беженцев, которые наконец стали переправляться через реку по льду, пока не пришли ледоколы, чтобы не допустить перехода к красным. Было потеряно огромное количество жизней, потому что не было организации, и попытки Холмена как-то упорядочить ситуацию ни к чему не привели, потому что сражение на белых равнинах на севере было окончательно проиграно, и в ночь на 8 января красные ворвались в Ростов. Бойцы Буденного были возбуждены победой, и их командиры, важничая, расположились в доме человека по имени Парамонов – богатого торговца, где совсем недавно размещался штаб белых генералов. В городе вспыхнули оргии грабежей и убийств, и только это дало белым возможность окопаться в Батайске на сильных позициях по линии холмов, к югу от реки, прямо за нею, а справа находился большой участок болот на стороне большевиков. Хотя река и замерзла, болота оставались непроходимыми, и, несмотря на восемь фронтальных атак, предпринятых большевиками, белые позицию удержали.

Холмен, все еще обозленный тем, что британские офицеры добавили со своей стороны к общему беспорядку, появился на железной дороге в Тихорецк, где различные люди из миссии скапливались на станции по пути на юг. За исключением моей донской группы, везде в районе Ростова – Батайска царил беспорядок, и он попытался установить хоть какой-то контроль. Но к тому времени это стало невозможным, и я сам должен был полагаться на своих офицеров, пробиравшихся ко мне, на их инициативу и больше ни на что. До меня просто не доходит, как мы сумели вновь собраться вместе, но нам это удалось. Поскольку мою группу, скорее всего, в ближайшем будущем должны были у меня забрать, я был в мрачном состоянии духа и с горечью наблюдал, как другие группы сосредотачиваются для отъезда на Тихорецк и Екатеринодар. Переформирование фронта сейчас, похоже, требовало совершенно новой организации британской помощи, чтобы ему соответствовать, и я был уверен, что пропущу самые волнующие моменты.

К тому времени Кавказская армия, которой теперь командовал Покровский, отступала от Царицына вдоль линии на Тихорецк, но все еще удерживала фронт на рубеже реки Маныч. На ее левом фланге находились 1-й, 2-й и 3-й Донские корпуса, опиравшиеся на трассу Торговая – Батайск, пересекающую первую магистраль, имея в резерве кавалерийский корпус Павлова на весь свой участок фронта до Батайска. Далее располагалась гвардейская кавалерийская бригада Бобровича из Добровольческой армии, удерживавшая сам Батайск и район до берега Азовского моря, а в то же время южный берег Дона удерживал корпус Кутепова из Добровольческой армии, включая знаменитые полки Маркова и Алексева. Все войска, кроме кубанских казаков под началом Покровского, находились под командой Сидорина, а поскольку фронт постепенно стабилизировался, он бросил их вперед на Куцевку, где они и оставались вплоть до отвоевания – а через два дня новой потери – Ростова.

Перед тем как мне отбыть в Тихоренк, Холмен отвел меня в сторону.

– Думаю, будет лучше всего отозвать британских офицеров из Донской армии вообще, – сказал он.

Я попробовал было переубедить его, что мы все еще нужны, и в конце концов он согласился, чтобы группа продолжала действовать, поэтому я вернулся в Сосыку 20 января и провел несколько дней за передачей моему преемнику всей информации, что у меня была.

К этому времени события стали неожиданно разворачиваться благоприятно для деникинской армии, потому что красные потерпели два разгрома подряд при попытке переправиться через Дон и Маныч – и каждый раз от Донского кавалерийского корпуса Павлова, которому помогали кавказцы Топоркова. Красные потеряли под Батайском и Веселым несколько пушек, но, к сожалению, эти успехи значительно перевесил негативный результат поведения кубанских казаков, которые теперь определенно склонялись к политике «прекращения войны». Покровский не имел на них такого влияния, каким обладал Врангель, а казачьи политики вновь завели свою волюнку в надежде на автономию в обмен на их прекращение сопротивления.

Постепенно их отряды стали растекаться по своим деревням, исчезая по ночам по одному, по двое и группами либо просто покидая позиции на глазах отчаявшихся офицеров и иногда бредя целыми эскадронами, ротами и даже полками, уставшие от войны, плохого командования и превосходящей силы красных. И никто ничего не мог поделать, чтобы остановить их. Тем временем одновременно на обоих флангах армейской группы Сидорина началось новое красное наступление, в результате чего кавказские части были выбиты назад, на Торговую, и обнажился фланг 1-го Донского корпуса.

Когда я вновь отправился на фронт, холод усилился, а работоспособность немногих паровозов упала до самого низкого уровня, так что эта поездка стала испытанием терпения, потому что поезда проходили за один раз лишь несколько миль, и каждый вплотную упирался в хвост переднего, если получивший хорошую взятку начальник станции ухитрялся пропустить между ними еще один состав. Машинисты зачастую не имели опыта, и наш поезд едва набирал скорость 10 миль в час, будучи перегруженным и таща за собой, как минимум, 80 вагонов, тормозя и вновь трогаясь, останавливаясь, чтобы дать возможность оторваться идущему впереди поезду, затем трогаясь опять под громкое шипение паровоза, пронзительный свист пара, когда колеса буксуют на рельсах, пытаюсь вновь привести в движение этот огромный груз. Каждый раз на остановке мы выходили, чтобы размять ноги или даже заварить чай, отлично зная, что не останемся в степи, потому что каждый новый старт был настолько медлительным, что всегда можно было успеть взобраться в вагон до того, как поезд наберет нормальный ход.

Рывки, вызываемые перегруженным локомотивом, приводили к тому, что любая еда не задерживалась на столе слишком долго, но эти рывки ослабели после того, как мы пригрозили машинисту проучить его за то, что разбилась наша последняя чайная чашка.

Мы проезжали мимо разбитых поездов и сгоревших станций – признаков недавних боев или кавалерийских рейдов. Условия становились кошмарными, так как повсюду свирепствовал тиф. На всех станциях и общественных зданиях виднелись объявления, набранные красной краской, призывающие к предосторожности, чтоб не заболеть, и подчеркивающие необходимость мыться и стирать одежду, но так как не было топлива, чтобы разогреть воду, это было слишком трудно, и условия для мытья толп беженцев были совершенно ничтожными. Никто не менял одежду, потому что большинство беженцев не имели смены белья, и все они сидели в своих купе в такой тесноте, что эта смена была просто бесполезной. Медицинское обслуживание отсутствовало, и вши кишели в деревянной обшивке вагонов, в потрепанном обмундировании и овчинных шубах крестьян. Болезнь распространялась, как лесной пожар, и целые составы с людьми погибли из-за отсутствия медицинской помощи или замерзли до смерти, потому что были слишком слабы, чтобы позаботиться о себе. Их замерзшие тела, твердые, как дрова, сбрасывали рядом с рельсами, стаскивали с них сапоги и одежду, которые лишь передавали болезнь здоровым людям, снявшим все это для себя.

В Батайске я направился прямо в штаб кавалерийской бригады Бобровича и впервые получил конкретные новости о двух офицерах, пропавших к северу от Ростова.

Самтер, находившийся на пути в Киев, когда рухнул фронт, пристроился к Бобровичу и с большим мастерством помогал управляться с конной артиллерийской частью, вооруженной пушками «льюис». К настоящему времени он уехал на базу и был в безопасности. Позднее он был убит в Малой Азии.

О Фрешвилле, однако, можно было услышать только плохие отзывы. За неделю до своей эвакуации из Новочеркасска я отправил его на базу, чтобы получить деньги и имущество, но узнал, что, проезжая через Ростов, некий штабной офицер уговорил его с переводчиком изменить маршрут и присоединиться к добровольческому полку Кутепова, помогать в выборе места для окопов и подготовке обороны в попытке спасти город. С этого момента информация о его передвижениях изменчива и туманна, но мы знали, что русские, к которым он присоединился, бросили его с переводчиком в деревне, которую занимали, не сообщив о своих перемещениях, и его схватили наступавшие красные, которые его и убили. Его тело привязали к седлу и таскали по улицам города. Позднее был совершен рейд через покрытый льдом Дон в Ростов, и Добровольческой армии в плен попался большевистский комиссар, носивший китель Фрешвилля. Мне рассказали, что того забили до смерти стальными шомполами – не столь уже необычная судьба для пленных в ту Гражданскую войну.

Пока, как казалось, не было быстрой возможности добраться до фронта в Торговой из-за нехватки паровозов, я воспользовался шансом, предоставленным мне командиром бронепоезда «Атаман Орлов», чтобы побывать на крайнем левом фланге в Азове, который удерживали войска Добровольческой армии и отряд местных антибольшевистских спортсменов, называвший себя «Черноморский конь». Южный берег Дона между Батайском и Азовом не был защищен, и если б у красных было достаточно сил, они смогли бы перейти реку по льду и совершить набег на юг. Чтобы отвести такую угрозу, между двумя конечными станциями нес патруль бронепоезд с 2 полевыми орудиями и 12 пулеметами, посещая каждую из них примерно раз в три дня.

Боевые части в Азове вроде были боеспособными, но большинство из британских орудий было отправлено назад в Уманскую на ремонт, и я оставался там только одну ночь. Когда я возвратился в Батайск, должен был вот-вот отойти паровоз по пересекающей линии на Мечетинскую, являвшуюся передовой базой Донской армии, поэтому я договорился, чтоб мой вагон прицепили к нему, и сразу же отъехал. Благодаря этому я смог быстро побывать в штабах 3-го и 2-го Донских корпусов, которые сейчас представляли собой лишь немногие потрепанные остатки 4-й и 7-й дивизий и насчитывали лишь около 1000 человек, и наконец повидал своих старых друзей – 1-й Донской корпус, сократившийся ныне примерно до 700 человек 6-й дивизии и нескольких кавалерийских групп, пытавшихся войти в контакт с кубанскими подразделениями на своем правом фланге. На каждом из участков фронта сейчас было достаточно людей лишь для того, чтобы вести наблюдение за переправами противника с северного берега реки Маныч, кроме того, обеими сторонами продолжались непрерывные рейды на сторону противника, немногие солдаты пробирались по ночам напротив какого-нибудь маленького передового пикета, набивались в какую-нибудь хату, съезжившись, чтобы удержать тепло, и тут следовала бешеная атака всадников, которые, взметая снег под копытами, мчались, чтобы порубить несколько бегущих фигурок, перед тем как уничтожить их позицию, а потом опять исчезнуть среди деревьев.

Я передал запасные части к орудиям тем командирам батарей, с которыми мы смогли связаться, а также одежду и медикаменты – штабам, но позиция к этому времени выглядела сомнительной, особенно на фронте 1-го Донского корпуса, из-за дрогнувшей способности к сопротивлению Кубанской армии. В тот день, когда я уезжал, мой старый друг артиллерист генерал Марков фактически заявил мне, что становится

все более пессимистичным, а по прибытии через несколько часов на узловую станцию Торговая, после того как туда дошла весть о мощном наступлении красных, мы застали всех в крайней панике.

На месте, когда мы приехали, царило огромное возбуждение, и люди передвигались в состоянии заметной тревоги, которая легко могла перерасти в нечто куда более опасное при малейшем неверном слове. Никто, кого не затронула Гражданская война или крупное военное поражение, которые мы сейчас переживали, не сможет понять эту жуткую деморализацию. Она была видна в поведении, речи и выражении всякого, кого я видел, как будто это была распространяющаяся эпидемия неуверенности.

Несколько офицеров тихо беседовали.

– Что же будет дальше? – спросил один из них. – Говорят, беженцы поступают тысячами.

Толпа на перроне прибывала и убывала, поскольку страх передавался от одного человека к другому, и люди заспешили к своим телегам, быстро толкая их вперед со своим имуществом, нервно оглядываясь. Кто-то дал пощечину капризному ребенку, и, когда тот заплакал, раздался шум, перекрывший гвалт этой несчастной мешанины.

– Красные идут, – произнес кто-то, и все устремились к дороге.

Потом, когда люди поняли, что это ложная тревога, к станции вновь прихлынула толпа, беженцы без мест умоляли людей на поездах дать и им местечко. Однако солдатам приходилось проявлять суровость при виде этой трагедии. Человеческая жизнь стала такой дешевой, а смерть – таким привычным явлением, что никто уже не был в состоянии ощущать какие-то эмоции в этом ужасе.

Русские офицеры беспокойно следили за своими солдатами, опасаясь, не набросятся ли они на них, и тихо и мучительно обсуждали, добрались ли впереди красные до места их назначения, вспоминая, как иногда захваченных красными в плен офицеров бросали голыми в снег, пока те не замерзали, или казнили, забивая молотками, чтобы сберечь патроны.

Как обычно, точной информации не было, никто не осуществлял надлежащего командования, и каждый обвинял всех остальных в том, что его подвели. На севере ясно можно было слышать звуки стрельбы, и несколько групп, оставших от кубанских полков, были в том умонастроении, когда винная лавка представлялась очень привлекательной наживкой. Мы слышали перестрелку и в городе и знали, что, как только вино пойдет по кругу, большевики станут наглее, раздраженные солдаты примкнут к ним, и в конце концов все превратится в руины.

Мои вагоны были прицеплены к поезду, который должен был в любой момент отправиться на Тихорецк, но прошло еще семь часов, прежде чем мы отъехали, потому что выяснилось, что поезд был составлен из вагонов, требуемых для других целей. Увидев, как поезд три раза расцепляли, чтобы убрать эти вагоны да еще один, который был слишком ветхим, чтобы вообще двигаться, Лак, который пробился ко мне назад после того, как увидел своих жену и дочь в целостности и сохранности на пути в Новороссийск, в конце концов в бешенстве поднялся в кабину машиниста.

Последовал разгоряченный спор, несколько угроз и весьма многозначительное прикосновение пальцем к кобуре пистолета, и в конце концов машиниста убедили продолжать движение. В течение всего этого времени наши лошади оставались под седлом в стойле рядом с нашим вагоном, потому что ситуация представлялась ненадежной и продолжала оставаться таковой в течение нескольких часов. Но в конечном итоге мы доехали до Тихорецка примерно через тридцать шесть часов.

Деникин уже прибыл туда, и много эмоций было проявлено при ожидавшемся появлении господина – позднее сэра – Джона Макиндера, присланного из Англии в качестве британского верховного комиссара, которому было поручено сформировать свое личное мнение об обстановке. Вероятно, у него была

полнейшая свобода действий для ее улучшения при условии, что он не будет вызывать британские войска для ведения каких-либо настоящих боевых операций.

На железнодорожной станции состоялось закрытое совещание между Макиндером, Холменом, Деникиным, Звягинцевым и Кейсом, в результате чего появилась письменная гарантия Макиндера, опубликованная во всех британских и русских официальных изданиях. Это соглашение было заключено с той целью, чтобы, пока Вооруженные Силы Юга России будут вести борьбу, собраться с духом и приложить все усилия для изгнания красных с Кубани, а пока британское правительство будет отвечать за эвакуацию военнослужащих, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях, больных и раненых и предложит всю возможную помощь, исключая присылку войск из Константинополя для участия в боях.

Эта гарантия была переведена во многих вариантах ее различными читателями, но она ни в коем случае не была приятной для британского правительства. Рассказывали даже, что, как только ее получили в Лондоне, в ответ умчалась телеграмма – но слишком поздно, чтобы застать Макиндера, который уже вернулся в Константинополь, – игнорировавшая полномочия, с которыми он был послан, и полностью дезавуирующая его действия. К счастью, на месте нашлось несколько сильных личностей, взявших на себя всю ответственность, которые позаботились, чтобы это соглашение было выполнено до последней буквы, и тем самым избежали того, что наверняка стало бы черным пятном позора на уже изъеденном молью гербе британского престижа на Ближнем и Среднем Востоке.

Глава 17

Я оставался в Тихорецке лишь для того, чтобы узнать о результатах совещания от Холмена, а потом первым же возможным поездом поспешить назад в Сосыку либо Куцевку, где мог находиться Сидорин. Представьте мое изумление при возвращении в штаб, где я обнаружил, что мой преемник уехал в Екатеринодар для исполнения других обязанностей, а я получил назад свою группу. Это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже несчастья представляются менее тяжелыми, если знаешь, что можешь еще что-то сделать для спасения ситуации.

Накануне отъезда я получил целую пачку писем с базы, где сообщалось о благополучном прибытии беженцев из Новочеркасска. Вероятно, некоторые местные чиновники отнеслись к ним необходимо, и у них стало складываться очень негативное мнение о британской миссии. Сейчас их низвели до самых жутких условий. У них не было денег, чтобы купить продукты, не было жилья в переполненном городе, уверенности в будущем, были лишь жалкие остатки личных вещей.

В то время повсюду свирепствовал тиф, и не было практически никакой медицинской помощи. К этому времени эпидемия обрела ужасные масштабы, и из-за отсутствия госпиталей и лекарств больных размещали в частных домах, вокзалах и железнодорожных вагонах. Уже половина армии и местного населения была заражена этим заболеванием, и оставленные и забытые больные могли рассчитывать лишь на смерть. Люди падали и умирали прямо на улицах, и склады были полны мертвых. Когда прибывали поезда с больными, раздавался призыв: «Кто живой, выходи!» – и, спотыкаясь, оттуда выбирались немногие изнуренные привидения. В товарных вагонах часто находилось от 30 до 40 трупов, офицеры и солдаты лежали вместе.

Край погрузился в отчаяние и тревогу, мертвые лошади, брошенные повозки, пушки и снаряжение образовывали пробки на дорогах. Тысячи раненых лежали, лишенные ухода, когда приходилось эвакуировать госпитали, их спешно доставляли на самодельных носилках к железнодорожным станциям только для того, чтобы они умерли от холода или отсутствия ухода.

Железнодорожные линии были повсюду заблокированы. Поначалу, когда поезд останавливался из-за поломки либо отсутствия топлива, его пассажиры ожидали помощи, оставаясь со своими чемоданами и вещами, но в конце концов голод вынуждал их выходить на рельсы в надежде сесть на другой поезд, остановившийся впереди их собственного. Похоже, каждый голодал, но местные жители ради своего спасения прятали припасы. Счет дезертиров из армии уже шел на тысячи, а офицеры утратили всякое чувство ответственности, стараясь выжить, и войска брели к морю без какого-нибудь приличного арьергарда, все время подгоняемые красными.

Миссия пыталась навести хоть небольшой порядок, проводя дезинфекцию станций и машин, превращая магазины и кинотеатры в новые госпитали, но на одной станции мы услышали, что было найдено несколько санитарных поездов, которые днями дожидались возможной отправки.

Как ни удивительно, в то время было много русских офицеров, все еще энергично занимавшихся обменом и продажей награбленного, и те, кто по работе был связан с военным имуществом, заработали огромные деньги. Были даже вспышки кутежей, оргий, азартных игр, и в этом были замешаны некоторые высокие чины. Все это происходило, когда раненые офицеры вешались, а беженцы – в основном офицерские семьи – умирали от холода и голода в поездах, в которые набивались до предела.

Армия была изнурена до крайности. Полки, от которых почти ничего не осталось, с трудом тащились на юг, ноги людей были обмотаны одеждой либо мешками, артиллеристы тащили проржавевшие орудия, измученные люди падали с лошадей и замерзали до смерти, не успев проснуться. Их сопровождали

освобожденные красные пленники, которые были в таком же ужасном состоянии, как и белые, все двигались в глубоком молчании, даже шорох шагов заглушался снегом. У лошадей также развилась болезнь ног, канонирам приходилось бросать пушки и снаряжение, и повсюду вспыхивали бунты. Зеленые под командой Нестора Махно грабили города, поезда и продовольственные склады, и повсюду властвовал беспорядок. На севере Красная армия, двигаясь по пятам белых, каждый день захватывала целые караваны поездов, и во всех было полно женщин, детей, голодных и больных. Любого найденного офицера убивали, а остальных разгоняли и приказывали им идти.

Посреди этой разрухи угнетенные, подавленные люди пытались похоронить своих умерших в замерзшей земле или просто оставляли их тела у дороги, чтобы самим присоединиться к огромной вьющейся змее человечества, безразличной к любому, оказавшемуся в еще более затруднительном положении, чем они сами, стремясь как можно дальше оторваться от красных. Немногие, пользуясь возможностью, все еще жили в обломках поездов, которые были разбиты и сброшены в насыпи, чтобы освободить проход другим поездам, и сжигали внутреннюю обшивку вагонов, чтобы приготовить еду или обогреться.

В городах власти утратили право на всякое уважение, потому что цены на хлеб продолжали расти и не было угля. Движение на железных дорогах практически остановилось, повсюду были больные, а посреди всего этого хаоса ко мне пришла новость, что Алекс Смагин в конце концов приехал в Сосыку, но он в полумертвом состоянии, болен пневмонией, и есть подозрение на тиф. Уже не рассчитывали, что он выживет, и я послал телеграмму Мусе, которая вернулась на север, и через два дня она уже была в Сосыке с ним, ухаживая за ним в вагоне, который он делил с другими беженцами.

Конечно, риск инфекции был огромен, потому что на местах не было ни врачей, ни лекарств, но она преданно оставалась рядом с ним, не обращая внимания на трупы, которых каждый день выносили из вагона и укладывали рядом с рельсами. В конце концов вагону, в котором он жил, пришлось передвинуться вперед с частью штаба Сидорина, мы все собрались вместе, добравшись до Кушевки примерно 15 февраля.

Там царили суматоха и возбуждение, поскольку предстояло сделать попытку отбить Ростов, и через город шли войска. Кавалерийские эскадроны, плохо оснащенные, но все же не те изнуренные солдаты, которых мы видели на севере, проходили мимо, а на фронт уходили поезда, битком набитые пехотой. Я сделал вывод, что нам надо ехать на Батайск, и ожидал увидеть это наступление. Сидорин взял меня с собой в свой вагон, оставив мой под штаб, но по приезде в Батайск нам сказали, что Ростов уже взяли, продержали два дня, а потом опять оставили. Эта новость разрывала сердце.

Сидорин с Кельчевским вдруг стали еще более скрытными в отношении своих планов, чем обычно, но сказали, что собираются в Мечетинскую, чтобы поглядеть на павловскую кавалерию, которая только что совершила отчаянный марш через степь и отбила еще один мощный кавалерийский налет большевиков. Однако в ходе этих операций они провели три ночи под открытым небом в самую сильную метель в этом году и сообщили, что потеряли 40 процентов своих сил от обморожения и переохлаждения. Сейчас бойцы Павлова превратились в бредущую разобщенную толпу, одетую в то старое рванье, которое солдатам удалось отыскать. Потери в лошадях были большие, спешившие уцелевшие бойцы ковыляли и тащили с собой оружие и как боевая единица были совершенно бесполезны. Из Одессы наспех сформированные батальоны кадетов из местных гимназий шли на фронт против большевиков.

Мы провели с ними пару часов, за которые Сидорин раздал большое количество донских военных крестов. Мы также увидели части Донского летучего корпуса, которые выглядели так, будто потеряли свои мастерские, поскольку сейчас узел в Торговой был небезопасен из-за продолжающегося наступления красных.

В кавалерии встретились с несколькими старыми друзьями. Несмотря на свои неудачи, Павлов был в отличной форме, лицо его побагровело от солнца, ветра и снега. Там был и Секретьев, а также один-два офицера, с которыми я ранее встречался с Агаевым. В Батайске мы не стали тратить время на обратную дорогу, а поехали прямо на Куцевку, где я понял, что дела идут все хуже и хуже. К этому времени личный состав частей очень сократился из-за потерь в бою, дезертирства рекрутов, бегства большинства кубанских казачьих формирований и сгущающейся атмосферы недовольства донских казаков деникинским командованием. Донскую армию неуклонно теснили по всему фронту, а Добровольческая армия перед лицом врага, обладавшего огромным численным превосходством, была вынуждена последовать примеру донцов.

Такие же жуткие сцены разворачивались постоянно – этот медленный человеческий поток, эскадроны кавалерии, в которых уцелело лишь по несколько сабель, артиллеристы, которые волокли на санях демонтированные орудия, офицеры без солдат и солдаты – без офицеров и постоянно, постоянно эти жалкие беженцы, в безнадежности сбивавшиеся в кучки на станциях. Среди них, прирученные, как домашние собачки, были брошенные лошади, бродившие в поисках несуществующего сена, щипавшие деревянные частоколы заборов и падавшие в засыпанные снегом канавы, чтобы там и умереть.

К концу февраля вокруг господствовало ощущение безнадежности. Казалось, что конец был очень близок, и хотя я не мог добыть почти никакой информации об истинном состоянии дел, я понимал, что Торговая действительно сдана и что красные наступают на Тихорецк и с северо-востока, и с востока. У нас никогда не было покоя, и мы никогда не оставались на одном месте дольше одного-двух дней.

Куда бы мы ни пробовали поехать, поезд либо останавливался из-за отсутствия пара, либо упирался в поезд, оказывавшийся впереди, движение было очень медленным и часто замирало. Когда мы останавливались, разворачивалось то небольшое, что у нас было, а потом вспыхивала тревога или поспешные сборы к отъезду, все бросалось на месте, и мы снова с грохотом отъезжали. Кажется, мы никогда не ели нормально, потому что, похоже, всегда во время еды поднимались тревоги, и нам едва удавалось сделать несколько спешных глотков, как поезд отправлялся.

Сидорин перенес свой штаб в Староминскую, а потом опять в Тимашевскую, чтобы не пользоваться восточным изгибом железнодорожной трассы для своих коммуникаций. Эта мера очистила железную дорогу для отвода Добровольческой армии и тех немногих остатков Кавказской армии, которые все еще вели бои.

Люди везде находились в движении, приходя с севера по 30 – 40 человек на одну платформу. Эти платформы уже были приспособлены для их собственного использования, так что для железной дороги они уже не имели никакой ценности. Многим из них было бы лучше просто остаться на месте, потому что красные, казалось, проявляли интерес не к людям в городах, а к тем, кто находился в поездах, отлично зная, что именно среди них они отыщут аристократов и торговцев вместе с бывшими офицерами империи, которых они так ненавидели.

Каждое утро они выходили из поездов с застывшими конечностями после ночи, проведенной в неотопливаемом купе, измученные, усталые и приходившие в ужас от мысли, что их поезд вдруг выйдет из строя.

Водокачки на всех станциях замерзли и не работали, и пассажирам постоянно приходилось выстраиваться в очереди, чтобы заполнить кипятильники снегом. Когда паровоз останавливался из-за отсутствия воды, всегда была опасность, что он замерзнет намертво, отчего полопаются трубы; и люди брались за работу, помогая наполнить снегом цистерну, изо всех сил стараясь опять развести пары до того, как вода замерзнет или прекратится горение в топке, понимая, насколько сейчас их жизнь зависит от их усилий. Если их постигала неудача, они присоединялись к тем умирающим от голода людям, что брели на

юг, неся на себе мешки из-под картофеля либо рюкзаки, сшитые из лошадиных попон, содержавшие все их пожитки. Некоторые даже были в модных меховых шубах и несли с собой трогающие душу коробки из-под шляпок или дамские сумочки либо толкали детские коляски.

Когда пассажиры бросали поезда, местные жители кидались грабить, стараясь унести все ценности, какие только могли найти. Приходили сообщения о милях разбитого подвижного состава, подожженного и все еще дымящегося.

47-я эскадрилья Королевских ВВС находилась в Кущевке, будучи направленной специально для поддержки фронта Сидорина своими бомбардировочными налетами, а также разведкой передвижений противника через лед у Таганрога.

– Мы, правда, собираемся в любой момент вернуться на базу, – говорили летчики. – Пришел приказ из Константинополя, чтобы всех британских офицеров отозвать с фронта.

Как я ни старался, но не смог больше выжать из Сидорина никакой информации, а кратковременная поездка в станицу неподалеку от станции лишь укрепила мою уверенность в том, что ситуация катастрофическая. Я попробовал разговорить группы кубанских крестьян и солдат, которые бродили поблизости, но они мрачно посматривали, имели жульнический вид и представлялись мне совершенно не заслуживающими доверия и готовыми в любой момент поднять мятеж. Они угрюмо смотрели на своих офицеров и отказывались подчиняться приказам, собирались группами, несмотря на приказ, и обращались со своим оружием так, что можно было предположить, что они не колеблясь применят это оружие. Вокруг ходили дичайшие слухи: что Деникин передал командование Врангелю и покинул российскую территорию; что будет предпринята попытка оказать сопротивление в Крыму; что британцы везут отборные войска, чтобы обеспечить соответствующее проведение эвакуации; что кампания Колчака в Сибири провалилась, а высшие офицеры ударились в политику, заговоры и контрзаговоры и что между русскими и британцами вспыхнули распри.

В тот же самый вечер пришел приказ Королевским ВВС немедленно улетать, и я написал длинный отчет, который надлежало доставить с летчиками Холмену. В нем я просил разрешения остаться на время, обещая присоединиться к остальным, когда настанет действительно критический момент, и предполагая, что для нас крайне важно не бросать вот так сразу упавших духом казаков. Я также отдал своей группе приказ немедленно собраться в Тимашевской и раздать всю одежду, имущество и снаряжение, какое они смогут отыскать, любому подразделению армейской группы Сидорина, Добровольческой армии либо казакам, которым случится оказаться поблизости и которые покажутся хоть как-то еще способными сражаться.

Все, кроме Уотсона, который теперь был моим переводчиком, уехали без задержек, а я отправился на запасной путь к командующему армией, чтобы предпринять новые усилия в поисках новостей от Агаева. К своему удивлению, я обнаружил, что поезд тоже ушел. Начальник станции пожимал плечами.

– Он ушел на юг, господин майор, – произнес он. – И он не вернется!

Ни одна душа на станции не могла дать мне какую-либо информацию о командующем армией, поэтому я отправил в Тимашевскую телеграмму, куда, как я полагал, он уехал, поручив своим офицерам либо получить объяснение, почему меня оставили в неведении, либо всем вернуться немедленно в Екатеринодар и доложить Холмену. Впоследствии я узнал, что эту телеграмму персонал военного телеграфа так и не отправил, хотя эти люди клялись, что отправили.

Со стремительной быстротой с каждым поездом из Батайска приходили слухи о новых катастрофах на севере. В течение последних нескольких дней ситуация стала совершенно неопикуемой, а мы были зажаты где-то между военными составами и поездами с беженцами и ранеными, которые, будучи не в состоянии

отправиться из-за хаоса и невозможности маневра на путях, оставались прикованными к своей колее длинными сталактитами бесцветного льда, выросшими из туалетов и кухонь. Британские офицеры смотрели на все происходящее фаталистически, понимая, насколько бессильны были русские в несчастье и как бесполезно призывать их к действию, и они бросали монету, загадывая, чей поезд отправится первым, кому из них суждено уехать раньше других.

Нам рассказывали ужасные истории. Видели санитарный поезд с сорока или более вагонами мертвецов, и ни одной живой души. Один вагон был отведен сестрам милосердия и врачам – все они мертвы, – а мужики сталкивали тела на тачки, как будто это был уголь, и сбрасывали их в песчаных карьерах.

Или было так: тела солдат и гражданских лиц, мужчин и женщин, умерших от ран или тифа, сбрасывали в конце станционных платформ, с них тут же снимали любую еще имеющую ценность одежду. Эти жуткие груды серо-белого цвета, одеревеневшие и сложенные, как дрова в поленнице для паровозов, росли в размерах с каждым проходившим через станцию и извергавшим своих мертвых поездом. Всякий раз, когда останавливался какой-нибудь поезд, из него, шаркая ногами и рыдая, спускались фигуры, спускали вниз тело кого-то из своих близких и родных, не желая его оставлять, но понимая, что уже ничего не могут поделать. Служащие железной дороги убирали трупы от рельсов, как только отходил поезд, и бесцеремонно сбрасывали рядом с другими, пока вечером не приезжала подвода, чтобы увезти этот нагой груз, бросая их лопатой на борт телеги, чтобы потом похоронить в какой-нибудь яме, вырубленной в промерзшей почве примерно в полумиле отсюда.

Тем временем Муся выхаживала Алекса, медленно возвращая его к жизни, ведя жуткое сражение с огромными трудностями. Всю ночь сидела она в забитом вещами, перегретом купе, которое делила с ним, и только днем, когда находились другие офицеры и врачи, чтоб присмотреть за ним, она приходила в мой вагон, который я в этом случае покидал, чтоб дать ей возможность поспать, помыться горячей водой и выпить чаю, после чего она возвращалась к своим обязанностям.

Вернувшись после своих бесплодных поисков Сидорина, я, как обычно, нашел ее здесь, до нее только что дошли ужасные слухи о взятии Батайска красными.

– Ведь совсем не так трудно дойти сюда от Батайска, – нервно произнесла она. – Нам надо отправить Алекса отсюда.

– Подожди, – сказал я ей. – Ничего не предпринимай, пока не будешь знать, что там произошло, или окажешься в еще худшем положении, чем сейчас!

– Но что же там произошло? – воскликнула она в отчаянии. – Если б мы только знали!

Однако я не мог сообщить ей ничего нового, а на станции не было паровозов, и, насколько нам было известно, между нами и красными не было ничего, кроме бронепоездов. Поэтому когда она ушла к Алексу, я принялся укладывать свой дорожный мешок, подготовил лошадь и казачий эскорт, захватил две подводы для себя и для нее с Алексом и подготовил все для отправки в путешествие по степи в Уманскую через полчаса.

В 5 часов утра с юга возвратился поезд Сидорина, причем так же загадочно, как и ушел, и когда я после завтрака отправился повидаться с генералом, тот вел себя так, будто никогда не уезжал. Со мной был Уотсон, и с его помощью я направил в генерала свой удар.

– Как представитель британской миссии при вашем штабе, сэр, – заявил я, – я нахожу невозможным исполнять свои обязанности до тех пор, пока мне не будет дана информация о ваших намерениях и перемещениях ваших войск!

Я также привлек его внимание к последнему дню в Новочеркасске и к судьбе Фрешвилля.

– У меня нет никакого желания присутствовать при повторении любого из этих эпизодов, – закончил я.

Какое-то время он был очень зол.

– Я команду армией из пятидесяти тысяч человек, и не вам выяснять или критиковать мои отъезды и приезды!

Он был взбешен, брови мрачно нахмурились, но когда полчаса спустя я прислал ему и Кельчевскому приглашение отобедать со мной в моем вагоне, намекая на то, что кто старое помянет, тому глаз вон, они оба тут же согласились!

Быстрая инспекция серванта выявила последние оставшиеся деликатесы. Черепаховый суп, икра трески, аспарагус из квадратной консервной банки и персики из круглой, последние две бутылки шипучего шампанского и в качестве самого главного угощения этого вечера – Муся в роли хозяйки.

Что за странный званый обед получился на этот раз! Муся меж двух генералов, Уотсон по одну сторону от меня, чтобы переводить, а Агаев – по другую. Не очень нормальное сочетание для развлечения столь высоких гостей, но такое, какое, как я считал, объясняется ситуацией.

Муся была в великолепной форме, и очень скоро все мы стали лучшими друзьями. Сидорин, поднимая тост за мое здоровье, весьма весело сослался на наше «ожесточенное сражение» сегодня утром, а Кельчевский полностью воспользовался возможностью быть вблизи Муси. Примерно в десять часов Агаев намекнул мне, что Сидорин хочет поговорить со мной наедине, поэтому генерал, Уотсон и я вышли и сели рядом на постель в моем купе.

– Сегодня утром, – начал Сидорин, – меня телеграммой попросили гарантировать вашу личную безопасность, если вы останетесь при моем штабе. Я ответил, что совсем не в состоянии сделать это. Фактически я не могу гарантировать на двадцать четыре часа даже собственную безопасность. Целая армия разваливается, и в любой момент я со своим штабом вынужден буду покинуть этот поезд и бежать в горы Кавказа, чтобы жить как бандиты! Как я могу гарантировать вашу безопасность?

В моей голове подсознательно возникла тревога за безопасность Алекса и Муси, и я также заранее подумал о вероятности внезапного налета большевиков, чтобы перерезать железную дорогу, как и о том, что кубанские казаки восстанут против нас. То, что сказал Сидорин, к сожалению, было слишком верным, это я хорошо понимал, но оно оказалось еще страшнее, когда я получил эту информацию напрямую из первоисточника.

В самом деле, не требовалось слишком много ума, чтобы разглядеть катастрофу, разворачивавшуюся вокруг нас на станции, в том хаосе, что существовал: толпы беженцев, переполненные запасные пути, разбитые поезда, которые, мы знали, лежали рядом с рельсами как на фронте, так и позади него, и самое худшее – полное отсутствие новостей. Я мог представить себя отставшим, но, несмотря на это, я все еще не думаю, что реально воспринимал опасность, в которой мы находились, и продолжал считать всю эту ситуацию лишь возбуждающей.

Я пообещал побеспокоиться о собственной безопасности при условии, что Сидорин не оставит меня на пустынной станции без каких-либо вестей, и, поскольку я считал, что близится время, когда буду чувствовать себя в большей безопасности на спине коня, я заявил, что останусь с ним до тех пор, пока не получу приказа Холмена возвратиться.

Мы пожали руки, и генерал ушел, а Муся в течение нескольких минут угощала меня короткой хвалебной песней, причем в Кельчевском она увидела самого идеального мужчину. Для Кельчевского,

казалось, ее малейшее желание уже было законом, и он теперь все устроит для нее и Алекса.

– Он сказал: «Только попроси, – рассказывала она мне немного язвительно, – и это будет сделано!» Он сказал, что все устроит и отныне у меня нет никакого основания беспокоиться.

– Надеюсь, ты права, – мрачно ответил я, зная Кельчевского и помня, как меня бросили на Рождество.

– Я могу ему доверять, – настаивала она. – Даже если британская миссия не сможет устроить, он сможет. Алекс теперь поправится.

Мы расстались с ней не самым лучшим образом. При моей высокой оценке Муси я был очень зол на нее, потому что ее поведение граничило с неблагодарностью.

Примерно в 2 часа ночи я проснулся от толчка своего вагона и, поднявшись, чтоб выяснить, что происходит, обнаружил, что нас цепляют к поезду командующего армией. Было похоже, что планировалось какое-то передвижение.

Моим первым инстинктивным стремлением было убедиться, что вагон Муси был тоже прицеплен, но потом я вспомнил, что сейчас все в руках Кельчевского, и решил оставить это дело на него.

Но ничего не происходило. Мы не ехали, и я ломал голову, размышляя, как поживает Муся. Я выглянул в окно. Станционный двор резко выделялся на фоне снега, здания чернели на фоне белизны и были украшены фестонами из сосулек ржавого цвета. Сильный мороз окутывал все, и я разглядел несколько движущихся черных фигур. Послышался рев пара, и я ощутил удовлетворение от того, что наконец-то что-то происходит.

Потом, несколькими мгновениями спустя, я увидел темную фигуру, бегущую, спотыкаясь, по рельсам к моему вагону и выкрикивающую мое имя. Это был вестовой Алекса, он вручил мне записку, написанную на половинке листа бумаги возбужденными каракулями.

«Ради бога, помоги мне. Красные идут, а генеральский поезд отходит через час. Нам суждено остаться и погибнуть от рук большевиков. Муся».

Глава 18

Да, с Кельчевским покончено, подумал я, а когда через минуту или две Муся сама прибрела сквозь снег к вагону и стала умолять меня встретиться с Сидориным и пристроить и их к этому поезду, я не мог удержаться от весьма низкого предположения, что ее ночной визит к человеку, завоеванному ею за ужином, наверняка поможет выполнить требуемое.

Тем не менее я увел ее из вьюги и оживил с помощью бренди и бисквитов. Руки ее замерзли, и она принялась плакать, тихо и с отчаянием, которое возникло из-за слишком многих разочарований и слишком большого напряжения.

– Он теперь заявляет, что нас нельзя забрать, – всхлипывала она. – Он говорит, что не имеет к этому никакого отношения.

– Я думал, он пообещал, – сказал я.

– Он говорит, что с того времени ситуация изменилась.

– Готов спорить, что это именно так.

Я успокоил ее и написал начальнику сидоринского поезда, спрашивая, что делается в отношении Алекса, и отправил эту записку с переводчиком.

Долгое время мы с Мусей оставались в затемненном вагоне. Она плохо себя вела после моей вечеринки, но сейчас это, похоже, лишь доказало, насколько она была человеком, но сейчас она изо всех сил хотела исправить положение. Нам было почти нечего сказать друг другу, мы ощущали лишь темноту, молчание, холод, горечь и предательство снаружи. Как будто за дверями вагона находился совсем иной мир.

После некоторого времени голос переводчика вернул нас на землю. По милости божьей моя записка сработала. Сцепка всех оставшихся вагонов скоро будет выполнена, и к рассвету, с восстановленной верой Муси в британскую миссию, мы благополучно отправимся на юг.

Я пожелал ему доброй ночи, и он ушел в свой вагон. Муся не пошевелилась, чтобы уйти. Уже наказана, да и последние следы слез стертые с лица, я мог различить ее милое лицо, светящееся благодарностью и счастьем. Опять на нас обоих упала пелена молчания. Казалось, так мало осталось несказанным.

Мысли мои вернулись к ее рождественской вечеринке в Новочеркасске. Сейчас, как и тогда, мы пришли к финалу нашего прошлого существования, которое, бесспорно, закончилось, а теперь оказались лицом к лицу с будущим, которое выглядело грозным и смутным. Тот кризис преодолен; теперь перед нами возник еще один. Какую форму он обретет и как мы оба окажемся вовлеченными в него? Но сегодня было другое дело. Преграды, тогда нас разделявшие, пали, и мы понимали это.

Вскоре Муся мирно заснула рядом со мной. Для меня время остановилось, но было уже изрядно за полночь, когда легкое движение вагона вместе с лязгающими звуками соединительных муфт вернуло нас обоих к реальности.

Ее вагон был совсем близко от моего на запасном пути. Закутавшись до ушей, мы пошли к нему вдвоем. У подножия ступенек, ведущих в вагон, я взял ее в свои руки и очень крепко прижал к себе.

– До свидания, – произнесла она, а потом: – Спасибо за все, за все!

Она нежно повторила эти слова. И перед тем как повернуться и уйти, страдальчески и горестно

прошептала мне:

– Ну почему это должно было с нами случиться именно так?

Не оглядываясь, она поднялась по ступенькам и исчезла в вагоне.

Пока я безутешно брел назад к своему вагону, я понял, что для нас обоих конец пути – очень близко, под рукой.

Вскоре после рассвета мы медленно ехали по дороге на Тимашевскую, где Сидорин должен был устроить свой следующий штаб.

Туда мы приехали лишь в последний день февраля, и я услышал новость, что меня разыскивал какой-то офицер с запечатанным письмом из штаба миссии. Он так до меня и не добрался, поэтому я подумал, что лучше всего будет ехать прямо в Екатеринодар и явиться к Холмену. По приезде я получил приказ вывести всю группу из Донской армии и отправить ее на базу, но мне самому было разрешено вернуться и оставаться несколько дней при Сидорине после того, как группа покинет армию. Потом я распрощался с ним настолько элегантно, насколько мог, и отчитался в Екатеринодаре.

Я сразу же принялся за поиски вагона, в котором должны были ехать Муся и Алекс, но, к своему восторгу, выяснил, что его уже подцепили к идущему на юг поезду и сейчас он был на пути в Новороссийск. Я расстроился оттого, что не имел возможности попрощаться с Мусей, но для меня было огромным облегчением думать, что теперь они в безопасности и наверняка, как только прибудут в порт, попадут на борт какого-нибудь корабля, забирающего беженцев.

Мне не было суждено знать, что их поезд попал в засаду, устроенную зелеными возле Крымска, и несколько вагонов было подожжено. Мусе удалось оттащить больного Алекса от железнодорожных путей, и она пряталась вместе с ним и другими беженцами в кустах, пока их не спасли бронепоезда Деникина.

В Екатеринодаре я провел два дня и с удивлением обнаружил, что Чебышевы и Елена Рутченко вернулись с базы и остановились здесь у друзей.

– С вашей стороны было бы разумно уехать отсюда как можно быстрее, – посоветовал я им. – Еще немного времени, и сюда придут красные.

Они выглядели нервными и немного испуганными, как будто это было нечто для них неожиданное.

– А как же британцы? – спросили они.

– Мы тоже уходим, – пришлось признаться мне, и этой новости было для них достаточно, чтобы спешно заняться сбором вещей.

Возвращаться назад к Сидорину с моими приказами было ужасно отвратительным делом, но его надлежало сделать. Все в его штабе, похоже, либо паковали бумаги в коробки, либо швыряли их в огонь. Кельчевский искоса посмотрел на меня, но, возможно, вспомнив Мусю, старался не встречаться со мной взглядами.

Как ни удивительно, но Сидорин вел себя наилучшим образом, и то, что, как я ожидал, станет суровым испытанием, прошло значительно легче благодаря его поведению. Он одарил меня своей мальчишеской любезной улыбкой, перед которой мне всегда было так трудно устоять, и дал мне знать, что моей вины тут нет.

– Ну и вот, – произнес он, – что же будет теперь?

Не было ни упреков, ни взаимных обвинений, и я понял, что он мне нравится больше, чем прежде. Я

часто чувствовал, что не могу ему доверять, но всегда уважал его позицию и мог понять, почему он и его друзья полагают, что не должны продолжать воевать ради восстановления старых помещиков.

– Мы много раз видели друг друга, – серьезно произнес он. – Думаю, может быть, вы меня не забудете. Вообще-то я вам дам кое-что на память.

И он отстегнул от своего пояса великолепную изогнутую, украшенную камнями саблю и вручил ее мне со словами:

– Это – ваше.

Я не знал, что и сказать. Я был предан казакам и делал все, что мог, чтобы сгладить противоречия между Сидориным и британской миссией вместе с Деникиным.

– Возьмите, – настаивал он. – Храните ее, чтобы помнить о России.

На моих глазах весь остаток группы отбыл из Тимашевска в тот же день, но сам я оставался там еще три дня, вопреки всему надеясь дождаться лучших новостей с севера. Но ничего не изменилось, и поэтому я распрощался со штабом Донской армии и вернулся в Екатеринодар, договорившись, чтобы мой вагон сразу же перевели на главную магистраль на Новороссийск.

В городе оставалось лишь около двадцати британских офицеров, чтобы предотвратить пробольшевистские выступления и помочь в защите Деникина, чьи позиции с каждым днем становились все более шаткими. При мне Елена Рутченко благополучно уехала в одном из вагонов миссии, и я делал все, что мог, чтобы помочь всякому оставшемуся беженцу, которого знал лично. На какое-то время вспыхнула искорка надежды на то, что корпус терских казаков под командой Улагая, которому были немедленно переданы все оставшиеся военные материалы в Екатеринодаре, поможет остановить наступление красных. Улагай был решительным, честным и амбициозным человеком, но он был и немного неуравновешенным и раздражительным и выискивал препятствия, хотя, когда собирался с мыслями, чтобы что-то сделать, он делал это блестяще. К несчастью, его войска были весьма сомнительного качества, и всего лишь два случая, произошедшие в те последние дни в Екатеринодаре, произвели на меня большое впечатление.

Первый – встреча с Янко из финского гвардейского полка, который стоял прямо за городом – тот все еще питал оптимизм и был полон боевого духа. Он, похоже, был по-настоящему рад меня видеть и сразу же заявил, что слышал о моих проблемах с Сидориным.

– И все-таки, – пожал он плечами, – я уверен, что найду вас в Екатеринодаре с остатками британской миссии – вы уйдете последним.

Второй касается Дикова, офицера штаба при генерале Абрамове из 1-й Донской гвардейской дивизии, которого я встречал, когда бывал в дивизии в начале осени. Это был хороший солдат и приятный собеседник, но недавно он перенес ужасный шок, обнаружив своего родного брата в одной из груд обнаженных замерзших тел на станции в Куцевке. Сейчас он пришел с просьбой от себя и еще двух других уцелевших от его старого кавалерийского полка – 8-го гусарского. Полк поддерживал связь с нашим 8-м гусарским, и стало традицией обмениваться рождественскими открытками и другими приветствиями.

– Я хочу, чтоб вы взяли нашу полковую икону, – заявил он. – Она спрятана в Екатеринодаре. Мы хотим, чтобы вы передали ее офицерам британского 8-го гусарского полка в память о старом верном русском полке.

Я согласился, но, когда пришел на место встречи, чтобы забрать ее, никто не появился, и я больше ничего об иконе не слышал. Впоследствии Диков умер от тифа на Принкипо.

К этому времени командование испытывало значительные трудности в поддержании порядка среди населения. Раздраженные солдаты вламывались в винные лавки, на которые им указывали пробольшевистские элементы в городе, и то тут, то там вспыхивали очаги насилия, слышалась разрозненная стрельба. Большинство остальных магазинов были пусты, на их окнах все еще висели разорванные клочки плакатов, приклеенных еще в праздничные летние дни, где демонстрировались цели и продвижения белых армий вместе со слабыми попытками вести пропаганду.

Смотревший на нас с разорванных лозунгов призыв «На Москву!» сейчас выглядел жалко.

Те магазины, которые все еще были открыты, отказывались принимать местные бумажные деньги, и много раз устраивались казни с целью остановить грабежи, которые кавказские головорезы да деморализованные солдаты легко начинали в любой момент. Мужчин вешали на деревьях или расстреливали сразу за городом, и оставшиеся британские офицеры и другие военные каждый день шагали по этим улицам, потому что их присутствие, как считалось, должно было оказывать отрезвляющий эффект. Однако к концу первой недели марта по толпам голодающих бродяг, приходивших в город, стало очевидно, что всякое сопротивление быстро рушится, и, казалось, все штабы воинских частей, включая и сидоринский, вернулись в Екатеринодар. Как только они уходили на юг, позади них железнодорожные батальоны разводили рельсы и ломали стрелки. Нас предупредили, что надо быть готовыми к срочному отъезду.

Наступил последний день нашего пребывания в Екатеринодаре, и в последний раз большой британский флаг свисал из окна почти заброшенного штаба британской миссии.

Мы все собрались в своих вагонах. Поезда Деникина и Богаевского ушли на Крымск утром, а мы должны были отъехать ночью. День-деньской потоки беженцев, в основном калмыков, лились через окраины города, в который им было запрещено входить из опасения истощения и так уже быстро уменьшавшихся запасов продовольствия.

Их судьбе было суждено стать такой трагичной, и в финальном крушении белых армий, понимая, что им предназначено быть уничтоженными за свои антибольшевистские симпатии, калмыки направлялись на юг огромными колоннами, забирая с собой свои семьи в небольших повозках с навесами. Всех их перехватили и перерезали красные.

Я переходил через железнодорожный мост, протискиваясь сквозь толпы людей, которые шаркали ногами и спешили мимо меня в своей безнадежной попытке уйти на юг, когда вдруг увидел знакомое лицо. Поначалу я не мог поверить своим глазам, но сомнений в подлинности обладателя этой личности не было. Это был Ангус Кемпбелл, который со времени своего отъезда на юг шесть месяцев назад из-за заболевания тифом, как я воображал, выздоравливал в уюте своего шотландского дома. Сейчас он вновь выглядел вполне нормально и, возможно, пробирался назад в Россию под личиной гражданского человека, надеясь принести некоторую дальнейшую пользу людям, чье дело он верно продолжал. В тот момент он пытался взять с собой одного из наших переводчиков – Виктора Блохина – и его брата в Шотландию. У меня было лишь несколько минут на то, чтобы переговорить с ним, поскольку он сразу же ушел, и у меня не было больше новостей о нем, пока он не добрался до Принкипо на одном из кораблей с беженцами.

К этому времени было почти невозможно получить надежные вести с фронта, но донских казаков отбросили на юг от Тимашевска, и пока их главные силы отходили на Екатеринодар, рассеянные части на левом фланге пытались перейти замерзшие болота на реке Кубани в западном направлении. Вместе с ними смешались остатки корпуса Кутепова из Добровольческой армии. Вначале Ставрополь, а потом

Кавказская и Армавир были взяты красными, было уничтожено множество людей, и теперь пути для поставки горючего, столь необходимого для железных дорог, были перерезаны. Вопреки ожиданиям, Терский корпус Улагая ничего не добился, а кубанские казаки окончательно подняли руки вверх. Это была окончательная катастрофа. Не оставалось ничего более.

Примерно в 6 часов вечера 12 марта мы в последний раз выехали из Екатеринодара и на следующее утро приехали в Крымск, который должен был стать следующим сборным пунктом для последней обороны холмов, окружающих Новороссийск. Рылись траншеи, немногие дезорганизованные войска были дислоцированы на позициях, и было это всего лишь чуть больше, чем группка мрачных людей, оттаивавших свое замерзшее оружие. Нас встретили с еще худшими новостями. Вся местность к югу от железной дороги и до границы с Грузией кишела отрядами зеленых – дезертирами из обеих армий, грузинскими авантюристами и местными бандитами, – которые держали под прицелом железную дорогу и захватили Геленджик, блокировав Новороссийск с юга так близко, что могли совершать набеги на городские окраины и грабить склады под носом у британской миссии и местных русских защитников.

Возможностей у них было в избытке. На одном участке железная дорога была на протяжении 15 миль завалена обломками вагонов и грудями различных товаров. И никто не охранял это богатство, каждый брал оттуда все, что хотел. Грузовики с боеприпасами, которые давным-давно должны были быть у воюющих войск, были перевернуты, и их обломки все еще дымились. Еще больше банд зеленых занималось грабежами впереди поездов, мчась верхом рядом с путями и стреляя во все вагоны. Как только поезд остановился, ему наступал конец, набрасывались бандиты, убивая и грабя, даже срывая одежду со спин пассажиров и выбрасывая людей на снег, чтоб они там замерзли до смерти. С каждым днем они становились изощреннее и даже нападали на движущиеся поезда, вызывая их крушение для грабежа всего содержимого, и разбитые, сожженные вагоны и крытые вагонетки лежали вверх колесами рядом с насыпью. Уцелевшие пассажиры продолжали свой путь пешком, присоединяясь к длинным колоннам людей, бредущих на юг сквозь вьюгу.

Несомненно, вести обо всем этом производили отрицательный эффект на боевой дух отступавших групп казаков и Добровольческой армии, которые стекались в Новороссийск под непрерывным давлением красных кавалерийских корпусов. Помимо этого, толпы беженцев уже пытались войти в город и поглощали запасы продовольствия сразу же, как только они высаживались на причалы, и мешали передвижению войск. Вестибюли всех гостиниц были полны спавших на полу людей, а продукты заканчивались, и городские толпы бандитов нападали на магазины и даже приставали к беженцам.

Было ясно, что ничто не может спасти Деникина и его силы, и оставалось лишь принять все возможные меры для защиты эвакуации его беженцев, складов и войск позади линии обороны Новороссийска, на которую британцы затратили столько хлопот. Был вызван на помощь Королевский военно-морской флот.

19 марта красные взяли Крымск, и, поскольку всякое дальнейшее сопротивление вокруг Новороссийска прекратилось, наши вагоны были подогнаны к причалу, и в штабе миссии начались совещания по плану немедленной эвакуации.

Глава 19

Новороссийск, когда на него обрушился поток беженцев и разбитых полков, превратился в огромный лагерь несчастных голодных людей, приводящих местное население в ужас. Деникин был бессилен и даже ежедневно подвергался риску захвата, когда его поезд медленно пробивался через море людей, лошадей и машин. Во время долгого отступления погибло свыше 200 000 мужчин, женщин и детей от тифа и обморожения, целые поезда, включая их команды, умирали от лихорадки и холода.

Теперь эти огромные орды народа (причем некоторые из них долго брели через метель) вливались в Новороссийск, еле передвигая ноги, лишенные сил и слишком сломленные, чтобы сделать хотя бы попытку сопротивления. Те, кто пытался хоть что-то сделать, терялись в море раненых, больных и беженцев.

Стоял ледяной холод, яростный сильный ветер с берега пронизывал до костей эти голодающие чучела. Корабли были покрыты льдом, и шторм пронесся сквозь жалкие укрытия беженцев, иногда даже снося вагоны с рельсов. Во всех углах валялись трупы, а госпитали в это время осаждали больные, замерзшие и голодные люди, для которых ничего нельзя было сделать, так что пораженные тифом люди оставались лежать там, где упали. Один русский полковник пролежал две недели в серванте, куда он забрался, когда заболел.

Тиф пожинал смертоносный урожай, и люди, жившие доселе в огромных домах, сейчас существовали в нищенских подвалах без каких-либо простейших удобств и санитарии, а в это время безразличные к этому люди ходили в отталкивающего вида кафе, которые расплодились для того, чтобы освободить их от последних денег.

Все были в отчаянии, потому что понимали, что, когда уйдут британцы, уже никому будет защищать их от сабель кавалерии Буденного. В заливе британские и французские военные корабли Empress of India и Waldeck-Rousseau посылали снаряды в направлении дорог, по которым приближалась красная конница, и удары пушек проносились по городу, действуя на барабанные перепонки и сотрясая стекла в окнах домов.

Вся прибрежная полоса была переполнена людьми, телегами и животными – целые семьи на коленях молились о помощи, вышли преступники из подполья и, пользуясь суматохой, охотились на престарелых и беззащитных. Воцарилась полная деморализация.

Каждая улица с ее заколоченными окнами магазинов была забита телегами, детскими колясками и ручными тележками, поскольку торговцы пытались довести свои товары до пристани, надеясь где-нибудь там снова приступить к своему делу. Солдаты выбрасывали ранцы, а офицеры срывали погоны, потому что красные были одержимы ненавистью к этим символам привилегий, и им доставляло удовольствие прибивать погоны гвоздями к плечам их обладателей, когда в руки попадали офицеры (некоторые в отчаянии стрелялись), а в это время толстые купцы предлагали чемоданы полные бумажных рублей за шанс на проезд. Молодые девушки всеми силами старались сочетаться браком с англичанами – не из-за любви, а чтобы выбраться из страны в качестве британских подданных, – и некоторым действительно это удавалось, при условии расстаться сразу же, как только окажутся в безопасности. Обезумевшие отцы предлагали деньги британским солдатам за женитьбу на их дочерях, а молодые девушки – некоторые высокого происхождения – торговали своим телом, чтобы заработать денег на плату безжалостным хапугам – капитанам барж и владельцам небольших судов за проезд свой и своей семьи. И неизменно, даже если они зарабатывали эти деньги, цены подскакивали, потому что и другие тоже требовали себе мест, и некоторые девушки кончали с собой.

Это был больной, доведенный до отчаяния и ужаса город, где толпы людей тут же набегали в каждую точку, где, как им казалось, могла теплиться надежда на безопасность и эвакуацию. Среди лошадей,

верблюдов, вагонов и припасов они воздевали руки к хозяевам кораблей, зная, что единственной альтернативой эвакуации является смерть, когда придет большевистская кавалерия. Они даже пытались силой пробиться на борт кораблей, а когда терпели неудачу, то просто уступали холоду и отчаянию в оцепенелом молчании, с пустыми глазами, сворачивались калачиком на своих пожитках, потому что все надежды были утрачены, желание жить давным-давно исчезло.

В тот вечер, как мы приехали в Новороссийск, я услышал, что из Константинополя приехал генерал сэра Том Бриджес, в чьей дивизии я служил во Франции. Это был человек с сильным характером, и это он во время отступления из Монса в 1914 г. собирал измотанные войска свистулькой и игрушечным барабаном, купленным в бельгийской деревенской лавке. И он сказал мне, что мы должны выбираться из трудного положения так элегантно, как сможем, и что только небольшой остаток миссии отправится в Крым, где генерал Врангель, принявший ныне командование, надеялся перегруппировать весь состав и запасы, которые можно эвакуировать из Новороссийска.

Деникин полностью утратил контроль над своими разбросанными силами и в результате потерял поддержку как военных, так и гражданских элементов населения. Он фактически сам чуть ли не оказался пленником под Новороссийском, когда его поезд почти налетел на красные войска. Он явно проиграл, но это был храбрый человек, и все, кто его знал, испытывали к нему высочайшее уважение за его целеустремленность и за прямолинейный, пусть и неудачный, метод воплощения цели в жизнь. Он уже уехал, обвиняемый теми, кто не поддерживал его, в дезертирстве и трусости.

Холмен день и ночь трудился над тем, чтобы сдержать британское обещание помочь тем, кто трудился и сражался вместе с нами, но вскоре он уехал для отчета в Константинополь, и с Босфора прибыл батальон шотландских стрелков для защиты британского персонала, и с той же целью в гавани стоял мощный отряд военных кораблей. Управление городом находилось в руках русского военного губернатора и командира крепости, но они были на ножах, так что сделано было очень мало, и среди тех, кто лихорадочно пытался составить планы укрепления города и его же эвакуации, был и один английский полковник.

Большинство беженцев предпринимали отчаянные усилия, чтобы попасть на транспорт Brauenfels, так что я сразу оказался занят и стремился добиться того, чтобы Смагины и Рутченко снабжались из всех складов запасной одеждой и постельными принадлежностями, на которые я еще мог наложить руку, и чтобы они смогли заблаговременно и благополучно проникнуть на борт судна. Все мои остальные друзья, видимо, уехали несколько недель назад. Рештовские были в Ялте, а Муравьевы на пути в Италию. Лак с женой тоже отбыли и сейчас, возможно, уже находились в Англии. Говорили, что жена атамана и его дочь приехали на Кипр, а Абрамовы и другие семьи из Новочеркасска находились в Константинополе.

Состоялось несколько слезных расставаний и обменов адресами. Муся обняла меня, а слезы текли ручьем, с запинанием произнесла слова благодарности и извинений, и в моем горле опять появился комок, и я дал себе слово при всех обещаниях разыскать их, когда все мы будем в безопасности.

Сейчас подступы к городу охранялись лишь немногими добровольцами, готовыми погнубить, лишь бы прошла эвакуация. Нельзя было терять времени.

– Увидимся, – пообещала Муся, в то время как Алекс слабо пожал мою руку. – Пока!

Мы все встретимся позже и снова устроим вечеринку, так же как это мы сделали в Новочеркасске.

– Я еще приду вас проводить, – сказал я. – Не волнуйтесь.

К этому времени уже отчалило много грузовых и пассажирских пароходов, и в гавани оставалось лишь несколько транспортов, но воды были заполнены крейсерами, линкорами и эсминцами, в большинстве своем британскими, их орудия были наведены на дорогу, ведущую к городу. Все еще дул

злой ветер, замораживая грузовики, в которых путешествовали беженцы, и превращая в лед дороги, по которым они с трудом добирались до гавани. На пристанях стояли ряды орудий и лежали штабеля боеприпасов, и солдаты сталкивали все это в темную воду залива. В море было сброшено огромное количество новых танков и аэропланов вместе с горами военного снаряжения.

Беженцы к этому времени пребывали в состоянии крайней паники. Красные обстреливали гавань, и тысячные толпы роились возле линии берега, сидя вокруг костров из мусора, взятого из домов. Как ни удивительно, но некоторые, однако, проявляли инициативу, хотя кто-то попытался доплыть до французского эсминца. Его подняли на борт и вежливо вернули на причал. Британским солдатам приходилось прилагать силу, пока они пробивались вперед, помогая последнему из поездов британской миссии пройти через эту преграду.

Мы слышали разрозненную винтовочную стрельбу и грохот корабельных орудий. Местами красная пехота просочилась в город и собиралась заняться убийствами, насилием и любым иным видом зверств, а город сотрясли взрывы, когда белые подожгли нефтяные цистерны. Береговая полоса была черна от людей, умолявших позволить им подняться на корабль. Некоторые калмыцкие казаки были все еще со своими лошадьми и маленькими повозками – кибитками, в которых они путешествовали, а на воде плавал всевозможный мусор – чемоданы, одежда, мебель и даже трупы. Условия были ужасные. Беженцы все еще голодали, и больные и мертвые лежали там, где падали. Массы их даже пытались атаковать канцелярию по эвакуации, и британским солдатам пришлось разогнать их силой оружия. Женщины предлагали драгоценности, все, что у них было – даже самих себя, – за шанс на проезд на судне. Но у них не было ни малейших признаков этого шанса. Закон был таков, что на борт разрешалось подняться только белым частям с их иждивенцами и семьям людей, работавших с британцами.

Ночью корабельные прожектора были направлены на дорогу в город, и приглушенный грохот обстрела все еще отражался эхом в горах. К этому времени зеленые становились все наглее и пробивались в центр города, в то время как местные большевики убивали людей на каждом шагу и уже порезали на куски на дорогах за городом несколько отрядов калмыцких казаков, которые попытались пробиться в порт.

К этому моменту в городе не было никакого горючего, и станция, и депо, и огромные склады, пахнущие углем и крысами, были полны бездомных людей, истощенных и умирающих от усталости и лишений. Каждый поезд увозил с собой новый груз больных и мертвых, которых подбирали на улицах. Полуостров, казалось, был полон умирающих людей и остатков белых полков. Это было очень близкое подобие чистилища, какое только можно увидеть.

Если другие города и поселки к северу являли собой картину бедствия, то Новороссийск был самым худшим из всего, потому что обломки целой нации сливались рекой к морю и единственному оставшемуся в этом районе морскому порту. Они стекались со всех сторон, эти обломки кораблекрушения от поражений под Харьковом и Ростовом, Новочеркасском и Тихорецкой и отовсюду, откуда белые были выброшены. Жалость стала таким чувством, которого уже никто не ощущал. Происходящее уже превзошло границы сострадания, и люди наталкивались друг на друга без мыслей или чувств, наблюдая, как их друзья и родные падают, и оставляя их, и глядя на одежду мужчин и женщин перед собой с мыслью: «Если бы ты был мертв, это было бы мое».

Выживали сильные, как это было всегда, потому что они были беспощадны и не стеснялись того, что делали, чтобы выжить, а слабые умирали тысячами и тысячами. Некоторые начали свое паломничество на юг из таких северных мест, как Москва и Петроград, и преодолели 600, а иногда и 1000 миль, поначалу в комфорте, потом с меньшими удобствами, иногда останавливаясь на короткое время, а потом, когда красные подошли ближе, опять тронулись в путь, вначале на поездах, затем на телегах и, наконец, пешком, пока их число, несмотря на присутствие в городе целых полчищ беженцев, не уменьшилось до минимума.

Я надеялся подняться на борт Brauenfels для последней встречи с Алексом и Мусей до их отплытия, как и обещал, но на следующий день на пути из штаба миссии к своему вагону, который стоял на путях, идущих вдоль пристани, я вдруг почувствовал слабость и истощение. Я никак не мог объяснить себе причину этой слабости, поскольку, хотя времена и были очень напряженными, они не особо отличались от того, что переживали другие люди последние несколько месяцев. Я чувствовал себя вялым и усталым, и мне вдруг стало трудно передвигать ноги.

Пока я спускался по крутому склону к гавани, я увидел Кейса, поднимавшегося мне навстречу. Мне очень хотелось повидаться с ним и услышать его мнение обо всем, что происходило. Со времени его вступления в должность верховного комиссара, которая упала на него с плеч Макиндера, я слышал, что он глубоко переживал этот несчастливый поворот, который претерпели события. Однако, еще до того, как я смог поприветствовать его и задать свои вопросы, он заметил меня и окликнул.

– Привет! – произнес он. – Как я и думал, твои донские казаки в конце концов сбежали!

То, что он держался своего старого мнения и предрассудков в отношении донских казаков, глубоко укололо меня. Я считал этих людей очаровательными с их странным духом – полным красоты, меланхолии, терпения и простоты, – и это к тому же какой-то трагический народ, символизирующийся в дикой печали своей музыки. И насколько я знал, по крайней мере половина оставшихся сил, отступающих сейчас перед численно превосходящими красными, состояла из донских казаков, которые держались значительно дольше, чем много восхваляемые и более пышные наездники с Кубани.

Они ушли за пределы надежды вернуться к своей родной долине Дона и продолжали проигранный бой, несмотря на сомнительные интриги некоторых своих вождей, по всему Кубанскому краю, казаки которого никогда не делали ни малейших усилий объединиться вокруг Врангеля, Шкуро и Улагая. Верховная власть их постоянно третировала, им не доверяли Деникин, Кейс и многие другие обладатели высочайших постов в Белой армии, и тем не менее в последний день в Новороссийске некоторым даже пришлось плыть на своих лошадях до кораблей и карабкаться изо всех сил, оставляя лошадей на произвол судьбы, позволяя им тонуть рядом с судном. Воды были полны раздувшихся конских трупов.

Я был так огорчен этой вспышкой Кейса, что направился прямо к своему вагону и лег в постель. Моя голова пылала, суставы дрожали, и я чувствовал себя отвратительно и физически, и морально. Все кончено, думал я. Длинный перечень неудач становился все полнее и все неисправимее, чем дольше я смотрел на него. Мой труд закончился провалом – провалом в идеалах, провалом в планах, провалом в исполнении. И что скажет история о провале британской миссии в Южной России и неэффективности большинства ее членов?

Я обнаружил, что мне ужасно хочется отправиться на Brauenfels, попрощаться со Смагиными до того, как они отплывут, и сказать им, как я сожалею обо всех этих неудачах. Мне даже хотелось рискнуть и встретиться глазами с моими старыми друзьями, которые могут сказать: «Видишь, что принесла нам твоя обещанная британская помощь!» Но потом я понял, что мое мнение несоразмерно. Что-то было не так. Все это мне приснилось. Нет, мне не снилось, потому что кто-то вдруг спросил меня, как я себя чувствую, и сказал, что меня отвезут в госпиталь. Я удивился про себя, почему в госпиталь. У меня до этого болела голова, а кроме того, после чая я собирался отправиться в Крым вместе с Врангелем. Чай уже готов? А где повар Василий?

Нет, ответили мне, не время пить чай. Было время завтрака, и скоро корабль отплывет. Ко мне подошли несколько незнакомых офицеров и попрощались со мной перед тем, как я сел в моторную лодку, а потом наступило забытие, и я очнулся сидя на носилках – меня выносили из вагона. Мне необходимо оглянуться и помахать рукой. Но я не мог этого сделать. Я был привязан к носилкам, но нигде не было ремней.

А потом – кто этот гигант, который все рос и рос, и у него была седая голова, а на ней красная повязка? Да это генерал Холмен, и каждый застывал перед ним по стойке «смирно», потому что это был он. Он тоже пришел попрощаться, потому что я отплывал в Крым на моторной лодке. А он полетит на аэроплане Эллиота, и когда мы доберемся до Крыма, все соберемся в Полтаве и там захватим бронепоезд и позавтракаем у Смагиных.

Но он мне говорит, что не собирается в Крым, и что-то протягивает мне. Я подумал было, что это лекарство, но оно твердое на ощупь, и в нем есть булавка, и он прикалывает это к моей груди. И все говорят что-то приятное и улыбаются, а он произносит: «Молодец!» и «Удачи!», и всего меня пронзает какая-то боль, но это не больно, это что-то такое, что куда приятнее, чем боль, но так меня ранит, что приходится натянуть на голову одеяло.

Так я узнал, что значит заболеть тифом.

Хотя мы и дезинфицировали все вагоны, в которых жили, сжигая химические реагенты, чтобы убить вшей, и хотя даже сиденья были вынуты и отдельно продезинфицированы, последние пять дней после Сосыки мне пришлось пользоваться зараженными вагонами, и меня искушали вши. После того как все эти месяцы мне удавалось избегать эту болезнь, слечь в постель сейчас, когда хотелось быть в лучшей форме, чтобы добраться до Крыма и продолжать борьбу, было для меня огромной неудачей. Я уже бредил, а когда неделю спустя прошел через последний приступ в госпитале в Константинополе, моя голова была обрита, ресницы склеились, губы потрескались и нарывали, а зубы обесцветились. Кроме того, я мог разговаривать лишь шепотом, я почти не слышал, был полуслеп и потерял более трех килограммов веса. Но я все еще считал, что мне не повезло.

Сейчас я думаю по-другому!

Многие искусные писатели о России восхваляли ее, описывая ее ширь, белизну, простоту. Я не могу соперничать с этими более одаренными людьми. Но я просто могу сказать, что Россия влечет меня своей загадкой, зовет меня даже сейчас, после всех лет ее страданий. Чары, которыми она околдовала меня, никогда не исчезнут.

Мы не преуспели в том, что намеревались сделать, но мы старались изо всех сил, – успешно или нет, бог знает, но надо отдать долг всем офицерам и гражданским лицам, как русским, так и британцам, которые отдали все лучшее ради дела, которое мы в любом случае считали справедливым.

Без их верной помощи я один ничего сделать не смог бы.

Эпилог

После Новороссийска Врангель надеялся, что, продолжая борьбу в Крыму, он будет амнистирован в глазах союзников. Но до своего ухода Великобритания истратила около ста миллиардов фунтов стерлингов, а Франция – около тридцати пяти миллиардов в своих усилиях поддержать белые армии, но за исключением небольшого военного снаряжения, вывезенного в Крым, все – танки, пушки, аэропланы, госпитали – было потеряно при эвакуации Новороссийска.

Поэтому британцы отреклись от Врангеля, хотя французы и признавали его правительство. Его численно уступающие красным войска были окончательно разгромлены в ноябре 1920 г. Те, кто все же сумел эвакуироваться вместе с ним – а их насчитывалось около 50 000, – раскололись и осели в Китае, на Балканах, в странах Балтии, Германии, Болгарии, Франции, Британии, Соединенных Штатах и Южной Америке. Их падение с вершин власти было ужасным. Генералы подметали улицы, чистили ботинки и становились швейцарами в ресторанах, содержавшихся князьями и их женами. Лишь немногие преуспевали. Большинство просто исчезло.

Врангель умер в Брюсселе в 1928 г. после героических усилий улучшить участь своих людей. Он был похоронен в русской церкви в Белграде после грандиозной церемонии похорон, которую посетили военные и морские делегации всего мира. Шесть его старых товарищей прибыли из такой дали, как Южная Америка, а почетный караул состоял из 30 казаков, и среди них все обладали Георгиевским крестом за мужество в бою. Маршалом церемонии был старый друг Врангеля Кутепов, который вскоре после этого исчез в Париже и, как считают, был убит. Генерала Романовского убили в Константинополе. Деникин умер в Соединенных Штатах в 1947 г.

Что касается Уильямсона, то по возвращении в Англию он вернулся к своим обязанностям в британской армии, оправившись от тифа. В 1922 г. он отправился в Индию, в 1926 г. женился, а в 1928 г. возвратился в Англию, став в 1935 г. подполковником. Когда в 1939 г. началась война, он был командиром 50-й Нортумбрийской дивизии Королевской артиллерии, а с 1939 по 1940 г. был командиром корпуса средней артиллерии III корпуса во Франции, вернулся в Англию через Дюнкерк. Он был командиром артиллерии в V корпусе с 1940 по 1942 г., когда был снова упомянут в военных сводках, и старшим офицером военной связи восточного региона гражданской обороны с 1942 по 1945 г. В 1945 г. он ушел в отставку в звании бригадира. Однако он был слишком активен, чтобы успокоиться и ничего не делать, и был одним из директоров при министерстве торговли с 1946 по 1953 г., а в 1960-м был избран в сельский районный совет Чичестера и в совет графства Западный Сассекс – в 1961 г.

Что касается других. После окончательного крушения Сидориным и его начальником штаба Кельчевским издавалась газета «Донской вестник», а редактором ее был толстый и улыбчивый граф дю Чайла. Хотя газета и была официальной, она содержала и статьи, разжигавшие вражду казаков к добровольцам, настраивала их против генералов и высокопоставленных лиц и призывала отделиться от России. С помощью Богаевского Врангель – отныне главнокомандующий, заменивший Деникина, – сместил Сидорина и Кельчевского и отправил дю Чайла под военный трибунал. Допросы выяснили, что главари были Сидорин и Кельчевский и что дю Чайла играл лишь малозначительную роль. Последний пытался при аресте покончить с собой и тяжело ранил себя, а военный трибунал приговорил Сидорина и Кельчевского к каторге, хотя Врангель заменил этот приговор снятием с постов. Трибунал вынес решение, что дю Чайла, как и подозревал Уильямсон, был заурядным авантюристом и мелким сообщником, и тот был оправдан. Он уехал за границу и продолжал свою политику враждебности даже после того, как армия покинула Русскую землю.

Муся и Алекс Смагины бежали в Париж, где Алекс нашел работу в Армии спасения и умер там примерно в 1930 г. После его смерти исчезла и Муся, и, несмотря на все свои попытки по возвращении из Индии, Уильямсон так и не смог выяснить, что с ней случилось.

Звягинцев, русский связной офицер при Холмене, кончил тем, что завел антикварную лавку на Беркли-стрит в Лондоне. Другой переводчик, сопровождавший Уильямсона и Холмена в их первой поездке, также благополучно добрался до Англии, а во Вторую мировую войну еще один, князь Оболенский, погиб, воюя в Королевских ВВС. Вскоре после возвращения в Англию Холмен ушел в отставку и умер в 30-х годах. Лэмкирк, офицер частично русской крови, стал бизнесменом и присоединился к торговой компании АРКОС, созданной для сотрудничества Британии и России, когда после Гражданской войны были установлены дипломатические отношения. Он умер в 1925 г. Ангусу Кемпбеллу удалось довести своих переводчиков до Шотландии и устроить их в домах в личном поместье. Он умер в 50-х годах.

Что касается Богаевского, то после Новороссийска он попал на Принкипо, а потом в Париж, где и умер. Его жена вернулась – как и многие другие белые русские – на Балканы и погибла во время воздушного налета на Белград во Вторую мировую войну. Командующий восточными армиями Колчак, более всего связанный с чехами, чье неповиновение Советам вызвало к жизни всю эту идею антисоветских армий, в конце концов предан этими же чехами. Его поезд, отходивший на восток, был ими остановлен и в обмен на обещание их собственной безопасности передан большевикам. Колчака расстреляли, а его тело затолкали под лед замерзшей реки Ушаковки.

Светлана Муравьева вышла замуж за итальянца, а ее сестра Ирина – за голландца. Еще раз Уильямсон видел Ирину после выздоровления от тифа, когда был во Флоренции, и узнал, что она живет здесь. Лак погиб в автокатастрофе в 50-х годах, а Агаев покончил с собой на Балканах в 20-х годах, как сделал и Чебышев в Париже.

Эллиот, пилот, который летал с Уильямсоном в поисках газовых снарядов, стал маршалом авиации сэром Уильямом Эллиотом, а Кулишоу, командир 47-й эскадрильи, стал вице-маршалом авиации. Оба служили во Вторую мировую войну, Кулишоу командовал соединениями Королевских ВВС в Аламейне. Вдова Каледина умерла от инфлюэнцы в 1920 г. Репутация жутких буденновцев, к сожалению, не устояла перед более дисциплинированными войсками нацистов во Второй мировой войне. Все еще при усах, но уже с хорошо развитым вкусом к потаканию своим слабостям, он доказал свою неспособность и командовал 500 000 русских, погибших либо попавших в плен под Киевом в 1941 г. Ужасному Махно, главарю зеленых, удалось продержаться до 1922 г., когда советская власть решила ликвидировать его. Но он бежал в Польшу с прекрасной еврейской девушкой, чью семью уничтожил, а саму девушку взял пленницей. В конце концов он женился на ней.

Остались еще один-два человека. Когда немцы вторглись в Россию в 1941 г. и захватили Новочеркасск, Павлов – еще один друг Уильямсона и непримиримый противник коммунистического режима – выбрал то, что считал меньшим из двух зол, и формировал казачьи полки для немцев. Потом он был убит в Польше. Полки были отправлены в Италию в 1944 г., а когда в 1945 г. кончилась война, они сдались британцам. По соглашению между русскими и британцами их потом передали, несмотря на яростные протесты, русским властям, и в январе 1947 г. Кремль объявил, что несколько генералов повешено. Среди них были Краснов и грозный Шкуро – главарь «волков».